Poduve rosoca

СБОРНИК РАССКАЗОВ БРЯНСКИХ ПРОЗАИКОВ

УДК ББК С

Редакционная коллегия:

В. Е. Сорочкин – руководитель Брянской областной

общественной писательской организации

Союза писателей России.

Л. С. Ашеко – член Союза писателей России.

В. П. Берзин – руководитель Жуковского районного

литературного объединения «Стожары».

В. С. Решетнёв – член Союза писателей России.

А. В. Ронжин – руководитель семинара прозы, член Союза

писателей России.

Л. Л. Семенищенкова – член союза писателей России.

С Родные голоса. / Сборник рассказов брянских прозаиков. Составитель В.П. Берзин. — Брянск, 2018. — 192 с.

ISBN

В сборник вошли поизведения авторов: Романа Абакумова, Людмилы Ашеко, Вячеслава Берзина, Татьяны Бойко, Валентины Быковой, Аркадия Зернова, Надежды Кожевниковой, Валентины Никитиной, Анатолия Остроухова, Виктора Решетнёва, Ларисы Семенищенковой, Галины Солоновой, Светланы Тарасовой (Муравлёвой), Тамары Харитоновой, Натальи Шестаковой.

УДК ББК

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждую последнюю среду месяца в 15.30 в помещении Брянской писательской организации собираются прозаики: ознакомить присутствующих со своими новыми рассказами, отрывками из романов, послушать произведения собратьев по перу. Семинары прозы посещают как известные брянским читателям авторы, члены Союза писателей России, так и молодёжь, еще неизвестная широкой публике. Причём новичком может оказаться не обязательно молодой по возрасту, приходят на семинары и те, кому перевалило уже за шестьдесят.

Часть из того, что звучит в писательской организации, не выходит за пределы этого небольшого помещения: «суд» собратьев по перу всегда строг, ни одна погрешность не остаётся незамеченной. Комуто делаются замечания по композиции рассказа, кому-то указывается на смысловые несоответствия отдельных частей, кому-то... Впрочем, не буду раскрывать всех ошибок, допускаемых авторами. Отмечу лишь, что обмен мнениями оказывается полезен не только для начинающих, но и для «ветеранов». На то он и творческий диспут.

Но вот рассказ одобрен всеми присутствующими, отмечена необходимость его публикации. Возникает проблема: как это сделать? Члены семинара решились на смелый шаг: издать лучшее, что прозвучало в стенах писательской организации за последнее время, на свои средства. А в дальнейшем (кто знает?) и спонсор может появиться...

Тематика «Брянских рассказов» самая различная. Художественный уровень их, возможно, не одинаков, ибо наряду с членами Союза писателей (Л.С. Ашеко, А.С. Остроухов, В.С. Решетнёв, Л.Л. Семенищенкова), публикуются и начинающие авторы. И «ветераны», и «новички» надеются лишь на одно: читатель не останется равнодушным, обязательно найдёт для себя произведения, которые затронут самые сокровенные струны его души.

Руководитель семинара прозы, член Союза писателей России А.В. РОНЖИН

Роман Владиславович АБАКУМОВ

Абакумов Роман Владиславович, жирналист, писатель, поэт, рок-музыкант. Член областного литературного объединения при Брянском отделении Союза Писателей России, член литературного объединения «Творческие мечты» (г. Брянск). Творческий путь начал со школьной скамьи. Первые публикации стихов в газете «Брянск - Бежица» в девяностых годах. После окончания Брянской сельхозакадемии работал в университете преподавателем, был главным редактором студенческой газеты «СГУщёнка», Брянского филиала СГУ, затем — журналист на местном радио, ведущий новостей. Выступал со своими песнями на радио «Европа плюс Брянск», «Серебряный дождь Брянск», «Чистые ключи» в 1998 и 1999 годах.

Финалист литературного конкурса «Русская старина. Мистика» конвента «Басткон-2016», номинант литературного конкурса «Крымское приключение» (2016), рассказ «Морские врата Таврики» был включён жюри конкурса в одноименный сборник рассказов. Неоднократный участник поэтических вечеров «Поэтической лестницы», Брянского литературного клуба «Огонь»: «Эволюция любви», «О смысле жизни», и др. Дипломант Всероссийского творческого конкурса-фестиваля «Русский лад -2016» в номинации «поэзия» за стихотворение «Ода Родине», дипломат Всероссийского творческого конкурса-фестиваля «Русский лад - 2017» в номинации «авторская песня».

СУЖДЕНИЯ

олнце катилось к горизонту, прячась в облаках, и дарило людям расписную красоту заката. Этой картине явно радовался Александр, который неторопливо подошёл к автобусной остановке, не замечая немногих людей, стоящих рядом. Взлохмаченный и немного чумазый, он по-детски щурился навстречу солнцу, немного покачиваясь, и явно не замечал неодобрительные взгляды, буквально сразу устремившиеся к нему. Всё это время он как-то нелепо улыбался, очевидно, пребывая в приподнятом настроении. Старенький, видавший виды серый плащ был расстёгнут, тёмная водолазка под ним покрывала в поясе потёртые джинсы, и сам он, долговязый и худощавый, скорее напоминал студента-недотёпу, неряшливого, неопрятного, а выражение благостного лица и вовсе наводило на не самые лучшие размышления.

- Совсем совесть потеряли эти молодые, недовольно буркнула черноволосая полная, в светло-бирюзовой куртке пенсионерка стоявшей подле неё под навесом остановки собеседнице, придерживающей на скамейке сумку с продуктами, которая поправляла свои крашеные светлые волосы и также неодобрительно таращилась на мужчину.
- Под кайфом, что ли? она перевела свой взгляд на пенсионерку, и чуть наклонившись к ней, заговорила низким, недовольным голосом:
- Сейчас чем только не травятся и совсем не стесняются, на людях уже в открытую!
- О, да, вы только посмотрите, не унималась пенсионерка, его прямо выворачивает.

Молодой человек потянулся, не вынимая рук из карманов и переминаясь с ноги на ногу, и продолжал всё так же нелепо улыбаться закату.

— Ну, точно наркоман, — поддержала собеседницу блондинка, — хоть бы физиономию свою бесстыжую умыл. И где только извозюкался?

— Да, небось, по подъездам каким шарился! У нас, вон, наркоманы в первом подъезде всегда собираются на последнем этаже, после них постоянно шприцы на полу валяются.

К остановке приблизился пожилой мужчина в коричневом пальто, постукивая по асфальту деревянной облупившейся, некогда черной тросточкой. Усевшись рядом с женщинами, он снял с головы старенькую шляпу и начал обмахиваться ей, как веером. Тяжело дыша, он периодически поглядывал то на женщин, то на раскачивающегося парня. Послушав их разговор, он нарочито громко прогундосил:

— И куда только наш участковый смотрит? Вон, бедолага, аж шатается, гляди, чтобы ветром не сдуло.

Женщины одобрительно закивали головами, и, обращаясь к старичку, стали ему поддакивать:

- Вот мы и смотрим: то ли пьяница, то ли наркоман. Поглядите, как ему плохо.
- Говорю я вам, он под кайфом, не унималась светловолосая женщина.

Рядом с ними на скамейку опустилась ещё одна сумка, и женщина, поставившая её, окинула мимолётным взглядом всю ругающуюся публику, тяжело вздохнула и перевела взгляд на мужчину.

- Вот в наше время, не унималась пенсионерка, такого быстро приструнили бы.
 - А как вы думали страна была не та.

Разговор продолжался в прежнем духе, когда к покачивающемуся мужчине подошла молодая, высокая и стройная женщина. Все мигом смолкли, уставившись на них обоих. Мужчина тем временем быстрым движением извлёк из ушей наушники, и, протянув руки к женщине, обнял её.

- Ну, привет, чумазый мой. Давно ждёшь?
- Что, правда, чумазый? Я только с работы.
- Эх, Саш, давай вытру, женщина нашла в сумочке платок и с нежностью смахнула с его лица сажу, приговаривая:
 - И что это мы тут слушаем?
 - Баха, ты же знаешь, как его люблю.
 - И поэтому у тебя настроение такое приподнятое?

- Просто я сегодня на работе девочку маленькую спас. Прямо из огня вынес на руках. Боялся, пока нёс, чтобы не обожглась и не задохнулась, мчался прямо. Но всё в порядке, успел. Я, как только на улицу выбежал, противогаз снял, гляжу, а она, как ангелочек, смотрит и не плачет даже. Мне так благостно на душе стало, вот и хожу целый день с таким настроением.
- Пожарный ты мой, ну пойдём уже, заждался, небось, взяв под руку, женщина повела его восвояси. Над остановкой повисла гробовая тишина. Женщина, подошедшая последней, снова тяжело вздохнула, и, взяв свою сумку, двинулась прочь, бросив напоследок:
 - Одни наркоманы кругом.

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ

тот полёт Максим ждал целую неделю. Аэроклуб «Крыло», в который он ходил, после победы в областном конкурсе федерации любителей авиации отправили в Крым. Там знаменитая на весь Советский Союз скала парашютистов собирала многих любителей сверхлёгких летательных аппаратов, а именно в этой категории аэроклуб одержал победу.

Параплан, к которому десятиклассник Макс так пристрастился за последние полгода, звал и манил всё время, ведь недаром руководитель клуба Александр Матвеевич говорил: «Кто однажды окунулся в небо, уже не забудет его никогда». Так случилось и с Максимом. Возможно, сыграли роль гены — его дедушка на фронтах Великой Отечественной Войны был лётчиком-истребителем, да и сам Макс в глубине души надеялся, что после окончания школы станет десантником, а если повезёт, то, может быть, и лётчиком.

Вид со скалы открывался живописный: Чёрное море так и радовало взгляд, волны перекатывались и слегка пузырились, поигрывая бликами на солнце, а чуть левее у подножия скалы виднелся песчаный пляж и довольно большое пространство за ним для посадки, куда обычно приземлялись парапланеристы, чтобы подняться наверх по металлической лестнице для нового прыжка. Пологий склон, поросший травой, как нельзя лучше оберегал юных любителей авиации от неудачных взлётов, поскольку здесь сложно было удариться головой о какой-нибудь выступ или камень, да и шлем на голове надёжно защищал.

Отец, сопровождавший Максима в этой поездке, всячески помогал, распутывая стропы, раскладывая их на земле вместе с другими участниками аэроклуба, и подбадривал сына. Тихая, почти безветренная утренняя погода обещала несложный полёт над морем, полукруг в сторону берега и посадку на площадке у пляжа.

Особого волнения у Макса не было, скорее, предвкушение от долгожданного полёта. Вот, наконец, ему помогли застегнуть подвесную систему, шлем, прозвучали последние слова о готовности, купол параплана натянули по краям, приподняв за спиной Максима. Почувствовав лёгкое дуновение ветерка, руководитель полётов скомандовал: «Пошёл!» Максим привычно дёрнул передние концы строп вперёд и вверх, начиная разбежку и одновременно глядя вверх, чтобы проконтролировать положение купола. При первых же шагах поток воздуха вырвал из держащих позади рук помощников параплан, который, зашуршав, поднялся над головой Максима ровно, будто подчинившись команде, и едва земля стала уходить из-под ног пологим склоном вниз, как Максим наконец ощутил это счастливое мгновение взлёта — он в воздухе!

— Молодец! — донеслось уже снизу и позади радостное восклицание отца, и полёт вошёл в привычную фазу, когда клевантами – специальными стропами управления — можно чуть накренить купол вправо или влево, чтобы повернуть в нужную сторону. Вид с высоты птичьего полёта не сравнится ни с чем, когда под ногами открывается пропасть, в ушах свистит ветер, и ты понимаешь, что паришь над морем, которое раскинулось под ногами и, уходя вдаль, смыкается на горизонте с небом. Радостное чувство охватило Максима. «Класс!» — пронеслось у него в голове, и, чувствуя равновесие, он начал отдаляться от скалы, немного спускаясь вниз. Но неожиданно ветер подхватил его и понёс в противоположную от пляжа сторону. «Силы небесные! — мысленно воскликнул Максим, будто повторяя привычные слова матери, которые она произносила порой. — Откуда утром такой боковой ветер?»

Немного натянув левую клеванту, Максим хотел повернуть к пляжу, но вместо этого вдруг ощутил провал вниз, и, теряя высоту,

понёсся навстречу волнам, гораздо правее скалы. Так вышло, что он скрылся от взоров тех, кто стоял наверху, за выступом скалы. «Да что ж такое? — с отчаянием успел подумать Максим. — Так хорошо всё начиналось!»

Параплан, относимый дуновеньем ветра ещё правее, продолжал снижаться.

Посадку на воду в аэроклубе отрабатывали в основном старшие ребята, но, как вести себя в этой ситуации, Максим знал. Воду следовало принимать за твёрдую поверхность и приземляться так, будто это и есть земля. Однако ветер продолжал нести его ещё дальше, и вдруг неподалёку в воде стали различимы очертания человека.

Кто-то плескался в море: судя по всему, ребенок. Максим сначала не обратил на это внимания: мало ли кто летом купается в море? Но, подлетев ближе, заметил, что жесты ребёнка какие-то необычные: мальчик то ли махал руками, то ли звал на помощь. И только теперь Максим понял, что малыш тонет. «Ну что за день!» — пронеслось в голове. Ветер снова подхватил купол, унося парня ещё дальше, но Максим уже твёрдо знал, что делать. Он затянул глубоко вниз правую клеванту, сворачивая к берегу, и уже возле самой кромки воды изо всех сил потянул вниз обе клеванты, опуская параплан.

Такой мягкой посадки Максим не помнил за весь свой полугодовой опыт полётов, словно сами силы небесные помогали в такой непростой ситуации. Ветер и вправду будто поддержал его, мягко опустив на землю. Дальнейшее Максим помнил уже как во сне. «Только бы успеть!» — думал он, стараясь как можно быстрее отстегнуть подвесную систему и шлем. Освободившись от снаряжения, он побежал по песку, скидывая на ходу сандалии, к морю и бросился в воду. Плавать Макс умел хорошо и не думал в тот момент о себе, главное было — скорее спасти ребенка. Впереди маячила фигура, то и дело бестолково вскидывающая руки, и Макс мысленно обращался к нему: «Держись, я уже рядом!»

Плыть оказалось не так далеко. Достаточно скоро Макс схватил за шиворот измотанного мальчишку и начал грести к спасительной суше. Занятие это оказалось не таким уж лёгким: ребенок цеплялся за Максима и буквально топил его вместе с собой. Но внезапно на память пришли наставления старших, как следует вести себя в таких ситуациях, и вскоре после волнитель-

ной, но непродолжительной борьбы Максим, наконец, ощутил под ногами спасительное дно. Едва доставая до него, он подхватил обессиленного пацана, который снова вцепился в него, как напуганный котёнок. Но теперь Макс уже увереннее продолжил движение к берегу. Выйдя из воды, он посадил паренька на землю и, разглядывая его, мысленно благодарил ветер, который, как ему казалось, помог спасти мальчика. Думая о случившемся, Максим почему-то вспомнил свою маму, а на ум пришли всё те же слова: «Силы небесные».

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

смотрел и никак не мог понять, что же такого необычного в ней есть. Вряд ли её можно было назвать красавицей — просто симпатичная женщина. Русые с проседью до плеч волосы, аккуратно прибранные заколками на затылок, яркие зелёные глаза, острый, почти орлиный нос, высокий лоб и

дью до плеч волосы, аккуратно прибранные заколками на затылок, яркие зелёные глаза, острый, почти орлиный нос, высокий лоб и глубокий взгляд не просто умного, а, казалось, мудрого человека. Но самое непонятное было в другом: она просто светилась какимто невероятным счастьем изнутри, как будто его излучала. Сам не зная почему, я решил вдруг подсесть к этой милой женщине, тем более что свободных мест в вагоне-ресторане было не так много.

— Вы позволите?

Мой вопрос как будто пронёсся мимо неё. Она словно меня не услышала, ответив лишь мимолётом:

— Да, пожалуйста.

Усевшись напротив, открываю меню и разглядываю её, делая вид, будто читаю. Куда она смотрела таким непонятно-счастливым взглядом, я так и не понял, но женщина, поймав мой взгляд, вдруг заметила:

- Вы меня так пристально рассматриваете, что мне становится неловко.
- Извините, пожалуйста. Просто не смог удержаться. У вас такой необычно счастливый вид, будто только что услышали признание в любви от человека, которого сами безумно любите.

Она засмеялась, прикрыв лицо рукой, а затем обратилась ко мне со своей по-прежнему загадочно-счастливой улыбкой:

— На то есть причины.

К моей попутчице подошла официантка, возвращая ей сдачу со словами:

- Вы у нас сегодня герой дня.
- Ну что вы, бросьте, засмущалась в ответ моя соседка, снова переведя взгляд куда-то за мою спину.

Не выдержав, я всё же обернулся, чтобы узреть, куда же это она так смотрит, но ничего особенного не обнаружил: взбудораженный мужчина за соседним столиком активно что-то обсуждал с кем-то по мобильному телефону. Внезапно мужчина встал, подошёл и, поздоровавшись со мной, обратился к моей случайной знакомой:

— Спасибо большое, Вы даже не представляете, как помогли. Моя попутчица загадочно улыбнулась в ответ:

- Ну, что вы. На моем месте каждый поступил бы так же.
- Нет-нет, поверьте мне: увы, не каждый способен на это. Вы совершили маленькое чудо, я даже не знаю, как теперь благодарить.
- Не будьте, как все. И в следующий раз сами совершите чтонибудь подобное. Это, конечно, не чудо вовсе на самом деле, но, когда можете помочь, не проходите мимо. Это и будет самая лучшая благодарность для меня.

Мужчина улыбнулся, еще раз поблагодарил и умчался куда-то прочь. Она тем временем встала, и, забрав маленькую сумочку, ушла. Я, как ошарашенный, смотрел вслед и, когда подошла официантка, спросил:

- Объясните, что здесь случилось?
- Да сын у этого мужчины от поезда отстал. Поздно спохватился, хотел уже с поезда прыгать, но вмешалась эта женщина. Впряглась, как говорится, по полной. На той станции, оказалось, она всех хорошо знает, сама оттуда родом, позвонила кому надо, ребёнка быстро нашли, отвели к начальнику вокзала и теперь отправят следом за нами ближайшим рейсом. Просто она поняла, что может помочь и не смогла пройти мимо. Сколько тут было эмоций хоть фильм снимай. Она прямо герой дня. Как жаль, что в жизни редко встречаются такие люди. Вот уж действительно: маленькое чудо.

Людмила Станиславовна АШЕКО

Живёт и работает в Брянске — автор шести поэтических книг, трёх книг и двухтомника прозы, соавтор четырёх коллективных сборников стихов, прозы, драматургии. Печаталась в периодической печати, в том числе в газете «Литературная Россия», «Литературная газета», «Экономическая и философская газета» (Москва), в журналах «Днипро» (Чернигов), «Немига» (Минск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Наш современник», «Российский колокол» (Москва), в журналах и альманахах Брянска. Член Союза писателей России, Международного Союза писателей и мастеров искусств, Союза писателей Союзного государства, лауреат литературной премии им. Н. И. Рыленкова 2004 г., им. Ф. И. Тютчева «Русский путь» 2007 г., Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В. И. Белова 2008 г., Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» 2012 г., победитель Всероссийского литературно-публицистического конкурса «Спасибо тебе, солдат!» 2006 г., победитель в конкурсе на форуме «Славянская лира» (номинация «драматургия») 2014 г., лауреат премии им. А. К. Толстого «Серебряная лира» 2027 г. Л. С. Ашеко руководила секцией прозы областного литературного объединения при Брянской писательской организации в течение 10 лет, награждена Грамотой СП России, Благодарственным письмом Министерства культуры, медалями в честь 200-летия Тютчева, 100-летия Шолохова.

Первая публикация в областной газете «Брянский комсомолец» — стихотворение «Я иду по знакомой дороге» в 1960 году в подборке стихов юных поэтов, членов литературной студии Брянского Дворца пионеров и школьников, руководимой поэтом-фронтовиком (впоследствии и прозаиком), членом СП России Валентином Динабургским.

ОТПАВШИЕ КРЫЛЬЯ

колько Игнатий Романович Буркин ни втягивал живот, сколько ни напрягал ягодичные мышцы, в большом зеркале прихожей отражался тот самый Колобок, каким величала его супруга, обзываемая в отместку Воблой за плоскость и сухость её фигуры.

— Гнат! Ты чего вертишься перед зеркалом, как кошка над горячим блином? Опоздаешь! — Вобла подала свой низкий, не совпадающий с внешностью голос.

«Засекла-таки, досужая», — досадливо, но не зло подумал Игнатий Романович, закутывая шею шерстяным с пухом шарфом, изделием его Воблы, и с кряхтеньем и отдуванием влезая в меховое нутро коротких сапог.

«Откуда этот жир набрался? Да, покушать люблю, сладенького, жирненького, мучного не чураюсь, но ведь не без меры! Ну, что я там в завтрак съел? Яишенку на свининке в три яичка, пару солёных огурчиков, творогу под вишнёвым сиропом маленькую мисочку, пару булочек с корицей — ох, вкуснятина! А-а, ещё ж под яичницу бутерброд с гусиным паштетом... нет, два... с половиной, потом кусочек холодца с хреном. Ну, кофеем с молоком запил. Кружка, правда, почти что пол-литровая. И что? Это же до обеда, до часу дня терпеть! Да... сидишь полдня, считаешь, бумажками шуршишь, а после полудня в животе начинает попискивать, поурчивать... Желудок своего просит». Так он размышлял в лифте, спускаясь со своего четвёртого этажа, аккуратно двигаясь по обледенелому за ночь тротуару (а вчера дождь моросил!), что-то ещё додумывал в троллейбусе, наслаждаясь ощущением сытости и остатками послевкусия во рту.

На обед в буфет он не ходил — брезговал, да и денег жалел (не поешь как надо, а заплатишь ого-го!). Буркин накрывал рабочий стол короткой клеёнкой и доставал из бессменной спортивной сумки собранную супругой снедь: два термоса — один, в форме банки, с супом или щами, второй с любимым кофеем на молоке, контейнеры с котлетами или мясом, с пюре или кашей, пакет с

хлебом и булками, другой с помидором там, огурцом... В общем, полноценный обед работника мужчины. Его сослуживцы, входя в кабинет после буфета, воротили носы от смешанных запахов снеди, демонстративно открывали форточку, включали вентилятор у окна, но Игнатий Романович давно перестал реагировать на проявление их чувств — проветрят и успокоятся. Он главный бухгалтер, а они — мелкие сошки, потерпят. Из этой четвёрки только Синяева имела право на его внимание: красивая, молодая дама, с изумительно стройной фигурой, изыскано одетая, всегда невозмутимая, спокойно гордая. «Пава, истинная пава», — восхищался ею втайне Игнатии Романович. При взгляде на неё сзади, когда она, наклонившись над своим столом дотягивалась до косметички, лежавшей в углу на краю, Буркин сглотнул набежавшую слюну, подавился и закашлялся. Синяева обернулась:

— Воды, Игнатий Романович?

Он, кашляя, замахал руками, мол, нет, не требуется. Но внимание сотрудницы оценил. Она была в бухгалтерии относительно новенькой, второй месяц заменяла спроваженную на пенсию семидесятилетнюю Марью Кирилловну. Буркин жалел бывшую «старуху», так за глаза называли её в коллективе, её опыт и хватка казались незаменимыми в их бухгалтерском деле. Но вот и вполне достойная замена пришла. «Так и я, уйду на заслуженный отдых, и вспоминать меня никто не станет», — справившись с кашлем, глубоко вздохнул Игнатий Романович. С появлением в офисе Синяевой, его жизнь, прозрачная, как вода, вдруг, словно в неё упала капля красных чернил, стала отсвечивать заревым румянцем, нежной радостью. «Да, красота спасёт мир, — вдруг вспомнилось из далёких школьных лет, — или... ох, только бы не переживать, не печалиться... Не лишиться бы покоя!» Но к её голосу он прислушивался, редкий, сдержанный смех волновал его, глаза тайно поглядывали, следили за ней.

К концу рабочего дня Буркин, собирая в папки документы, услышал такой милый голос:

— Уважаемые мои сотрудники! Я приглашаю вас ненадолго задержаться. У меня день рождения, мне бы хотелось немного отметить его с вами. Я принесла скромное угощение, прошу к столу.

Она поставила на стол вынутый из большого полиэтиленового пакета красивый узорный мешок, отпустила его шнурки-завязки,

и тот сразу превратился в круглую, нарядную скатёрку, на которой разместилась в середине бутылка шампанского, а вокруг — коробка с небольшим, но высоким, как горка, тортом, картонный бочонок с конфетами, контейнер с порезанными фруктами и кистями винограда, стопка маленьких пластмассовых блюдец, стаканов и ложек. Она и нож не забыла, и пачку салфеток достала из сумки. Всё моментально, ловко, изящно, словно давно натренировалась делать подобные сюрпризы. Настроение коллектива стало приподнятым. Кира Милославовна, превосходящая даже Буркина тучностью телес, певуче укорила: «Ну, что же... мы не знали, Лариса Петровна! Без подарка неудобно как-то...»

— Удобно-удобно! Вы меня порадуете! К столу, к столу!

Коллектив не пришлось уговаривать: Буркин, Кира, Авдотьев, сорокалетний тощий очкарик, Лида Халютина и сама именинница — все дружно подняли бокалы и почти хором поздравили Ларису Петровну, искренне симпатизируя новой сотруднице.

Буркин давно не пил шампанского. Он за праздничным столом удостаивал внимания пятьдесят, ну, с перерывом, сто граммов водочки под хорошую закуску, а тут... В горле у него покалывали, вошедшие в проголодавшуюся плоть пузырьки весёлого вина, голова слегка кружилась, будто, как в юности, он протанцевал вальс. Тепло разлилось по телу.

Они шутили, смеялись анекдотам Авдотьева, подкалывали молодожёнку Лидочку, и Синяева уже не была такой строгой и сдержанной, показалась проще и доверительнее.

Шли по коридору, досмеивались, дошучивали... Синяева дружелюбно и весело общалась предпочтительно с Игнатием Романовичем, и его душа пела! Ему казалось, что у него за спиной раскрылись крылышки. Конечно, совсем небольшие, не способные вознести его объёмную плоть к облакам, но всё-таки...Трепет мягких пёрышек щекотал его шею, отзываясь сладким смехом весёленького Буркина. И тут в большом зеркале вестибюля Буркин увидел себя рядом с Синяевой и ужаснулся: он был почти на голову ниже её, старенький, облезлый Колобок, над лысиной которого реяли несколько торчащих волосинок. Его веселье заметно пригасло, но Лариса Петровна вдруг подхватила его под руку, склонилась к его лицу и прошептала: «Я рада встрече с вами!» Крылышки тут же прибавили в росте.

Спускаясь с трёхступенчатого крылечка, Буркин опередил Ларису и галантно подал ей руку. Она, благосклонно улыбаясь, положила свою на его запястье, Буркин в восторге шаркнул ножкой и тут... На обледенелом тротуаре Игнатий Романович поскользнулся, упал на спину, перевернулся перпендикулярно крыльцу, невольно дрыгнул своими короткими ножками так, что они задрались и тут же упали, и как раз подсекли красавицу Синяеву. Она, раскинув руки, упала прямо на Буркина, словно нацеленная в его широкие объятия. Компания на миг примолкла и... разразилась смехом. Но самое ужасное: подбородок женщины с размаху угодил Буркину по носу так, что тут же кровь закапала на его шикарный шерстяной с пухом шарф — гордость заботливой Воблы. Лидочка, перекрикивая смех, заверещала: «Вы что! Смотрите — кровь! Скорую надо вызвать!»

Игнатия Романовича подняли после лежащей на нём Ларисы, понятно, Кира Милославовна, бабушка троих сорванцов, догадалась отломить сосульку на водостоке и приложила её к носу потерпевшего, другой ледышкой протёрла шарф, размазав по нему кровь страдальца. Буркин, осторожно ощупав нос, отменил вызов скорой, так как кость не отзывалась болью, вошёл в подошедший троллейбус и уехал от махавших вслед сотрудников.

Вобла ахнула, учуяла запах выпитого, но жалость победила: не стала она долго выговаривать, махнула рукой и поспешила застирать шарф.

Утром нос Буркина был довольно укрупнившимся, отливал красно-синим, как недозрелая слива сорта Ренклод. Он шёл на службу в расстроенных чувствах, стыдясь своей травмы, и потому не держал, как обычно, голову высоко, даже запрокинуто, а прижимал подбородок к тучной груди. Коллеги встретили его сочувственно, с грустными взглядами и протяжными вздохами, но в глазах у них всё-таки проскакивали лукавые искорки.

Синяева подошла, взяла его руку в свою, заглянула в глаза:

— Как, Игнатий Романович? Терпимо? — он грустно кивнул, — я думала, вы меня узнали, но, видимо, это не так. А я вас узнала. Мы с вами лет восемь соседями по дому были, по тому старому, что снесён на Васильевской. Я, хотя и была старше, с дочками вашими дружила — с Катей и Машей, мы на качелях по очереди качались. Вы такой заботливый отец! Чудесные качели нам

устроили! Как девочки? У них семьи? Детки? — Он молча кивал в ответ. — И у меня двое... Это же я по мужу Синяева, а так — Зелинская. Вы с папой всё в шахматы во дворе резались, но его больше нет. Ладно, простите, я вас совсем заговорила. Ещё не раз побеседуем, правда?

Буркин растрогался чуть не до слёз. Он не сказал ни слова в ответ, только кивал и мигал, но понял, что она и не ждала его слов, понимала его состояние. Ему стало легко, просто, свободно в общении с ней, Ларисой Зелинской, дочкой Петра Гавриловича, тогда преподавателя, а с годами профессора института, где и он, Буркин, работал полтора десятка лет бухгалтером. И соседствовали они дружно, и все девять квартир составляли единый дом с дорогими, близкими людьми. Мирно стало на душе Игнатия Романовича, но с затаённым чувством грусти он ощутил, будто его крылышки открепились со спины и, словно опадающие листья, покачиваясь на лёгком ветерке молодых воспоминаний, падали, падали и опустились на паркетный пол офиса и превратились в солнечные пятна на нём.

ЗЕМЛЯ РОДИНЫ

евичья фамилия Маргариты была Родина. В школе её по имени не звали: Родина и Родина. Потом она поняла, что не по фамилии её зовут, а по новому имени. Потому что Нина Михалёва, отличница, и та, когда собирались в больницу к Ларисе, сказала такую фразу: «Встречаемся у калитки Родины». А уж Нина в падежах разбиралась! Даже учитель физики как-то оговорился: «Отличные работы у Михалёвой и Родины». Рита не возражала, даже гордилась: да, какой-то Родя (Родион, наверно) дал ей фамилию, спасибо ему, но имя её теперь самое значимое — Родина. А сама её родина — село Королёво, лучшая часть земли огромной Родины — России, где мамин домик с садом, где речка Королёк, где грядки, впитавшие и капли её, Риткиного пота, и школа, и все-все королёвцы... «Боже мой! Жизнь прожита какая! Шестьде-

сят лет промелькнули, просвистели ветрами, надувавшими паруса надежд!» Из этих прошедших лет, сорок она носит фамилию мужа, документы чётко заявляют, что она Маргарита Брилёва, а телефон нет-нет да прозвенит Нинкиным или Ларискиным голосом: «Привет, Родина! Как ты? Здесь или там?» Там — это в Чикаго, у дочери. Но «там» быть навсегда она не хочет.

Вот стоит Маргарита на одной из центральных улиц фантастического города и слушает экскурсовода фирмы «Русский тур». А он просит обратить внимание на плитку под ногами.

— Вот такой квадратик земли, занятый вашими ногами, сто́ит... Цифра заоблачная! «А что, и в Москве, особенно в центре, земля страшно дорогая,— вздыхает Маргарита. — А я за какую цену продала мамину землю? Жалкие гроши. Нет, не домик-развалюшку, его уже разобрали по брёвнышку, а землю. За эти деньги и в нашем областном центре комнату не купишь. Там, в Королёве, пусто теперь. Дачники ещё обозначают его существование, а земля... Взбежишь (ещё могу взбежать!) на горку, горизонт — по кругу, земля, землица, землища лежит, зарастает мелколесьем, зовёт труженика... А кто её зов слышит? Только ветры гуляют по её просторам, носят семена трав и растений... А сколько она стОит никто и не спросит...»

Маргарита подняла лицо к небу. В ограде из небоскрёбов яркоголубой квадратик кажется таким далёким, недостижимым. «В поле небо близко. Кажется, рукой достанешь, до облака допрыгнуть можно! А тут, долго-долго взглядом добираешься до крыши небоскрёба, а потом осознаёшь, что оно, небо, ещё выше... Ого! Из каменной трубы его простора, ширины, не видно. А сколько стоит такой квадратик неба? Никто не знает. Всё на планете имеет цену: поделены площади, занятые городами и полями, дорогами и даже океанским дном, всё оценено, и только небо бесценно. Оно не людское, оно — Царство небесное. Вход в него стоит жизни, а что стоит жизнь? Вот про что думается! Точно известно, сколько стоит тот квадрат земли на кладбище, где лежат мои дорогие. Но, хотя и оплачен он нелёгкими, трудом добытыми деньгами, а цену его определяет совсем иное: счастье, любовь, надежды, горе, не выплаканное до конца...»

Чикаго назвали по имени заполонившего эту часть земли более двух столетий тому назад дикого американского чеснока, спа-

савшего индейцев от простуд и внутренних болезней, сдабривавшего своим острым вкусом пищу. Вот, может быть, на этом самом месте стояла такая же пожилая скво, вдыхала запах чеснока и смотрела в небо. Оно было широким и близким, и отсюда, с плоской вершины холма было далеко видно землю — всю её ширь... И, смешно, но вспомнились Рите поездки в утренних городских троллейбусах в родном городе, где так часто, защищавшая себя от гриппа, стиснутая в единое публика, выдыхала крепкий, ядрёный этот запах.

Маргарита возвращалась в туристическом автобусе домой к дочери. Хайвэй плыл навстречу, и по его сторонам простиралась чужая земля: поля кукурузы, картофеля, злаковых... «А похож пейзаж на картины нашей природы. И климат похож. И... да, Боже мой! Люди тоже похожи, даже азиаты и мексиканцы, даже чернокожие! Окунёшься в простую, бытовую жизнь, в кафе зайдёшь, в магазин, в транспорт — всё как и у нас. Все едят, что-то покупают, куда-то едут, о чём-то разговаривают, думают... У всех одна Земля. Планета. Но каждому дорог свой клочок. Ну, мысль-то не нова. Это давно известно и понятно, а вот чувства... Они захватили здесь, в чужой стране. И надо в них разобраться, осмыслить, высказать самой себе».

Дочь уже ждала у офиса Русского тура. Она вышла из машины и улыбнулась.

- Мама, устала? Что-то ты невесёлая. Как себя чувствуешь?
- Прекрасно, детка. Немного укачало в автобусе, чуть не уснула. Выехали ведь рано. И ты сегодня проснулась ни свет ни заря! Пришлось меня везти...
- Это ничего, пораньше ляжем, да? Или будешь русские новости смотреть?
 - Буду. Я здесь в гостях, а дома...

Она замолчала, и дочь её не тревожила, только вздохнула. Не приживается у неё мама, всё стремится обратно.

Утром Маргарита вышла на балкон, полила растения: огромную юкку, фикус, кашпо с укропом и петрушкой, помидорные кусты в объёмных горшках, в своих, дозированных, квадратиках земли... Белка пробежала по перилам балкона, прыгнула на ветвистую липу. Утро наливалось жарой. «Завтра воскресенье, и мы поедем в Бо-

танический сад. Там так красиво! Погуляем по Японии, Англии, даже в России посидим под берёзой. А в оранжереях и южные страны увидим — участки земли, засаженные экзотическими растениями. Пальмы, бананы, разнообразные кактусы, какао и мандарины с плодами... Ах, как прекрасны вцепившиеся в древесные стволы орхидеи!.. Всё в цветах, всё напитано соками земли, кормящей и поящей. А скоро... скоро полечу над землёй, увижу сверху города, поля, леса и моря, колышущуюся толщу океана и небо! Небо близкое и таинственное, с облачной подстилкой внизу, под самолётом. На чёрном фоне космоса огромные, махровые звёзды, чистого золота круг луны, и тайна будет наплывать в душу и тревожить её. Потому что в небе живому неуютно, одиноко, и живых необоримым магнитом притягивает к себе земля! Моя земля, земля Родины!»

поток

гор увидел тот, самый неприятный, сон, повторяющийся с годами всё реже, но так же всегда ввергающий в стыд и обиду, как в детстве: приснилось, что обмочился. До семи лет это с ним и вправду иногда случалось, когда он ночью мёрз в постели, но с первого школьного дня — всё, как рукой сняло. Он перестал прятать глаза от мамы по утрам, хотя она никогда его не ругала, только сочувственно вздыхала, и он огорчался до затаённых слёз. А всё же иногда он просыпался среди ночи или под утро от зябкого ощущения, хотя постель оставалась сухой. Миновало его детское горе, а память осталась. Вот и сейчас его, пятидесятилетнего мужика, разбудил липкий, постыдный страх, наполненный явственными, противными ощущениями. Он провёл рукой по грубой подстилке и почувствовал, что там мокро! «Ух ты! Это что же? — испугался Егор. — Болезнь моя вернулась на старости лет?» Он попытался включить свет, щёлкнул выключателем — лампочка не зажглась. Егор притих и в тишине ночи услышал ровное, как дыхание спящего, шуршание о стену под маленьким чердачным оконцем. Он спал на чердаке, на сене, под самой крышей. Вчера, после рыбалки, они посидели с Иваном у него дома за столом, на котором скворчала, остывая, выловленная рыбёшка, исходил паром варёный картофель, а Катя, жена Ивана, не пожалела бутылки первача. С устатку (ходили за пять километров вверх по реке на запруженную старицу), после дня на воздухе, перекуса всухомятку так аппетитно выпивалось и елось, так добродушно вспоминалось детство, деревенские вольготные деньки! Вроде и не было недетского, надрывного труда, хождения за четыре километра туда-обратно в школу в любую погоду, однообразной еды с чёрствым, затхлым хлебом, закупленным на две недели, не было ссор и драк... Одна благодать приходила на ум, одно добро вспоминалось. Сейчас это застолье мелькнуло одной короткой фотовспышкой, тревога заполонила душу. Егор ощупал сено под собой и почувствовал, как от нажатия рукой, сквозь пальцы проступает влага. Вспомнился рухнувший стеной воды ливень, спасибо, успел под свою крышу, сладкий сон под гул стихии, грохот грома и высверки молний в окошке.

Теперь было тихо. Он вгляделся в темноту за мутным стеклом. Внизу, совсем рядом перекатывались слабые блики, тихо, но упорно катил живой, устремлённый вниз по течению, поток. «Ах, ты! Это ж беда! Мало, что после ливней воды прибыло в реке, видать, запруду на старице прорвало! Так что же? Хату, выходит, затопило? Если б там спал... ух ты! А теперь?..» Он растерялся, засосало под ложечкой, пересохло во рту. Он, как делал всегда в тяжёлые минуты, словно остановил мысль, несколько раз с силой сжал и разжал кулаки. «Что делать? Первое — без паники. Что там с деревней? Я — на своей горке, они все — на другой, на ровном возвышении, хоть бы не потонули...» Тоска сковала его, выжимая, как крем из тюбика, остатки воли. Егор даже тихо заскулил от муки душевной.

Их хата, родительское гнездо, стояла на отшибе, обособленно. Её в деревне обозвали скворечней за странный вид: отец купил в городе полдома, перевёз сюда, думал достроить, но сыны, Егор и Николай, чуть оперились и рванули в город. Так и осталось строение однобоким, высоким не по деревенским меркам (потолки больше двух с половиной метров от пола), да ещё с круглым чердачным окошком. Любил Егор свою хату. Николай не претендовал — уехал с женой на Украину (теперь и вестей нет от них), а

сам домовладелец, после мирно почивших родителей, почти половину жизненного времени проводил здесь, как он говорил, на природе. Женщин сюда ни мёдом не заманишь, ни силой не затянешь, замужние дочки свои интересы имеют. Даже овощи с грядок их мало привлекают: даст отец — возьмут, а он на спине много ли принесёт?

Егор снова пощупал своё ложе — воды заметно прибавилось. Он почему-то осторожно, загрубелыми пальцами расшатал и вынул маленькие гвоздики вокруг стекла, потом достал и само круглое, как иллюминатор, стекло, устроил его в углу на сене, попробовал пролезть на крышу. «Э, нет. Надо раздеться, одежда не даст протиснуться. Хорошо, я не толстый! Ванька бы с пузом не пролез, — подумал мельком, и тут же тревога за друга защипала влагой в глазах. — Всё надо с себя снять, в узел свяжу и на крышу отправлю, потом и сам». Он догадался оставить свободной одну штанину, и только с четвёртой попытки смог забросить узел на крышу, удерживая при падениях за штанину и искупав трижды в воде потока, тянущего узел из рук.

В одних трусах он сидел на горбе крыши и дрожал так, что зубы клацали, и дважды прикусил язык. Тут от боли немного отрезвел разум, и он вспомнил про мобильный телефон, который привык класть на широкую балку над головой, когда ложился на чердаке. Надо было снова лезть в дыру окна, достать вещь, которая вряд ли сгодится. «Эх, наверное, разрядился мобильник! Я ж зарядное устройство дома забыл!» Он, дрожа и царапаясь о проём окна, вернулся на чердак, осторожно повёл рукой по балке, нащупал телефон, открыл его (модель была старенькая, убогая). Экран засветился, но риски не было. Егор быстро набрал номер спасения «сто один», нажал кнопку вызова, но тут же экран погас. «Всё, конец, если бы сразу вспомнил, успел бы», — с полным отчаянием подумал он, в досаде размахнулся, чтобы выбросить телефон в отверстое окно, но следующая секунда принесла мысль, что вот, как-то погибнет он, а удостоверение его осталось в хате, в сумке, тело может обезобразиться смертью, так хоть по этой пустяшной вещице смогут установить его личность. Он зажал телефон губами и снова выбрался на крышу. Холод сразу охватил его тело. Егор тряскими руками развязал узел. Внутри куртка защитила от воды свитер и майку. Повторяя «слава тебе, Господи», надел вещи, положил мобильник в нагрудный карман рубашки, застегнул пуговку и снова благодарил Бога за то, что решил спать на сене, что спать там надо было в одежде, что, если бы не был под хмельком, вряд ли полез на чердак. Только сапоги остались внизу, он всегда их там оставлял, потому что мазал дёгтем, и от ходьбы портянки потели, а он любил свежий воздух, приправленный запахом сена. «Сколько это времени?» — не мог даже представить себе Егор, потому что тьма была сплошной, небо затянуто тучами. Он устроился так, чтобы, сидя на коленях, согревать босые ноги, и ждал рассвета.

Новый поток покатил свои волны — поток воспоминаний и дум. Детство они вспоминали с Иваном, а теперь свежим утренним сквозняком прильнула к лицу юность. Егор, вслед за старшим братом Колей, уехал после девятого класса в Реченск, устроился в то же профучилище, после него на работу в ЖСК электриком, с помощью брата быстро освоился с профессией и, после отъезда Николая с женой, получил от него частных клиентов, а значит, солидный приработок. Он не сошёлся с пьющей компанией, а стал собирать деньги на кооператив (общежитие надоело до рвоты) и начал присматривать себе пару, знакомиться с приличными девушками. Ему хотелось найти скромницу, хорошенькую и хозяйственную, с профессией. Так и пришла в судьбу синеглазая Люся. Две дочки-погодки, квартира, мотоцикл с коляской — всё, как у людей. Хорошо жили Мазаевы, Люся любила его, крепко любила, он это видел, чувствовал, понимал и ценил. А он? Любил ли? Уважал — да, ценил — ещё бы! А любовь... любовь нагрянула в сорок лет. Сумасшедшая, горькая, мутная, как этот поток под самой крышей. Алина, молодая, с глазами, как ночь — в звёздных крапинках по угольной черноте, горячая, ревнивая, жадная... А ещё и ленивая, требовательная, капризная. Стояла в глазах каждый миг, мучила, насмехалась. А сейчас Люся встала перед его лицом. Её слёзы, поток слёз и молчание. Только рука протянулась к двери — иди. «Вот мне и расплата, вот и справедливость жизни. И то, что Алинка наигралась со мной и бросила старого дурака, и то, что Люся видеть не хочет, — всё наказание Божье. Но, думал, сам разрушил жизнь, сам и живу в доме своём квартирантом, так нет, мало, видать... Как же помру? Утону? До берега не доплыть, пловец я аховый. Доску,

что ли, выломать? Грести, пока хватит сил. Или с голоду помереть? Страх страхом, а в желудке урчит. Ладно, подожду пока, гляну утром, что да как, а там решать буду», — сказал он себе громко, вслух и немного успокоился.

Утро расцветало ясное, солнечное. Вода не прибывала. Текла мирным, ровным, еле движимым потоком. Егор грел ноги руками, его трясло — он ждал солнечного тепла. Середина августа была по-летнему тёплой днём, но с довольно холодными ночами. Он пристально вглядывался в простор воды — края не видел. «Что-то случилось. Водозабор снесло, что ли? Плохо, что река течёт по низине, по ровному руслу, почти стоит, нескоро сойдёт». Разгорался день, ему стало теплее, начал изводить голод. Иногда вода неспешно протаскивала мимо его крыши-острова какой-то мусор. Егор прополз к самому краю, лёг на живот и, черпая пригоршней, напился воды. Она была с неприятным привкусом и пахла тиной. Длинная ивовая ветка зацепилась за край крыши, он её зачем-то вытащил, положил на гребень. А скоро обрадовался, что так сделал: проплывала мимо большая оранжевая тыква. «Ишь ты! Завтрак мой плывёт!» — веткой подгрёб к себе гостинец, грыз, ломал сочную мякоть, лузгал скользкие семечки, и радовался, наслаждаясь.

Вот и ещё один поток стал непрестанно литься — поток времени. Оно текло, подобно воде под крышей, медленно, тягуче, едва заметно. Солнце, изливая поток света, лениво вползало на небо. Егор задремал, лёжа на спине. Вдруг ясно прозвучал детский Ванькин голос «Мазай! Мазай!» Егор открыл глаза и, чуть не сорвавшись в воду, резко сел. Вода сверкала на солнце, слепила бликами, но была пустой, как и прежде. Хотя... что-то плыло в его сторону, что-то знакомое по форме. А, корыто. Всего лишь цинковое корыто. «Такое у нас в сенях висело на стенке, мама в нём нас мыла», — вспомнилось Егору. Надо бы его достать, мало ли что. Он успел зацепившейся за крышу веткой приостановить и погнать к себе корыто.

— Ух, ты, мать родная! Это что же? Нате вам, пожалуйста!

В корыте сидела кошка. Рыжая в светлых полосках, почти котёнок, она вдруг коротко мяукнула и прыгнула прямо на руки к Егору.

— Ты ж моя лапушка! Гостьюшка дорогая! Не боишься меня? А ну как съем тебя с голоду? Не бойся, — гладил он мягкую шёрстку, — не обижу. Недаром я Мазай! Как там в стихотворении «Дед Мазай и зайцы»? Вот и будешь ты у меня Зайцем зваться. А... ты девочка, значит, Зайка. Корыто тоже вещь ценная: может, в нём поплывём к берегу, ненадёжно, боязно, но...

Он немного оживился, и надежда затеплилась в душе.

Когда солнце, пройдя полуденную точку, стало опускаться к западу, Егор услышал звук мотора в небе, увидел вертолёт и стал махать курткой над головой. Вертолёт снизился, верёвочная лестница повисла над крышей. Егор, засунув Зайку за пазуху, влез по качающейся лестнице в вертолёт, и тот взмыл в небо.

Ноги так дрожали, что казалось, это вертолёт под ними подпрыгивает. Егор обнимал спасателей, слушал, что говорят, почти не улавливая смысла. Только и понял, что в деревне погибших людей нет, а скот пропал и все животные тоже. Что сигнал его телефона МЧС всё-таки успел принять, по нему и по ориентировке беспокойного друга Ивана нашли его, Егора Мазаева, не жившего в самой деревне. Да, прорвало водозабор, снесло и запруду, есть погибшие в других населённых пунктах, есть и пропавшие без вести, так что, иди, дядя, к доктору, пусть осмотрит и домой отправит, если здоров.

Все процедуры Егор попросил отменить, чувствовал, что нет повреждений, а главное, не хотел выпускать из рук Зайку. Они в вертолёте перекусили бутербродом с чаем из термоса, и теперь больше всего хотелось домой. Его отвезли на «скорой», ехавшей в его сторону.

Егор вошёл в прихожую, включил свет и глянул в зеркало. «Вот тебе и на! Действительно, дед Мазай!» Его каштановая шевелюра была вся побита сединой, как земля ранним инеем. В прихожую вышла Люся. Лицо её из мертвенно-бледного стало разгораться, наливаться краской. Егор выпустил из рук Зайку, шагнул к жене и припал к ней, уткнув лицо в теплоту шеи. Она не оттолкнула его, сомкнула руки на его затылке и заплакала. Он чуть отстранился, заглянул в её глаза — она улыбалась, а слёзы лились потоком.

Вячеслав Петрович БЕРЗИН

Родился в 1952 году в Тамбовской области. Живёт г. Жуковка Брянской области. Работает в Жуковской межрайонной больнице заведующим травматологическим отделением. Писать литературные произведения начал в зрелом возрасте. Стихи издавались в коллективных сборниках: «Утренние росы» и «Под шелест листопада» (литературное объединение «Стожары»), «Литературный Брянск». Автор поэтического сборника «Бесконечность» (2010), сборника рассказов «Новеллы дождя» (2015), повести «Стройотряд» (2016), прозаического сборника «Что будет, то будет» (2018). Член Международного Союза писателей и мастеров искусств, литературного объединения Брянского отделения Союза писателей России. Руководитель Жуковского районного литератирного объединения «Стожары».

CKA3KA

воё прозвище Сказка получил ещё в детстве. Невысокий, щуплый, драчливый — ничем не выделялся среди сверстников. Только как увидит книгу сказок, не вырвешь из рук клещами. Читал запоем днями напролёт. Когда родители ложились спать, включал под одеялом фонарик.

В пионерском лагере вокруг него всегда вилась малышня. Сказка возился с ними самозабвенно, вечно придумывал какие-то игры, розыгрыши, конкурсы. Вечером усадит в беседке и читает сказки. Так же и во дворе. Ровесники посмеивались, а соседские мамаши всегда ставили его в пример:

— Смотри вон, как Игорь за сестрёнкой приглядывает: и накормит, и погуляет с ней, и книжку почитает, и спать уложит. Ему бы воспитателем работать. А вам, оболтусы, только бы баклуши бить.

Я его порой спрашивал:

— Гоша, чего тебя так тянет к мелюзге?

Он помолчит, посмотрит серьёзным взглядом и, вздохнув, скажет:

— Не знаю. Сам люблю сказки, и с другими хочется поделиться.

Все так и думали, что он пойдёт в педагогический. Но Сказка, на удивление знакомым, рванул в военное училище. Да не в какое-нибудь штабное, а в десант. Он ведь шустрый был, спортивный крепыш. Окончил с отличием. А сразу после выпуска — Афганистан. Вернулся оттуда возмужавшим, серьёзным, на вопросы всё больше отшучивался. Однажды только промолвил:

— Лучше никому такого не видать.

Карьерный рост шёл по плану, вот уже и майор. И в Карабахе побывал, и Чечни не миновал. От его батальона в Грозном осталось меньше роты. Сам с тяжёлыми ранениями почти год провалялся по госпиталям. От строевой службы отстранили, в штабе не прижился.

— Не моё, — сказал и подал рапорт на увольнение. Пришёл на завод. Назначили мастером. Продержался полгода:

— Бардак, — жаловался, — пьют, как скоты! Никакой дисциплины!

Ну, ещё бы ему, бывшему строевому офицеру, терпеть эти непорядки!

Ушёл в уголовный розыск. В этом человеке каким-то непостижимым образом уживались одновременно и мужественность, и юношеская наивность. Это — как портупея на малышовых штанишках вместо помочей. Добрый с детьми, но жёсткий по характеру, с аналитическим умом, он пришёлся ко двору. Ловил бандитов, сидел в засаде, стрелял, когда надо было. Потом исчез из моего поля зрения. Не виделись много лет.

А тут иду по улице — навстречу Сказка собственной персоной. И с книгой подмышкой. Загоревший. На лицо, конечно, постарел, но взгляд живой.

- Старик, куда ты пропал?
- В Израиле живу.
- Чего тебя туда занесло?
- Так у жены бабка еврейка, вот её туда и потянуло. А я следом.
 - Ну, и как там, в Еврейлэнде?
 - Что тебе сказать? Кругом одни евреи.
 - А как по-другому? Это же Израиль.
 - Хочется русского духу. Вот и пригремел сюда отдохнуть.
 - Что читаешь-то?

Он протянул книгу. «Сказки народов мира». Кто бы сомневался!

- Первая любовь не ржавеет?
- Не-а. Интересуюсь по-прежнему. Раньше не достать было, а теперь полно, да какие обложки и картинки красочные! Мимо не пройдёшь, хочется полистать страницы.
 - Внуки, поди, уже?
 - Не угадал. Детей Бог не дал, и внуков, естественно, тоже.

Покрутил книжку в руках, поделился:

- Племяннице подарю.
- Уезжаешь скоро?
- Тут пока побуду.

- Увидимся?
- Заходи завтра вечерком. Где мать живёт знаешь.

На следующий день, как договорились, я стоял на крыльце небольшого дома под развесистой елью и давил на кнопку звонка.

- Гриша, ты, что ли? подслеповато прищурившись, разглядывала меня мать Игоря.
 - Я, Мария Николаевна. Гоша дома?
- Нет его. Говорил, что тебя ждёт. Потом кто-то позвонил, сын второпях собрал дорожную сумку и был таков.
 - Не пояснил, куда поехал?
 - Ничего не сказал. Обещал потом объяснить.

Игорь всегда был импульсивным. Но что моего друга отличало — это пунктуальность и обязательность. Раз сегодня он нарушил нашу договорённость, значит, произошло что-то серьёзное.

— Проходи, раз зашёл. Сейчас чайку организую.

Я с любопытством заглянул в комнату друга. Давненько тут не был! Всё те же стеллажи со сказками и книгами детских писателей. А вот тут, с краю, новые. Обложки ярко выделяются на фоне изданных ещё в Союзе книг. Справа на стене висят фотографии в рамках. То с матерью Сказка, то с сослуживцами, тут — на броне БМД, а здесь — при посадке парашютистов в самолёт. Вот эти не видел: группа детей (человек двадцать), а в центре Гоша. Ещё фото с детьми и женщиной в белом халате.

- Мария Николаевна, с кем здесь Игорь?
- Где? Так это в детском доме. Когда служил, ездил всегда во время отпуска. А теперь как получится. Наберёт коробку подарков и к ним. Я ему: «Своих надо нянчить!» А он смеётся.

Про детский дом-то я не слышал. Скрывает друг свою благотворительность...

Через месяц Сказка сам позвонил:

— Я дома. Приходи.

Всё тот же Гоша. Только лицо осунувшееся. И блеск азартный в глазах.

- Ну, и где ты пропадал? по-дружески пожурил я.
- Ни за что не угадаешь, куда меня занесло!

— Ладно тебе загадками говорить. Колись, дружок!

Он вплотную приблизил лицо и негромко, чтобы не слышала мать, сказал:

- На войну ездил!
- Как, на войну?
- А вот так. На Донбассе был.
- Что, просто взял и отправился?
- Друзья нашли по Интернету, приехали втроём и увезли меня. От такого не отказываются.
- Сказка, ты сдурел! На старости лет ввязываться в такую авантюру!?
- Тебе не понять. Кто хоть раз воевал, тот хочет вернуться на войну.

Он закурил и выпустил дым в форточку.

- А подробнее можно? пристал я.
- Всего я тебе рассказать не могу, но если коротко... Границу пересекли в Ростовской области. Нас встретили, накормили, выдали под расписку по «калашу», четыре магазина с патронами в придачу, отвезли в отряд и обещали забрать через тридцать дней. Если живыми останемся.
 - Где воевал-то?
 - Про Ясиноватую слышал?
 - Ещё бы! По всем каналам о ней трубили.
 - Вот и я там был.
 - Убивал?
 - Не без этого.

Гоша замолчал и уставился пустым взглядом в окно.

- Ладно, не хочешь рассказывать молчи. Главное, что ты живым вернулся.
 - Не дождётесь.
 - Хоть что-то от этого поимел?
- Когда сдавал автомат, получил тысячу американских зелёных рублей.
 - Не густо.
 - Ну, как до тебя не доходит! Не за деньгами мы туда ехали!
 - Всё я понимаю. Только убить же могли.
 - Могли, но пока не сумели.

Через неделю я провожал друга в аэропорт, откуда он улетал на «землю обетованную» с сестрой Светой и племянницей Олей.

- Не пропадай, напутствовал на прощание, будешь в России, заезжай.
- Ладно, куда я денусь. Гражданство-то у меня российское. Даст Бог свидимся.

Сижу утром на кухне, пью кофе. Перед глазами экран телевизора. Слышу голос диктора:

— Сегодня на юге Израиля ценой своей жизни россиянин, офицер-десантник в отставке Игорь Парамонов спас от террориста автобус с детьми.

Камера бесстрастно показывает воронку от взрыва, следы крови, испуганных детей у автобуса, полицейских, отъезжающую машину «неотложки». Ничего себе! Это же Сказка! Корреспондент вёл репортаж с места события:

— Туристический автобус вёз детей на экскурсию. Одному мальчику стало плохо, и водитель затормозил на остановке. В открывшуюся дверь попытался ворваться арабский террористсмертник. Наш соотечественник Игорь Парамонов, сидевший на переднем сидении, моментально среагировал, набросившись на боевика. Отбросив его на мостовую, махнул рукой шофёру, чтобы тот уезжал, а сам попытался скрутить бандита. Через несколько секунд раздался взрыв. Это сработал «пояс шахида». Раненый Парамонов был доставлен в больницу, но до операционной не дожил.

Хватаюсь за телефон. Не успеваю набрать номер, как раздаётся звонок. Это Света, сестра Гоши:

— Гриша, Игоря больше нет!

Голос её сорвался:

- Погиб наш сказочник! Сколько войн прошёл, а тут не выжил!
- Я в курсе. Только что смотрел новости. Как дочка?
- Плачет всё время.
- Не отходи от неё. Вот горе-то! Хоронить где будете?
- Жена категорически против отправки на Родину. Сказала, тут оставит.

Светлана, всхлипывая, промолвила с болью в голосе:

- Гриша, если бы ты знал, как он любил детей! Ну, почему Всевышний даёт счастье отцовства никчемным алкашам, а порядочных людей лишает радости? За что?
- Свет, гордись братом. Ты понимаешь, что он герой? Спас не только Олечку, но и два десятка невинных малышей! Не каждый на такое способен!

…На следующий год я поехал в Израиль по туристической путёвке. Посетил последнее пристанище друга. Современное еврейское кладбище поражало разнообразием памятников. Были тут и простенькие надгробья, но встречались и настоящие монументы. Попадались надписи на русском языке.

Мимо могилы Игоря нельзя было пройти. На лицевой стороне гранитной плиты всё как обычно: портрет, годы жизни, атрибутика десанта — берет и парашют. Горящие свечи вокруг... И цветы, цветы... Много цветов... Картина противоположной грани завораживала. Здесь вместе уживались герои разных русских сказок и былин: вдаль смотрели три богатыря, Емеля ехал на печи, кот из Пушкинского лукоморья разгуливал на цепи, колобок сидел на носу у лисы, баба Яга куда-то торопилась в ступе... Проще сказать, кого тут не было.

А ниже древнеславянской вязью начертано: «Здесь покоится Сказка»...

ночной диалог

равматологическое отделение. Поздний вечер, вернее, ранняя ночь. Врач-травматолог только что прилёг на диван, чтобы уставшие конечности отдохнули от трудов праведных.

Телефонный звонок. Владимир Павлович посмотрел на часы: 00:50.

— Алло, это травматическое отделение?

- Да, травматология.
- Сынок, я тут руку обожгла. Что делать-то?
- Мамаша, я не сынок, зовите меня просто: доктор.
- Послухай сюды, так чё делать?
- Наложите сухую повязку и утром обратитесь в поликлинику к травматологу. Кабинет пятьдесят два.
 - Не, я не дойду.
 - И что предлагаете, чтобы я к Вам пришёл?

Молчание, потом сопение и глубокий вдох:

- Ладно, и чем завязать?
- Бинтом.

Щелчок. Тишина. Повернувшись на правый бок, врач удобно устроился на подушке и стал погружаться в царство Морфея. Звонок:

- Не разбудила? У меня нет бинта.
- Возьмите какую-нибудь тряпку.
- Например?
- Носовой платок.
- Я не страдаю насморком.
- Хорошо, возьмите наволочку.
- Ага, стирать потом будешь ты?
- Мне что, навести ревизию у вас в комоде? Подействовало, положила трубку.

01:20. Снова трель:

- Это опять я.
- Уже понял.
- Может, чем смазать?
- У вас есть лекарства от ожогов?
- Нет, только от давления. Подойдёт?
- Я же сказал: сухую повязку.
- А если подсолнечное масло?
- Это не салат!
- A сода?
- Вы что, замешиваете тесто? Пауза.

- Уговорил.
- 01:45. Звонок в ночи что набат на колокольне.
- Что ещё?! не спрашивая, кто потревожил, гаркнул доктор.
- Чего кричишь? Чай, не глухая. У меня повязка промокла.
- Поменяйте.
- Так больно!
- Терпите.

02:05.

- Я вот смотрю, рука опухла.
- Пузырь есть?
- Да, страшный такой!
- Возьмите швейную иглу, подержите в спиртсодержащем растворе, например, одеколоне, проколите пузырь и выдавите жидкость.
 - Нет одеколона.
 - Духи подойдут.
 - Что я, фифа какая?
 - Прокипятите, наконец!
- Щас, тоже надумал! Это надо выйти на мороз и открыть газовый баллон.
 - Вы предлагаете это сделать мне?

Без ответа. Положив трубку на базу, Владимир Павлович свесил ноги на пол. «Вот привязалась! Чего неймётся? Сама бы спала и других не тревожила». Подошёл к окну. Больничный двор ярко освещали фонари. С неба тихо падали мелкие снежинки. Где-то лениво гавкнула собака. «Стоит ли горевать? Что произошло, уже не исправишь. Может, угомонилась?»

Прилёг. На часах 02:30. Поворочался с боку на бок. Не спалось. «Так и бывает, первый сон перебьют, потом не уснёшь». Начал в голове прокручивать прошедшее дежурство. Перед глазами мелькали разбитые головы, раны со швами, ломаные руки, хромые пациенты, гремящие по кафелю костыли. Так и впал в забытье. От громкого звонка вздрогнул.

- Товарищ врач, пузырь увеличился.
- Какого он размера?
- Ну, сантиметра два.

- Всего-то? Из-за этой ерунды вы меня всю ночь тревожите?
- Это твоя работа!
- Конечно, но есть ведь и человеческая совесть. Вы с ней, похоже, не пересекались. Наплевать, что у меня утром две плановых операции, а дома трёхлетний внук, с которым не отдохнёшь, что врачи хотят спать, есть, могут болеть и даже умереть. Разве нельзя понять, что у всех людей одна плоть? Вас интересует только собственное благополучие, а мы так, обслуга.

Бросив трубку, отдышался. Щёки горели, в ушах стучал пульс. «Надо успокоиться, а то ещё криз долбанёт». Не спалось. Подложив руки под голову, дремал в тишине. Вскоре загремели вёдра, зашаркали ноги. «За завтраком пошли». Опять забылся. Звонок. На настенных часах 06:50.

- Товарищ врач, куда приходить, не помню. Мне ведь восемь-десят два гола.
 - Пятьдесят второй кабинет.
 - Может, «скорую» вызвать?
 - У вас же не нога обожжена! На такси доедете.
 - Дорого сто рублей.
 - А пенсия какая?
 - Девятнадцать тысяч.
 - Не найдёте сотку?
 - Хорошо, так и быть, хоть и от сердца отрываю. Какой этаж?
 - Пятый.
 - Не, не дойду.
 - Лифт работает.
 - Слава Богу!

Помолчала.

— Ты на меня, дуру старую, не обижайся. Я же не со зла. Нету сна никакого.

«На больных не обижаются, — хотел ляпнуть сгоряча, но вовремя остановился. — Мне только жалобы не хватало!».

Умылся. Включил чайник. Начинался новый трудовой день.

Откуда-то из памяти пришли строки: «И вновь продолжается бой»...

ДЕЗЕРТИР

енсионер Леонид Максимович Буланов возвращался из столицы. Сойдя с пассажирского поезда, он успел перекусить в привокзальном буфете ватрушкой с горячим чаем, купить в киоске свежую газету, прежде чем услышал объявление о начале посадки в электричку. Пристроившись на неудобном деревянном сидении, старик надел очки и приготовился читать.

- Максимыч, ты откуда? тучная односельчанка Елизавета Павловна присела рядом. Всё по Москвам мотаешься?
- Ну, а как по-другому? Такая наша стариковская доля внуков навещать.
 - Тамара справляется?
- Дочка молодец, не раскисает, хоть и одна детишек поднимает.

Поезд мягко постукивал на стыках, раскачиваясь на поворотах. Солнце постепенно прогрело вагон. Пассажиры открыли окна.

— Лёнь, глянь-ка: чего-то они тут делают?

Буланов посмотрел сквозь стекло: вдоль железнодорожной насыпи через каждые сто метров стояли солдаты в зимних шапках и с автоматами наперевес.

— И не жарко им? Июнь на дворе.

Леонид Максимович промолчал. Мало ли чего в армии происходит? Может, учения какие?

Выйдя из вагона, они не спеша пошли по лесной тропинке в сторону деревни. Сначала миновали берёзовую рощу, потом по краям стёжки поднялись высокие сосны. Подходя к избе, Леонид Максимович услышал, как раскатисто заливается лаем Жулька. «Чего её шал берёт?» На удивление, собака не бросилась к нему навстречу, как обычно, а рванула куда-то в сторону, натягивая цепь. Буланов вырвал из колоды топор и с опаской двинулся в дальний угол двора. Из-за поленницы дров негромко, но жёстко кто-то скомандовал:

- Стоять!
- Стою.
- Брось топор!

Леонид Максимович подчинился.

- Подойди ближе. Дома ещё кто есть?
- Никого. Один я живу.

Увидев направленный на него ствол автомата, Буланов как можно миролюбивее сказал:

- Ты, малый, не шали. Чего тебе надо?
- Принеси бинт с йодом. И поесть чего-нибудь.

Максимыч направился в сторону дома. Услышав позади щелчок затвора, обернувшись, спокойно сказал:

— Не бойся, не выдам.

Нарезав толстыми ломтями хлеб и сало, налив в большую кружку молока, Буланов вернулся. Вблизи он разглядел незваного гостя. Перед ним полулежал, облокотившись, совсем ещё юный мальчик в солдатской форме со скуластым лицом, опухшим от комариных укусов и покрытым редкой щетиной. На правой штанине проступали бурые пятна. «Никак ранен?» Сидя на корточках, Леонид Максимович наблюдал, как парень с жадностью ел. «Давненько не столовался». После еды у пришельца осоловели глаза, и стали закрываться веки.

- Пойдём-ка, мил человек, в горницу.
- Нельзя туда, ищут меня.
- Я это понял. Давай тогда в пуню.

Затащив солдатика на сеновал, Буланов задумался. «Ясно, что парень — дезертир. Тут и к бабкам не ходи. Не зря оцепление вдоль путей стояло. И шапки надели, чтобы он в своей пилотке не проскочил между ними. И что теперь? Пойти сдать кому надо? А что он мне плохого сделал? Поможешь ему — тоже не выход: найдут — накажут. Соображай, Лёня». Мысли в голове вертятся, а руки-ноги дело делают — кепчонку надел да в магазин зашагал.

- Ты же, старый, только вчера хлеб покупал. Зачем тебе столько? удивилась продавщица.
- Лен, тебе какое дело? Ну, скормил курам. От тебя пшена-то не дождёшься. Пока расшевелишься, птицы сдохнут.

Елена недоверчиво покачала головой, но подала три буханки. И тушёнку с рыбными консервами. И сухари. И минералку в придачу.

Солдатик, не бойся, я это.

В ответ ни звука. «Ушёл, что ли? Нет, тут он, спит. Намаялся, поди». Парень внезапно открыл глаза, стремительно взметнул перед собой «калаш», но, увидев Максимыча, успокоился. Буланов, глядя в упор, спросил:

— Дезертир?

Тот согласно кивнул.

— Обижали?

У солдата задрожали губы, заблестели глаза, и он неожиданно расплакался. Слёзы закапали на грязную гимнастёрку, на приклад автомата. Старик по-отечески обнял его голову:

- Ну, ладно тебе... Успокаивайся... Как звать-то?
- Саша.
- Выкладывай, Александр.

Прекратив всхлипывать, дезертир вполголоса стал рассказывать:

- Я ведь сам попросился в армию. В нашей деревне никто не отлынивал от службы. Сами знаете, как теперь: кто в армии не служил, того не на всякую работу примут. Сначала всё ничего было. А потом привязался ко мне старший сержант. Продыху не давал: и то не так, и это не по уставу. Потом бить начал. А когда он со своими дружками меня в сортир головой засунул, я и не выдержал. Ночью в карауле прострелил гаду колено. Убить рука не поднялась, но калекой точно останется. Ну, и подался после этого в бега. Невтерпёж больше было сносить!
 - Надо было командиру доложить.
- Да они с лейтенантом кореша! В каптёрке вместе водку пили, я видел.
 - Да, натворил ты дел. Куда теперь-то?
- Мне бы отлежаться пару деньков. Кость не перебита. Суматоха закончится, я и уйду.
- Легко сказать уйду. Округа оцеплена, на поезд не сунешься, пешком далеко не разгонишься. Была бы машина, чего-нибудь придумали. А так...

Максимыч в сердцах махнул рукой.

Стемнело. Буланову не спалось. Лёжа у открытого окна, он слушал, как брехали деревенские собаки. «Жалко парнишку. Спровоцировали, гады, не стерпел издевательств. Я думал, больше нет дедовщины. Ошибся, выходит».

Жулька внезапно зашлась в неистовом лае. За окном мелькнули тени. Буланов быстро натянул штаны и тихонько выбежал во двор. За забором стояло несколько человек. Послышался шёпот:

- Мы с Осеевым и Петровым обходим слева, остальные справа.
 - Понятно, товарищ лейтенант.
 - Если побежит, стреляйте. Запишем: «при попытке к бегству». «Заложила Ленка», с досадой подумал Буланов. «Вот
- тварь!» Максимыч метнулся к сараю. Сашок, вставай, нашли тебя!

Солдат подхватил «калаш» и рванул наружу, старик следом. При свете уличного фонаря он увидел, что офицер поднял пистолет, целясь в спину. Буланов закрыл собой беглеца и заорал:

- Не стрелять!
- Дед, отойди по-хорошему.
- Не дам, душегубы! Если застрелите, буду свидетелем.
- Да никто и не собирается. Отойди в сторонку. Вот настырный!

Максимыча с силой оттащили от Сашки. Глядя, как на парня надевают наручники, как тащат к подъехавшему УАЗу и запихивают в салон, Буланов, обессиленный, опустился на скамейку у калитки и понуро опустил плечи.

На шум сбежался деревенский народ, с любопытством наблюдая в сторонке за происходящим. Проходя мимо, лейтенант поинтересовался:

— Что это старик так хлопочет о дезертире? Родственник, что ли?

Соседка Буланова, Елизавета Павловна, вздохнув, пояснила:

— У Максимыча когда-то сын повесился в армии. Из-за дедовщины, говорят.

Офицер присвистнул:

Вот оно что...

Светало... Старик всю ночь так и просидел, не поднимаясь, у забора. Наконец, громко вздохнув, он с трудом поднялся и тяжёлой походкой уставшего от жизни человека двинулся во двор. Подняв опрокинутую колоду, он воткнул валявшийся топор и пошёл в горницу. Широко перекрестившись на икону, Буланов остановился у настенных фотографий. Вот жена-покойница улыбается у колодца... Тут Тамара с первенцем... А вот и сынок. «Да, Витя, не одного тебя дедовщина погубила». Максимыч погладил пожелтевшее фото, смахнул навернувшуюся слезу и присел на табуретку. За окном чирикали воробьи, мычали недоенные коровы, хлёстко хлопал кнут пастуха. Наступил новый день.

* * *

Прошло четыре года. За последнее время Буланов сильно сдал: стал глуховат на оба уха, да и зрение поубавилось. Изменилась и походка: из-за болевшего сустава приходилось передвигаться с клюкой, припадая на правую ногу. Но как ни звала дочь к себе в Москву, Максимыч ни в какую не соглашался.

— Что я на этажах забыл? Мне и тут неплохо. На ваших небоскрёбах задыхаюсь. Да и душе простора хочется.

Теперь старик не покидал деревню. Сядет на потемневшую скамейку и гладит по холке Жульку. Та вытянет вверх морду и вроде как улыбается. Так вдвоём и доживают век.

Однажды поздно вечером в дверь постучали. «Кого нелёгкая несёт?» С трудом поковыляв по сеням, Максимыч спросил:

- Кто там?
- Свои!
- Свои давно спят, пробурчал Буланов, но отодвинул дверной засов. Зайдя на кухню, он под лампочкой стал подслеповато разглядывать вошедшего.
 - Чей будешь, мил человек?
 - Максимыч, не узнал?

Что-то знакомое послышалось в голосе.

- Сашок, никак ты?
- Я, батя.

Крепко обнялись. Присели у стола.

- Ну, рассказывай.
- Что говорить-то? Оттрубил дисбат от звонка до звонка. Четыре года как один день. Мать без меня похоронили инфаркт. Отец меня не понял. Идти некуда, вот я и вспомнил про тебя. Примешь?
- Чего ж не принять? Дом большой, места всем хватит. Стар я, правда, стал, сноровки никакой. С чем не справлюсь, поможешь?

Саша подошёл вплотную к старику, обнял за плечи и, глядя в глаза, произнёс проникновенно:

- Ноги не пойдут понесу, руки не будут работать накормлю. Думаешь, я не помню, что ты для меня сделал? Теперь моя очередь пришла. Понял, батя?
 - Спасибо, сынок.

Татьяна Сергеевна БОЙКО

Родилась в 1961 году в селе Красный Рог Почепского района. Со школьных лет занималась журналистикой: равнештатным ботала трудником областной газеты «Брянский комсомолец», тогда же в местной прессе вышли дебютные стихи. Первое образование — литфак БГПИ. Второе — логопедическое — получила в Красноярском госпедуниверситете во время переездов по военным гарнизонам с мужем. Член ассоциации медиков-литераторов при Союзе писателей России.

ВЕНОК СУДЬБЫ

еальная жизнь интереснее всякой выдумки»,—прочитала я когда-то у Михаила Анчарова. Тогда я ещё не задумывалась, какой венок из событий и встреч сплетает наша жизнь с той необратимостью, которую мы называем судьбой. Память выхватывает из своих глубин картинки, наполненные красками и запахами. Вот эта, из раннего детства, пахнет тлеющими головешками и нашатырём. Я вижу склонённое над моей кроватью испуганное лицо бабушки. И — сладкая для моего слуха до сих пор смесь русского, белорусского и украинского языков:

— Дед, деука, видно, угорела, бяги за ветинаром!

Село тянулось длинной ниткой домов вдоль полноводного тогда Рожка, разделяя своими берегами лес и болотистый луг. До медпункта было километров пять, поэтому жители сельской окраины со всеми своими проблемами обращались к живущему неподалеку ветеринару.

Прибежал ветеринар, Иван Михайлович, схватил на руки, вынес во двор под летний дождь:

- Таня, что это идёт?
- Снег, прошептала я.
- Будет жить, кивнул он онемевшей от горя бабушке.

Уже потом, лет через двадцать, когда бабушка помогала мне растить моего маленького сына, она призналась:

— Если бы ты тогда умёрла, я бы побегла у речку и затопилась...

…А вот эта картинка пахнет мокрыми цветами, оживляя в памяти трепетный восторг юности. Митька был сыном того самого ветеринара Ивана Михайловича, спасавшего меня в детстве. В то лето их семья вернулась в село после попытки сменить место жительства на город. Митька — синеглазый, с копной чёрных волос и с гитарой наперевес явился передо мной в один летний вечер. Не влюбиться в него было невозможно. Было нам в ту пору по пятнадцать — самое время для той стихии, что накрывает тебя волной и, кажется, уже не вынырнешь, умирая и одновременно

воскресая от ужаса и восторга. И это была очаровательная пора быстрых взглядов, недомолвок, пьянящей смеси волнения и смущения. Казалось, мы никогда не сделаем шаг навстречу друг другу. Но однажды Митька пришёл на место наших посиделок и, когда молодёжь начала расходиться из-за непрекращающегося дождя, подошёл, молча взял меня за руку и повел с собой. Так мы дошли до околицы и остановились у последнего палисадника. Пытаясь преодолеть смущение, Митька сорвал веточку дикой розы и протянул мне.

Не знаю, что сподвигло его на дальнейшие действия, — возможно, он увидел выражение неземного счастья на моем лице — но в один прыжок он оказался в соседнем палисаднике и вернулся оттуда с мокрым душистым пионом. Мы шли вдоль села, и из каждого палисадника мой отчаянный разбойник добывал для меня то веточку жасмина, то лилию, то розочку. На все мои протесты он умоляюще отвечал:

— Только один цветок!

В дальнейшем, когда я слышала рассказы о том, как молодой человек оборвал всю городскую клумбу или опустошил школьный цветник для своей девушки, я всегда вспоминала деревенских мальчишек моего поколения. С детства познавшие труд на земле, они никогда не позволяли себе причинить серьёзный ущерб односельчанам. Но вина за нашу с Митькой ночную вылазку жила во мне долгие годы....

К дому бабушки мы подошли с огромной охапкой цветов, которые я поставила в два ведра, тайком пронесла их в свою комнату и больше недели преступно наслаждалась неповторимым ароматом счастья. Это было единственное и последнее событие в наших отношениях с Митькой. Налетевший шквал событий развёл нас, разлучил на время, а потом и вовсе разметал по жизни.

...Приторно-пряный запах мёда — от ещё одной картинки. Помню, мать послала нас с сестрой отнести что-то на чердак дома, но вдруг с высоты лестницы мы увидели отца. Он шёл полевой дорогой из своей конторы пчеловодства, странно прихрамывая, наклоняясь и совершая какие-то ритуальные движения одной рукой. В полной растерянности мы вглядывались с высоты: что с отцом?

он болен? пьян? и что сказать матери? Меж тем отец подошёл к дому с двумя пакетами семян, которые он и рассеивал по обочинам дороги, и стал рассказывать:

— Вот это — донник полевой, самый любимый медонос у пчёл. Он растёт на любой почве и даёт нектар в любую погоду. А это — фацелия, цветёт синими цветочками. Вот увидите летом!..

С тех пор прошло много лет. В чужом далёком краю давно сложил свою буйну голову благородный хулиган Митька. Почти наполовину опустело когда-то многолюдное село, в радостях и горестях неустанным трудом питавшее родную землю. А я навсегда полюбила дождь. Мне кажется, стоит отдернуть его занавеску, и я снова окажусь в моем солнечном благоуханном детстве среди дорогих моему сердцу людей, которые подарили мне столько любви и тепла, что мне хватит этого на всю оставшуюся жизнь.

…Семена я купила в бывшей конторе пчеловодства, где работал папа. Теперь она называется по-другому, но всё так же руководит ею Николай Иванович, или Коля Пасечник из моего детства (ещё одна веточка в мой венок). Недавно разговорились с ним, вспоминали детство, деревню, и я узнала, что несколько человек там держат пасеки.

Майским утром мы приехали с братом на машине, я вышла на околице села, а брат проехал дальше к озеру половить рыбу. У меня было два пакета: побольше — с семенами донника, который прорастает на любой почве, и поменьше — с семенами фацелии. Если кто-нибудь из жителей видел меня издалека, то, наверное, недоумевал, наблюдая мои странные движения, как когда-то изумлялись мы с сестрой, ожидая отца с работы.

Так, разбрасывая семена медоносов, я дошла до машины, достала из багажника кустик дикой розы, лопатку и бутылку с водой. Место, где стоял раньше дом Митьки, захватили заросли осоки из соседнего болота, но я нашла открытую солнцу полянку и посадила кустик. Место там влажное, июнь по прогнозам обещает быть дождливым — он выживет.

В СНЕЖНОМ ПЛЕНУ

сю ночь опять мело. Зима в этом году решила взять реванш в последний месяц февраля, захватив начало марта. Хорошо, что сегодня на работу не с самого утра, а то пришлось бы торить тропу по заметённому тротуару. По дороге навстречу бодро двигался грейдер — враг всех автовладельцев нашей улицы. Вчера сосед напротив, очередной раз пробивая выезд от дома через ледяной бруствер, так и сказал: «Грейдер — мой личный враг!» В этом зимнем противостоянии владельцев личного автотранспорта и снегоуборочной техники я стараюсь держать нейтралитет, хотя с давних пор испытываю симпатию и почтение к последней. Поэтому, поравнявшись с тарахтящей оранжевой громадиной, я предательски весело подмигиваю ей и вспоминаю историю из своей студенческой юности.

Тогда после зимней сессии я поехала навестить бабушку в деревне. В тот год зима была необычайно щедра на снегопады. По дороге от шоссе через поле (четыре километра) пришлось проваливаться в сугробы чуть ли не по пояс. А ночью деревню накрыл такой мощный снежный циклон, что о возвращении домой можно было думать только после того, как из центральной усадьбы тогда ещё совхоза придёт техника и расчистит дорогу.

Так началось моё зимнее заточение. Днём я находила работу: чистить дорожки, приносить воду из криницы, помогать бабушке по дому. Но наступали длинные зимние вечера. Вдоволь наговорившись, мы засыпали с бабушкой на печке, которая к утру остывала от мороза. Узнав, что к Серафиме приехала внучка, захаживали соседки, каждая старалась захватить «гостинчик»: баночку молока, земляничное варенье, тыквенные семечки и даже «свежину»— свежую домашнюю свинину. По неизменной традиции все приглашались к столу: беседовали, кушали, выпивали стопку-другую припасённого с лета самогона. Этот напиток «для аппетиту» предлагали и мне, но, зная меня с детства как девочку воспитанную и «слухмяную» (послушную), с пониманием относились к моим отказам.

На третий день я нашла забытый с лета сборник стихов Генриха Гейне — часть из них помню наизусть до сих пор. На четвёртый вечер соорудила из старой тетради колоду карт и играла сама с собой. На пятый день — о, счастье! — соседская бабуля позвала в баню. Пошла последней, надеясь вдоволь отогреться и наплескаться. Пару почти не осталось. Горячую воду зачерпнула чуть ли не со дна. Заплакала. После такого омовения, принимая неизбежность своей деградации, попросила у бабушки самогона. Уснула счастливая.

Утром услышали звук трактора. Выбежала на улицу с вещами, кричала, размахивала руками и ногами, но тракторист безучастно проехал мимо ошалевшей от надежды девицы. Бабушка перекрестила меня в путь, и я пошла по тракторному следу за пять километров в соседнее село. И там уже меня подобрала председательская УАЗка, впереди которой шёл бульдозер, расчищая дорогу до районного центра.

Так закончилась история моего заточения в снежном плену, научившая меня почтительному отношению к автодорожной технике. Но, самое главное, она научила меня бережному, уважительному отношению к людям, готовым заботиться о тебе и делиться главным «гостинчиком» — душевным теплом.

И сейчас с какой бы радостью я вернулась в ту заснеженную деревню, чтобы подержать за руку любимую бабушку, заглянуть в её глазочки, увидеть всех тех соседок и, лёжа на тёплой печке, слушать, слушать их неторопливые беседы!..

МОИ ПИТОМЦЫ ЗАПИСКИ ЛЁВУШКИ

ЗИМОЙ

Наверное, я заблудился. А может, Кошачий Бог послал меня искать новых питомцев. Но как же холодно и хочется есть! Вот открылась дверь — я в тепле! Много вкусной еды, ем и жадно урчу, немного стыдно, но должны простить, я же малыш.

В ДОМЕ

В этом доме уже есть взрослая кошка, и она сразу заявила, что люди — это ЕЁ Питомцы и это ЕЁ территория. Ладно, буду ей помогать.

питомцы

Судя по тому, как люди суетятся вокруг меня, главным должен быть я, а не кошка. Они зовут ее Пипа, а меня назвали Лёва, или Лёвушка, хотя я много раз говорил, что моё имя Мурм, но они не понимают. Действительно, Питомцы не умеют, как я, радоваться теплу, ароматам, вкусам, прикосновениям. Мне придётся много работать в этом доме.

РАБОТА

Распределили с Пипой обязанности: она будет лечить Питомцев, а я займусь охраной. Сегодня поймал в сарае сороку, которая воровала куриные яйца.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Пипа сказала, что я подрос и должен охранять всю территорию вокруг дома. На рассвете заметил нарушителя — взрослого кота. Он оскорблял меня и напал первым. Принял бой, победил. Но враг прокусил мне лапу, больно.

ЛЕЧЕНИЕ

Возят в клинику на уколы и перевязки, терплю. Женская половина Питомцев собралась в поездку. Ещё отменят из-за моей болезни. Лёг на чемодан, чтобы успокоить и благословить в путь. Честно говоря, переживаю за них.

весной

Работаем на огороде. Помогаю копать ямки. Они что-то туда сажают. Возможно, будут выращивать сыр (обожаю сыр).

ГОСТИ

Приехали гости, мне новые заботы. Женщина-гость, видимо, в прошлой жизни была кошкой. Поцеловал её в нос. Мальчик-гость собирал черешню, пришлось сидеть на дереве, следить, чтобы не упал. Смешно, он просил Питомцев научить меня не быть таким доверчивым!

РАССТАВАНИЕ

Обходил территорию с улицы. Вдруг — резкая боль, темнота... Нет, свет — лечу навстречу солнцу. Наверное, мой Кошачий Бог опять посылает меня к новым Питомцам. Но как же я буду скучать по этим!..

P. S.

Прощай, наш солнечный друг Лёвушка! Прости, что не научили тебя быть осторожным и менее доверчивым! Пусть твой Кошачий Бог пошлёт тебя в мир, где все добры друг к другу — ты это заслужил!..

Твои Питомцы.

Валентина Анатольевна БЫКОВА

Живёт в г. Новозыбкове. Родилась в с. Ильпырь Карагинского района Камчатской области. После окончания Брянского технологического института работала на заводе «Индуктор». Публиковалась в альманахе «Литературный Брянск», в журнале «Десна», в сборнике «Родник», в периодической прессе.

ДИНКА

НИКЕОХ

- Маш, ты только посмотри, опять пришла эта тварь мужчина, лет сорока, осмотрелся вокруг, что-то ища. Взгляд его упал на довольно увесистый камень, и лицо, только что выражавшее гнев, озарилось злорадной улыбкой. Он поднял камень, подбросил его на руке.
 - Ну, иди сюда, иди, позвал он притихшую собаку.

Та радостно завиляла хвостом, но приблизиться не решалась.

— Я ведь сказал, иди сюда! — раздражённо произнес он.

В умных глазах зверька промелькнуло сомнение. Похоже, собака была научена горьким опытом и знала, что камень в руках хозяина обязательно полетит в неё. Она, нерешительно перебирая лапками, с надеждой посмотрела в лицо мужчине.

— Да иди же, сволочь, иди, — повторил он, подбрасывая камень в руке.

Поджав уши, собака, не сводя глаз с камня, медленно подошла к нему. Маленькое, худенькое тельце напряглось. Глаза всё так же внимательно следили за рукой. Мужчина размахнулся и бросил булыжник, но собака ловко отпрыгнула в сторону, и камень тяжело упал возле маленькой лапки. Она наклонила мордочку и понюхала шершавую поверхность. Он пах хозяином. Собачка несколько раз лизнула холодную поверхность. Ей даже показалось, что она лижет хозяйскую руку. Дворняжка подняла остренькую мордочку и с любовью посмотрела на мужчину.

- Ну, тварь! по лицу было видно, что мужчину разозлил промах.
- Зачем же ты так, Вась? на пороге стояла полная женщина, прижав пухлые руки к груди. Она ведь живая, тихо добавила она.
 - Тоже мне заступница! недовольно огрызнулся Василий
 - А зачем тогда брал её? спросила женщина
- Зачем, зачем. Кто же знал? Мне ведь говорил Гришка, что овчарка будет, а это... не договорив, мужчина раздражённо махнул рукой

— Да тебе хоть овчарка, хоть нет — все одно.

Василий размахнулся и ударил женщину по щеке. Та, заплакав, ушла в дом.

— Иди сюда, дрянь, — обратился Василий к собаке.

Та радостно вскочила, приветливо замахала хвостом, борясь с желанием броситься к хозяину и облизать его небритое лицо. Чувство обиды улетучилось. Она была счастлива от того, что он помнит о ней.

— Иди, кому сказал.

Тёмненькая мордочка доверчиво склонилась, и собака, не удерживая радости, бросилась к нему.

— На, получай! — хозяин с размаху ударил псину ногой в бок. Та отлетела, как мячик, жалобно заскулив.

Мужчина от удовольствия потёр руки и зашёл в дом. Собака укрылась в кустах. Она легла и стала лизать ушибленный бок, ловя ушами каждый звук, долетавший до неё из дома. Ей очень хотелось есть. Ведь с того момента, как соседский мальчишка бросил ей кусок хлеба с вареньем, прошло два дня. Уходить от дома она не хотела, терпеливо ожидая и боясь пропустить ту минуту, когда хозяин вспомнит о ней. И ради этой минуты она была готова голодать ещё. Лишь бы он, самый любимый, хороший, добрый, хоть раз погладил её по голове.

Да что говорить о еде! За это она была готова отдать свою собачью жизнь. И она ждала, напряжённо вслушиваясь в тишину.

Но шли дни, а хозяин, казалось, забыл о ней. А если вспоминал и звал, то вместо ласки она всегда получала пинок в бок. В глазах собаки сверкнули слёзы. Она никак не могла понять, почему хозяин так несправедлив к ней. Разве она плохо охраняла дом или не всегда сопровождала его повсюду? А когда он пьяный подрался с соседом, разве не она вступилась за него, сильно укусив обидчика.

Её раздумья прервали знакомые шаги. Она подняла мордочку. На пороге стоял хозяин, держа в руке миску с едой. Собака потянула носом. Как вкусно пахнет! От голода у неё засосало под лопаткой. Слюна побежала по губе.

— Иди сюда, тварь! — услышала она привычное обращение.

Радость переполнила её сердце. Она рванулась с места и бросилась к хозяину, поскуливая. Василий поставил миску возле оша-

левшей от радости собаки. И хотя той очень хотелось есть, она благодарно встала на задние лапки, а передние положила мужчине на колени. Хозяин отшвырнул её ногой.

— Да ешь ты, тварь, ешь.

Собака накинулась на еду, забыв о безопасности. Мужчина присел возле неё. Она перестала есть и лизнула улыбающееся лицо хозяина и снова склонилась над миской. И не заметила, как Василий достал из-за спины тонкую проволоку и быстро набросил собаке на шею. Та взвизгнула и, упираясь лапами, молча смотрела в лицо мужчине. Она чувствовала, как что-то слева в голове треснуло, и горячая липкая струя потекла по шее, стекая на лапы. От боли потемнело в глазах, но она преданно смотрела в лицо хозяина. И вдруг она поняла, что он не шутит, что ему доставляет удовольствие её страдание. Она из последних сил рванулась вперёд. Удавка на мгновение ослабла, и собака стремительно вырвалась из хозяйских объятий. Впервые она хотела убежать подальше от этого дома, хозяина, людей. Ей хотелось, что бы её забыли и никогда не вспоминали о ней.

БЕЗ ХОЗЯИНА

Она бежала до тех пор, пока силы не оставили её. Вся в крови, она свалилась возле какого-то домика около речки. Собака прислушалась, стараясь определить, далеко ли люди. Но только тихо журчала вода, да где-то шуршала быстрая мышь. Это была база отдыха станкозавода. До летнего сезона оставалось два месяца. И затравленная псина, несмотря на боль и бессилие, свободно вздохнула. Поселилась собака под синеньким домиком недалеко от воды. Она была счастлива, что о ней все забыли.

Так она и жила, питаясь мышами. Однажды, когда стемнело, собачонка пошла в деревню к своему дому. Просидев долго в кустах, она впервые не подошла к хозяину, когда тот показался в двери, а потом пошел к колодцу. Когда хозяин вернулся домой, она ещё надеялась, что вот-вот её позовёт знакомый голос, но, не дождавшись, медленно пошла в сторону базы.

Так бежали дни, недели, месяцы. Дни заметно стали длиннее и теплее. И вот однажды утром по тропинке к домику, где жила

собака, быстро шла женщина. Она подошла, достала ключ и открыла дверь. Затем занялась уборкой, напевая какую-то песню. Собака насторожилась, но выходить из своего убежища не стала. Сколько прошло времени, она не знала, но когда из домика потянуло забытым запахом супа, собака не выдержала, и осторожно подошла к открытой двери, соблюдая безопасную дистанцию. Женщина почувствовала на себе пристальный голодный взгляд. Она обернулась и в ужасе отшатнулась. На неё смотрели печальные глаза собаки. Она была настолько худа, что становилось жутко. Шкура обтягивала рёбра, а живот, казалось, прирос к позвоночнику. Шерсть склеилась и торчала во все стороны. Женщина всплеснула руками.

— Боже мой, ты, наверное, голодная, — обратилась она к животному.

Собака, наклонив голову, старалась уловить знакомые бранные, раздражённые, злые слова, но женщина говорила спокойно, ласково, дружелюбно.

— Вот, подожди, маленькая, я сейчас тебя накормлю.

Она быстро стала складывать на бумагу кусочки колбасы, сыра, остатки творога. Поспешно вышла на улицу и положила всё это возле домика. Собака облизнулась, но не подошла.

— Да не бойся ты, глупышка, я тебя не обижу, — мягко сказала она.

Но зверек не сдвинулся с места.

— Ну, хорошо, хорошо, Тогда я отойду. Вот смотри, — и женщина отошла в сторону.

Дворняжка медленно, не сводя глаз с человека, подошла, и стала, жадно есть. У работницы навернулись слёзы. Она подняла руку вытереть слезу, но собака рванулась и скрылась в кустах.

— Да не бойся, бедолага.

Женщина снова зашла в домик и вышла, держа в руке миску с супом. Она поставила его возле домика.

— Ну, выходи, выходи, Динка ты дикая, — сказала она.

Собака напряженно подошла к еде.

— Вот и хорошо, будешь у нас Динкой. Тебе нравится? Собака испуганно подняла морду и снова уткнулась в миску.

Таким образом, Динка стала жить на базе отдыха. Варвара — так звали работницу базы — носила ей еду. Вскоре Динка стала любимицей всех работников. Даже тучный начальник, приезжая на базу, не забывал о дикой Динке. Она же знала всех работников и даже стала помогать сторожу охранять базу. Собака заметно изменилась: бока округлились, шерсть стала гладкой и блестящей. Она радовалась каждому знакомому человеку, чувствуя их заботу, но люди замечали в её умных глазах какую-то затаённую боль и страдание.

Постепенно Динка стала забывать о побоях, о голоде. Отвыкла от грубых слов. Она встречала и провожала Варвару, ходила за ней везде, но никогда не давалась в руки, потому что помнила о руках хозяина, которые её предали. Иногда в ночи, когда никого не было рядом, Динка тосковала о нём. Она всё ещё любила его, хотя давно поняла, что совсем не нужна ему. Но в глубине души всё же надеялась, что он её помнит и тоскует. В один из таких вечеров дворняжка побежала в деревню. Хозяин шёл с работы. Увидя Динку, такую ладную и красивую, остановился.

— Неужели живая? — удивился он, поднял камень и замахнулся. Динка бросилась на него, сбила с ног и убежала. Долго Василий лежал в пыли, не понимая, что произошло. Больше в деревне её никто не видел. А она решила ни к кому больше не привязываться — слишком дорого обходится преданность и любовь.

ДИНКА

- Мама, мамочка, а я и Настя познакомились с такой замечательной собачкой! Представляешь, она похожа на овчарку, только маленькая. Правда, Насть? большеглазая девчонка, лет тринадцати, подбежала к женщине, которая распаковывала сумку в домике на базе.
- Мам, а ты нам дашь что-нибудь, что бы мы смогли покормить Динку?
- А что, её Динкой зовут? поинтересовалась Людмила Павловна
- Да. И такая смешная, длинноногая Настя нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

- Ну, что с вами будешь делать. Конечно же, дам. Вот только распакую вещи.
 - Мам, а можно мы сами возьмём. Я знаю, в какой сумке еда.
 - Можно, только не разбрасывайте всё по полу.

Девочки с радостными возгласами стали вытаскивать из сумки еду, конечно же, разбросали всё и быстро убежали на улицу. Женщина улыбнулась, подошла к столу и стала наводить порядок. Она вспомнила, как в детстве таскала домой бездомных котят, как мать ей объясняла, что всех котов города нельзя держать дома. Но она всё равно откармливала их в подвале, а затем отдавала соседям.

— Хорошо, что девочки любят животных, такие вырастут хорошими людьми, — подумала она.

Людмила Павловна взяла стул и вышла на улицу. Села на него, наслаждаясь пением птиц и тёплым солнцем. База находилась в сосновом лесу, возле речки.

- Ну, где же ваша собачка? спросила она у подружек, играющих в мяч.
- Да она ушла с тётей Варей, которая здесь работает. Динка везде ходит за ней. Правда, Насть? — обратилась Ира к подруге.
- Мы хотели её покормить, но она убежала, виновато ответила Настя.
- Ничего. Подождите свою Динку, и женщина закрыла глаза, подставляя лицо летнему солнцу.
 - Мам, смотри, вон и Динка! закричала Ира.

Женщина открыла глаза. По тропинке шла тётя Варя, а следом за ней бежала симпатичная собачка. Маленькие лапки спокойно семенили за неторопливо шедшей Варварой. Большие уши украшали милую умную голову. Хвостик приветливо покачивался из стороны в сторону. Девочки бросили мяч и побежали к собаке.

- Динка, Диночка! На, на! протягивали они ей еду.
- Она не подойдёт, сказала тётя Варя. Она даже ко мне не приближается.
 - Вот как? Людмила Павловна даже привстала со стула.
- Знаете, она к нам прибилась месяца три назад. Такая худая была ужас. Мы её всем коллективом откармливали. Да и она к нам очень долго привыкала, а вот в руки не даётся. Знаете, я её

хотела дочке отдать. Она у меня в своём доме живет. Да вот беда — поймать её не могу. Не подходит Динка к людям.

Динка склонила умную мордочку, словно понимая, что речь шла о ней.

- Да, она у вас очень хорошенькая собачка, подтвердила женшина.
- И умница. Встречает и провожает меня на поезд. А живу я в Вышкове. И представьте, она знает, когда мой поезд.— А не обижают её приезжие? поинтересовалась Людмила Павловна.
- Да что вы! К ней все хорошо относятся, подкармливают. Да и мы её в обиду не даём, сказала Варвара, вставая. Мне пора. Скоро мой поезд. До свидания.

Варвара взяла сумку и пошла по тропинке. Динка побежала следом. Людмила Павловна пошла готовить ужин. На базе с уходом поезда стало спокойно. Только несколько семей остались ночевать. Стемнело. Девочки ушли со старшими посидеть возле костра, послушать гитару. А женщина взяла остатки мяса, еды и вышла на улицу.

— Диночка, девочка моя, иди сюда, — негромко позвала она.

Вскоре из кустов вышла Динка. Людмила Павловна положила еду и отошла в сторону. Собака повела носом, определяя, стоит ей подходить или нет. Но, подумав, решила подойти. Запах мяса произвел должное впечатление на дворнягу. Динка стала есть, старательно выбирая кусочки мяса. Людмила Павловна, чтобы не испугать Динку, сделала несколько шагов к ней, но та отскочила в сторону и внимательно посмотрела на женщину, стараясь понять намерения человека. Но та присела на корточки и ласково заговорила с ней:

— Знаешь, я тебя понимаю. Вероятно, ты натерпелась от злых людей. Но я думаю, что каждому животному надо иметь хозяина, свой дом. Тебе просто необходимо, чтобы тебя любили, да и ты должна любить кого-то. Смотри, ведь хотела Варвара забрать тебя к дочери. Разве плохо тебе было бы там?

Женщина заметила, что Динка перестала следить за её движениями. Напряжённость прошла. Собака внимательно слушала, доверчиво смотря человеку в глаза,

— Неужели она понимает? — подумала Людмила Павловна и сделала несколько шагов вперёд.

И что же? Динка легла, давая понять, что не против пообщаться. Сделав еще несколько осторожных движений, женщина оказалась рядом со зверьком. Она протянула руку и погладила Динку по голове. Динка притихла и доверчиво потянулась за рукой. Людмила Павловна нежно погладила её, почесала за ушком. Дворняжка от удовольствия закрыла глаза. Динка почувствовала, что грань недоверия к человеку рушилась, бесследно стиралась. Никогда в жизни её никто так не ласкал. Она захотела поверить этой незнакомой женщине. Рука Людмилы Павловны ласково скользнула по её голове, шее, но неожиданно замерла. Динка открыла глаза и увидела в глазах человека беспокойство.

- Боже, что это у тебя? Людмила Павловна почувствовала под рукой тонкую гладкую поверхность.
 - Подожди, маленькая, кто же тебе такую верёвку завязал?

Она осторожно стала раздвигать шерсть, ища верёвку. Когда же её взгляду открылся довольно широкий белый шрам, — женщина всё поняла. Динка посмотрела в лицо Людмиле Павловне и несмело лизнула ей руку.

- Милая моя, девочка, я теперь понимаю, почему ты не доверяешь людям. Но ты не думай, что все люди плохие, есть и хорошие, и их больше, говорила женщина, гладя Динку.
 - Мама, мама! Подержи Динку, я хочу её погладить
- Вот что, Ира. Сначала успокойся. Теперь тихо, тихо подходи. Вот так. Медленно присядь. А теперь можешь погладить Динку.
 - Ура, я Динку погладила! закричала Ира.

Динка встала и скрылась в кустах.

— А теперь — спать, — строго сказала Людмила Павловна.

Динка с удовольствием играла с новой знакомой все выходные. Расставаясь, женщина обняла Динку.

— Прощай, девочка. Дай Бог тебе найти доброго хозяина.

хозяйка

Динка лежала на берегу Ипути и скучала. Накануне прошёл сильный дождь, и вода в реке была холодной. По базе ходили отдыхаюшие и жители из соседней деревни, но купаться никто не

рисковал. Динка равнодушно провожала их взглядом и опять закрывала глаза. Она даже умудрялась немного подремать, пока её не тревожили новые отдыхающие.

Вдруг Динка вскочила и потянула носом воздух. Сон моментально пропал. Она замерла и ещё раз, вытянув мордочку, стала напряжённо принюхиваться. Сомнений не было. Где-то совсем рядом был её бывший хозяин Василий. Динка крадучись пошла на до боли знакомый запах. Василий сидел в кругу друзей. Рядом бегали их дети. Ванечка, маленький сын Василия, играл с сестрой Галей. Ребёнку было четыре года. Он был маленьким, щупленьким мальчиком. Галка была на два года старше Ванечки и на правах старшей командовала им. Мужчины разложили на траве нехитрую закуску, достали бутылку самогонки и приготовились к употреблению принесённого.

- Галка, смотри далеко не убегай. Да и присматривай за Ванькой. Он самый маленький.
- Вот ещё, что мне всё время возиться с мелким, недовольно огрызнулась Галя.
- Ты у меня договоришься, огрызок,— пригрозил папаша. Ну, мужики, вздрогнем, поднял он пластмассовый стаканчик.

Мужчины чокнулись и осушили стаканы. Динка не сводила глаз с Василия. Обида, которая с таким трудом была забыта, с новой силой вспыхнула у неё в груди и больно кольнула в сердце. Она хотела убежать, но какая-то сила удерживала её на месте. Динка вдруг поняла, что не может простить обидчика. Она осознала это с такой силой, что захотелось с лаем броситься на него. Но чтото удерживало её. Она спряталась за кустом и стала наблюдать за Василием. Вскоре мужчины охмелели и совсем забыли о детворе, которая играла в прятки. Маленькому Ивану старших ребят найти было сложно, и он постоянно был водящим.

— Ты опять вада! — кричала ему Галка.

И ребята со смехом разбегались в разные стороны. Ване надоело постоянно гоняться за старшими ребятами, и он пошёл к воде и стал рассматривать рыбок, которые то и дело подплывали к берегу, и, сверкнув на солнце, скрывались в толще воды. Динка подошла к нему и тихонько заскулила. Мальчик сразу узнал свою собаку (он звал её Жучкой) и радостно бросился к ней.

— Жучка, Жученька, — нежно повторял он.

Динка подошла к нему совсем близко, и мальчик обнял её за шею. Собака лизнула его в лицо.

— Жучечка, живая! А папка сказал, что ты где-то сдохла. Как я рад, что ты живая, — повторил он.

Динка села с ним рядом, и они стали вместе наблюдать за рыбёшками. Ваня вскочил на ноги и побежал вдоль берега. Собака бежала с ним рядом. Мальчик уже совсем забыл и о ребятах, которые убежали от него, и об обиде на них. Он был рад, что его Жучка жива и сейчас с ним рядом. На берегу показалась Галка с ребятами.

- Ванька, идём, папка тебя зовет. Скоро пойдём домой, крикнула она.
 - Я с вами никуда не пойду, решительно ответил мальчик. И вдруг поскользнулся и упал в воду.

Это произошло так быстро, что ребята не сразу поняли, что случилось. Они подбежали к берегу и увидели, что Ваня, скрываясь в воде, несётся по течению. С криками они бросились к родителям. Динка бежала по берегу за мальчиком. Затем бесстрашно бросилась в воду и быстро поплыла к малышу. Ваня уже почти скрылся под водой, когда Динка вцепилась зубами в его рубашку и изо всех сил поплыла с ним к берегу. Мордочку собаки постоянно накрывала вода. Она еле успевала глотнуть воздуха. Ей очень хотелось чихнуть и выплюнуть воду из носа и пасти, но она только крепче сжимала челюсти. На берег выбежали люди. Мужчины бросились в воду и поплыли на помощь собаке, которая из последних сил быстро гребла к берегу.

На берег выскочил Василий. Он увидел сына в воде, осознал всё произошедшее — и хмель моментально пропал.

— Ну, Жучка, умница, спасибо, — кричал он, бросаясь в воду.

Но мальчик уже был возле берега. Динка отпустила Ваню только тогда, когда какой-то мужчина подхватил его. Силы вдруг покинули собаку, и она стала скрываться под водой, но чья-то сильная рука схватила её, и через минуту Динку, как героиню, под аплодисменты, опустили на землю. Ваня сидел на земле и непонимающе моргал глазами. Над ним склонился Василий. Он убедился, что с ребёнком всё нормально, осмотрелся. Взгляд его остановился на Динке.

Случилось что-то необычное. Василий встал на колени.

— Прости меня, дурака, Жучка, прости за всё. Пойдём, пожалуйста, домой, пойдём. Честное слово, больше я тебя никогда не обижу.

Динка с недоумением смотрела на Василия. Она, как ни странно, все поняла, подошла к стоящему на коленях мужчине и посмотрела ему в глаза. Василий зарыдал. Он погладил мокрую дворнягу, хотел обнять её, но Динка отскочила в сторону. На берег прибежала Варвара.

- Диночка, девочка моя, какая ты умница! Ну, пойдём, дорогая, пойдём. Сегодня пойдём домой, милая, хватит тебе быть без дома. Собака подбежала к ней.
- Это моя собака! закричал Василий. Моя! Она только что спасла моего сына, и она пойдет со мной!
 - Пусть она решает сама, сказала Варвара.
- Хорошо, согласился мужчина. Жучка, Жучка, пойдем домой!

Динка на мгновение остановилась. На радость Василию, она подбежала к Ване и несколько раз лизнула его в мокрое лицо. Затем резко развернулась, подошла к Варваре и села возле её ног.

Динка с женщиной скрылись за домиками, а Василий смотрел им вслед и шептал:

— Прости меня, прости, Жучка. Вернись, пожалуйста, вернись. Прости...

Аркадий Алексеевич ЗЕРНОВ

Спортивный журналист. Член Союза журналистов России. Окончил Брянский инститит транспортного машиностроения. Более 25 лет трудился на Бежицком сталелитейном заводе. После реорганизации завода был назначен помощником генерального директора. Одновременно исполнял обязанности редактора многотиражной газеты «Сталелитейщик». В настоящее время работает спортивным обозревателем в областной газете «Брянский рабочий». Неоднократно по итогам года был признан лучшим спортивным журналистом Брянской области.

Пишет стихи, рассказы. Печатался в «Пионерский правде», студенческих изданиях, в районных и областных газетах, в коллективных сборниках: «По первопутку», «Узоры дружбы», «И целый мир в душе моей». Автор трёх поэтических сборников, нескольких книг о спорте на Брянщине.

выстрел в ночи

пригородном рабочем посёлке Задубравье многие ребята пытались ухаживать за Александрой, или, как её тепло называли, Шурочкой Котляровой, но безуспеш-

но. Отличалась она от своих подруг и других сверстниц неброской, но очень привлекательной красотой: нельзя было отвести взгляда от её выпуклых, быстрых, как стрижи, карих глаз, открытой улыбки. В школе она была примерной ученицей и певуньей. Песни в её исполнении принимали на бис.

После школы Шурочка не захотела поступать в институт и пошла работать на завод.

Дома мать журила:

- Ох, засидишься ты в девках, дочка. Среди твоих одногодок многие уже замужем.
- Да не волнуйся ты, мам, отвечала она, придёт и моё время!

И суженый явился к ней в образе Степана, служившего срочную службу в ракетных войсках. Говорили, что не одна из молодых Задубравья сохла по нему, когда он приезжал в отпуск и гостил у своих родственников. Поглядывал он и на Шурочку, выделяя её из всех. Но не стремился вступать в разговор.

Александре он нравился. Непристающий, вежливый, некурящий, плохого слова, говорили, от него не услышишь. Не то, что местные «петухи»!

Перед тем, как уезжать в армию, зашёл Степан к Котляровым попрощаться. Побеседовал душевно с бабой Зиной, Котлярчихой (как её все называли). Она долго потом вспоминала этот визит и говорила внучке:

— Вот это воин. На таких наша Россия и держится.

Мать Шурочки тоже сыпала лестные эпитеты в адрес молодого соседа.

В части Степан нередко вспоминал свою бойкую соседку, перед которой робел и даже не сказал при прощании тех слов, после которых и могла завязаться дружба между ними. Письмо пытался

ей написать, но, прочитав, разрывал в клочья. А отслужив, уже на второй день был в Задубравье. От своих родственников узнал, что Шурочка ещё больше похорошела, не замужем, хотя за ней ребята ходят табунами.

Встретили его Котляровы радушно. Александра только что вернулась с работы, вся семья собралась ужинать.

— Вот, кстати, — здороваясь, сказала мать Шурочки и пригласила гостя отведать «что бог послал». Степан отнекивался, но его чуть не силой усадили за стол, и потекла беседа об армейской и заводской жизни.

После расставания с Котляровыми на душе Степана было светло, радостно. И начались встречи молодых, красивых людей. Через месяц Степан предложил Александре руку и сердце.

Поселковые парни считали жениха чужаком. Им было досадно, что у них из-под носа увели такую дивчину. В головах проигравших бродили всякие мысли, как насолить ему. Думали заломить большой выкуп, когда молодые будут возвращаться из ЗАГСа.

Но, будто чувствуя эти намерения, родители решили сыграть свадьбу в городе. А из ресторана молодожёны сразу уехали в родительский дом Степана. Задуманная парнями акция не состоялась.

Жизнь у Александры протекала размеренно и счастливо. Утром она спешила на завод. Дом находился рядом — рукой подать. Бежали дни и месяцы, год прошёл. И вдруг такой страшный приговор: у них никогда не будет детей... А виной тому — Степан. Шурочка замкнулась, стала неприветливой, вспыльчивой. Да и Степан ушёл в себя, по дому ходил неприкаянный. И однажды из-за пустяка между ними вспыхнула ссора. Александра в сердцах бросила в адрес Степана обидное слово. Тот, хлопнув дверью, выскочил во двор.

Шурочка, уходя утром на работу, оставила небольшую записку, что возвращается в родительский дом. Степан, поборов свою гордость, приезжал в Задубравье, уговаривал жену вернуться, но тщетно. Мать как-то пыталась повлиять на Александру, но поняла, что у дочери беда. И не могла дать ей дельного совета. Степана стали замечать в пьяной компании. Жизнь у него пошла кувырком.

Как-то перед самым Новым годом Шурочку встретила подруга и спросила, почему та такая грустная, после чего предложила пойти с ней в компанию отметить праздник.

- Немного развеешься,— сказала она,— не всё же сидеть с матерью и бабушкой. Александра решилась. Её познакомили с высоким стройным парнем
 - Александра, сказала она, протягивая ему руку.
 - Александр, ответил он. И оба рассмеялись.

За столом их места оказались рядом. Юноша, как истинный джентльмен, проявлял заботу, подкладывал закуску и наполнял бокал вином. Потом новый знакомый вызвался проводить её домой, сказав, что у него в Задубравье родственники, и он переночует у них. Ехали они на электричке. Александр рассказывал о себе. Не утаил, что работает водителем, был женат, развёлся. Жена, когда он уходил в рейсы, встречалась с другом своей юности. Ему об этом рассказали.

- А дети-то есть? спросила Шурочка.
- Да,— ответил он, даже двое, живут с моей бывшей. Хорошие мальчишки! Но что поделать, жизнь не сложилась.

Они стали встречаться. А через несколько дней Александр пригласил Шурочку домой на свой день рождения. Она осталась у него переночевать. Дружба двух тёзок переросла в любовь. Свадьбу решили второй раз не делать. Шура тихо переехала в город.

Жили они втроём мирно. Светлана Викторовна, свекровь, вставала рано, готовила завтрак молодым, а когда сын уезжал — одной невестке.

— Мне не в тягость, — говорила хозяйка, — лишь бы вам было хорошо.

У молодых всё так и шло. Когда муж возвращался из поездки, Александра вся светилась от счастья. В его дни отдыха, особенно, когда приходились на субботу и воскресенье, молодожёны отправлялись в лес на прогулку. Александр был спортсменом, занимал призовые места по стендовой стрельбе. Научил и жену охотничьим забавам. А когда они уходили далеко в чащу деревьев, Александра брала двустволку в руки, иногда стреляя по цели. Каждый раз после выстрела вздрагивала, не проявляя восторга. Но нажи-

мать на курок ей нравилось. Как говорил муж, «не весь процесс, а лишь его часть».

Вскоре Александра очень обрадовалась: то, что так трепетно ждала, свершилось. После визита к женскому врачу объявила мужу:

— У нас будет ребёнок.

Александр обнял её и сказал:

— Хотелось бы девочку, но будь, кто будет.

А тут пришла шальная мысль — обменять квартиру на дом. Такой случай подвернулся. Да ещё на окраине города, на улице Виноградной. Озеро рядом и речка недалеко, а луг какой! Простор кругом.

Шура пыталась отговорить мужа, не сказав ему, что Виноградная улица рядом с той, на которой жил Степан, но обмен состоялся. Много времени ушло на обустройство: и дом подладить надо было, и забор ветхий перебрать: между досками просматривался весь двор. Будущую маму семейства оберегали, не допуская её ни к каким делам. Заставляли лишь чаще прогуливаться. На одной из прогулок и произошла её встреча со Степаном, пьяным, с опухшими глазами. От неожиданности он побелел, подумав: «Правду говорили посторонние люди и сестра его, что видели здесь Александру, что она переехала сюда» А вслух сказал:

— Ну, что, поправляешься, Шурочка? Вот мы и соседи. Не ожидал. Думал, никогда тебя больше не увижу. А вот надо же...

Александра вздрогнула, испугавшись. Отвернулась и пошла к дому, где трудился её Сашенька.

С того дня Степан часто наблюдал за домом, где жила его бывшая жена. Иногда видел её прохаживающейся около калитки. Но знал, что к ней не подойдёт, не побеспокоит напоминанием о себе.

Через несколько недель Александра родила. «Доносчики» сказали — мальчика. Как Степан хотел ребёнка! Ночью скрежетал во сне зубами, даже бредил, произносил: «Сын, сыночек».

Слушая его, мать волновалась:

— Не свихнулся ли, не сошёл с круга её Степан?

Через год Шурочка вновь забеременела. Родила, как они хотели с Александром, дочку. Радовались и благодарили судьбу. А на улице Озёрной мучился Степан.

— Какая это жизнь, — говорил он сам себе, — всё могло быть иначе!

Так вышло, что заболела мать Александра и её срочно положили в больницу. А через два дня на своём «утюге», как называл фуру Александр, он уехал с грузом в северный город. Шурочка впервые осталась одна с детьми.

Часа в два ночи в дверь постучали. «Кто бы это мог быть?» — подумала она. Вышла, набросив на себя халат.

- Кто?
- Открывай, послышался хриплый, сдавленный голос.

«Кто же это мог быть?» Вдруг обожгла догадка. Стук раздался в окно.

- Уходи, или я сейчас позвоню.
- Открывай. Я обрезал провод. Открывай, или я разобью стекло. При лунном свете Александра увидела перекошенное от злобы лицо Степана. «Пьяный! Конечно, пьяный, а такие люди безрассудны и опасны в своих действиях» подумалось ей. Раздался звон стекла.
- А ...узнала, раздался крик, не откроешь, убью тебя и твоих зверёнышей! Александра заметалась, как птица, по дому. «Конечно, он полезет в окно. Мой дом, мои дети! Нет, не бывать этому!». Она ринулась в комнату, где в сейфе под замком находилось охотничье ружьё. «Ключ, где ключ? Почему я не спрашивала, где он его прячет?» Пошарила в шкафу и вдруг под тарелкой ключ. Быстро открыла дверь сейфа. Незваный «гость» заканчивал погром окна. Александра вогнала патрон в ствол ружья и крикнула:
 - Последний раз прошу уйди!

В ответ прозвучал крик. И когда в окне появилась голова и плечи Степана, она нажала курок.

Приехали люди в форме, с фонариками. Александра увидела их через разбитое стекло. То, что не смогла сделать она, удалось проснувшимся соседям дома напротив: их сообщение долетело быстро. Но было уже поздно.

СОЛНЦЕ НАД ЦЕХОМ

тром, как только начался рабочий день, мне позвонил главный инженер завода и, поздоровавшись, сказал:
— Зайди.

В кабинете — объяснение, что на завод приезжает группа брянских художников, человек двадцать. Главный инженер попросил провести их по цехам и, как он выразился, «показать поэзию рабочего труда».

Я встретился у бюро пропусков с веселыми улыбчивыми представителями творческой интеллигенции, оформил необходимые документы, провел через проходную. Вахтёр, пересчитав проходящих, пожелал им не заблудиться на обширной заводской территории, а для этого не отставать от старшего, то есть от меня.

С художниками мы прошли к моему руководителю для установочной беседы и определения маршрута экскурсии. Выслушав главного, группа художников поблагодарила его за интересный рассказ о сложном литейном производстве и настраивалась увидеть всё своими глазами.

Знакомство с трудовыми процессами заканчивалось, по предложению главного инженера, в мартеновском цехе — сердце нашего предприятия. С эмоциональными, любознательными гостями удалось подойти как раз к выпуску стали из одной печи, разливке её в два двадцатитонных ковша.

Расположившись наверху, на металлическом балконе, вся группа с интересом наблюдала за действиями сталеваров, работавших слаженно, не суетливо.

...Вот пробита лётка, и по жёлобу сначала робко, а затем ускоряющимся ручейком хлынул расплавленный металл, бросая в воздух несметное количество искр.

— Красота-то какая! — придвинувшись ко мне, проговорил один из наблюдателей.

А когда ковш наполнился доверху и кран плавно двинулся с ним, огнедышащим, на формовочный участок, мой сосед воскликнул:

— Солнце, солнце над цехом!

И все, улыбаясь, поддерживая сравнение, одобрительно закивали головами, и кто-то промолвил: «Правильно!» Экскурсант, защищавший глаза от «солнечного» света, сказал, что вид отсюда, как с палубы корабля.

— А можно установить здесь треножник и поработать? Классная картина получится!

Рядом стоявший добавил:

— Плохо, что никто из нас не захватил фотоаппарат, вот бы остался на память хороший снимок!

Гостей, общительных и любознательных, задавших мне в ходе и после разговора в мартеновском волновавшие их вопросы, я проводил за проходную. Они заверили меня в вечной дружбе. А узнав, где находится ближайшая столовая, предложили продолжить общение в более тёплой, чем в цехе, обстановке.

Поблагодарив художников за посещение нашего трудового коллектива, я попрощался с ними.

Художник, восторгавшийся солнцем над цехом, пожал мне руку, сказал:

— Я обязательно приеду!

...Прошло много лет. Я уже не работал на заводе. И как-то при встрече задал вопрос бывшему моему главному инженеру:

- Помнишь, Сергеевич, к нам приезжали художники? Один из них обещал написать картину о выпуске металла в нашем мартеновском и подарить её заводскому музею.
 - Помнить-то помню. Но картины нам никто не передавал. «Жаль», подумалось мне.

Солнце над цехом! Как бы замечательно это выглядело. А может, где-то и висит такая картина? Не обязательно в музее. В каком-нибудь клубе, кинотеатре или в другом учреждении. Поэзия рабочего труда...

Надежда Борисовна КОЖЕВНИКОВА

Кожевникова Надежда Борисовна, родилась в 1957 году в деревне Дибровка Новозыбковского района. Закончила Клинцовское медицинское училище, много лет работала ичастковой медсестрой в детской поликлинике города Новозыбкова. Стихи и рассказы пишет давно. Печаталась в местных изданиях — газете «Маяк», «НВ-Вести», альманахе «Зыбь», в областных изданиях газете «Брянский рабочий», жирнале «Десна», а также — в интернет-изданиях. Принимала участие в конкурсе «Смех без грании», который проводил Белорусский журнал «Метаморфозы» — заняла третье место, является лауреатом премии имени Н. И. Рыленкова, лауреатом 1-й степени международного литератирно-хидожественного конкурса «Листья дуба — 2018» в номинации «Проза». В 2010 году вышел первый сборник стихов «Пролески», в 2016 — второй: «Окно, распахнутое в сад».

ГОРДЕЕВ МОСТ

ного мошки́ — готовь кузовки». Народные присказки и поговорки — это не просто слова, это мудрость, подтверждённая многолетними наблюдениями. Возвращаясь с Дальних Выселок, Мария Трофимовна обдумывала эту недавно вычитанную где-то фразу и соглашалась с нею полностью. В этом году весной мошек было совсем мало, соответственно и ягод мало.

Каждое лето ходила она на Дальние Выселки за земляникой. Раньше это было большое село, проживало там до пятисот человек, была свиноферма, коровник. Работы всем хватало. Раньше и работали в полную силу, и развлекались от души. Сама Трофимовна проживала в Ближних Выселках, километрах в семи от Дальних, если по прямой. Им, тогда совсем ещё молодым девчонкам, ничего не стоило сбегать вечером в соседнее село на танцы и под утро вернуться домой. Но это тогда, а сейчас — в левой коленке что-то щёлкало и стопорило, а в правой лодыжке ощущалась опасная неустойчивость и готовность подвернуться.

— Ох, развалилась я, совсем развалилась, прямо, как те колхозы, — бубнила себе под нос Трофимовна. — На Дальних всё хозяйство на нет свели, и у нас две коровы в пять рядов на ферме стоят. Поля бурьяном позарастали. Да-а... И за земляникой не очень удачно сходила, хорошо, если три литра будет. — Пожилая женщина то растирала колено ладонью, то поглаживала его, приспосабливая к дальнейшей ходьбе. Затем она слегка встряхнула пятилитровое ведёрко, пытаясь определить на глаз, сколько получится варенья. Потревоженные ягоды запахли подвявшим на солнцепёке чобриком и разомлевшей, подтаявшей на сосновых стволах смолой-живицей. Запахли резко, горьковато. За эту горчинку и любила Трофимовна земляничное варенье. Откроешь зимой баночку, и такой насыщенный ягодно-травяной дух от него исходит — одной чайной ложечки достаточно, чтобы снова представить себя на прогретой солнцем лесной полянке. Да только одним духом сыт не будешь: придётся клубники добавить, чтобы варенья побольше вышло. Второго похода нога не выдержит.

Тропинка, по которой шла Трофимовна, была хорошо натоптана такими же ягодниками, как она, да дачниками, что каждое лето наезжают в Дальние Выселки. А как же не наезжать сюда, если красота вокруг неописуемая? Трофимовна осмотрелась: разнотравье буйствовало в полную силу, колокольчики у самой дорожки синели нежно, кипрей на всю длину цветочной метёлки розовел ярко, а коровяк так горделиво и торжественно держал свои солнечные цветы, что казалось, это стая жёлтых дрессированных бабочек облепила его стебель. Красота! А пахнет как! Луговые запахи перебивались речными, пахло мокрой землёй и перегнившими кореньями прибрежных растений. Она почувствовала освежающую прохладу речки Тавны раньше, чем увидела её. Спокойная и неторопливая летом, весной река меняла свой нрав, взбрыкивала, как загулявшая молодая кобылка, и, спотыкаясь о нависающие над водой ивы, галопом неслась в широкую Ипуть. Хлипкие, наскоро нагороженные пешеходные мостки не выдерживали речного напора, рушились, и местным жителям приходилось несколько километров идти в обход. Отколобродив, строптивая речушка возвращалась в свои берега, и мостки наводили снова. Так было почти каждый год до той поры, пока Гордей не построил свой мост.

Да вот и он, Гордеев мост. Высоко приподнятый над рекой, смотрелся он одинаково красиво и чужеродно. Чужеродно — значит, не к месту. Мост с таким высоким изгибом и благородного коричневато-серого цвета перилами должен находиться не здесь, не в кудлатых зарослях ивняка и краснотала, а в старинном поместье. И стоять на нём должна молодая дама в широкополой шляпе с зонтиком в руках. А стояла Трофимовна, в косынке и с ведром. Стояла она посреди моста, на самой высокой его части, и всматривалась в противоположный берег, вернее, в вырезанную из дерева и установленную чуть в стороне, под ивами скульптуру высокого, статного мужчины. Без очков Трофимовна видела нечётко, как в тумане, но сейчас ей и не надо было особой остроты зрения. Невзирая на то, что с последней их встречи прошло много лет, знакомые черты вставали перед ней без всяких усилий, легко и просто. Ей казалось: вот сейчас мужчина выйдет из низины, подни-

мется на мост и подойдёт к ней. Но он не подходил. Крепко сбитый, широкоплечий, стоял он, опираясь рукой то ли на посох, то ли на крестовину меча. Устало склонённая голова и печальное выражение лица наводили на мысль о том, что он давно ждёт когото, и ещё от него исходила такая напряжённая готовность шагнуть навстречу, что невольно верилось — ждёт не напрасно.

Гордей тогда не удосужился объяснить односельчанам, что это за человек и кого он ждёт, и люди сами решили, что это памятник старому воину, который проводил на войну своих сыновей и ждёт не дождётся их возвращения. Так и назвали скульптуру — памятник воину. И только одна Трофимовна точно знала, кто этот «воин» и кого он ждёт.

— Эх, Гордей, Гордей, — приговаривала она, привычно присаживаясь на облюбованный ею пригорок, и воспоминания, как речные запахи, острые и будоражащие, окутывали её.

Знала она Гордея с самого детства. Он был внуком Полины Ивановны, соседки, к которой приезжал каждый год на летние каникулы. Чернявый, мелкий, юркий, он имел нрав беспокойный, а ум пытливый и любознательный. Чего только стоит история с маленьким поросёнком, которого они с Гордеем спустили с прибрежной кручи на парашюте, сделанном из простыни! Идея и чертёж парашюта были разработаны Гордеем, простыня добыта Трофимовной. Воспоминания детства заставили её улыбнуться. «Попало нам тогда на орехи», — подумала она. А о переработке содержимого туалета в полезные для грядок удобрения даже сейчас вспоминать было стыдно. Мало того что дефицитные дрожжи перевели, так пол-огорода испоганили, и порку им такую выдали, что пару дней обедали стоя. Были и другие мелкие проказы, содеянные, как говорится, не из вредности, не со зла, а по причине всё той же детской любознательности, вездесущности и бьющей через край энергии. А так — обычное деревенское детство.

Десять лет было Гордею, когда в очередной раз приехал он к бабушке на время, погостить, а остался навсегда. Тем летом его родители трагически погибли. Многие односельчане сочувствовали Полине Ивановне, но находились и такие, кто осуждал её: говорили, мол, нечего было дочь единственную в город отпускать, сплетничали, мол, денег больших да лёгкой городской жизни захотелось. Дети же повторяли то, что говорили их родители. Гордей от сплетен отмахивался кулаками. Невзирая на небольшой рост и тщедушное телосложение, защищать себя и своих друзей он умел. Бесстрашный был и выносливый. Жиловатый, как говорят в деревне.

Но красивой, высокой, цветущей девушке, какой стала в свои семнадцать лет Трофимовна, не было никакого дела до выносливости парня. Ей красоту подавай: рост, стать, полёт бровей, кудрявость чуба. Ничем подобным Гордей к совершеннолетию не обзавёлся, и рядом с собой в качестве жениха она его никогда не рассматривала.

А он её как невесту рассматривал. Всегда. Класса с седьмого он перепробовал все возможные способы обратить на себя её внимание — от примитивного подёргивания за косу до полувзрослого предложения сходить вместе вечером в кино. Невзирая на полную безрезультативность этих попыток, перед самой армией (и как только его туда взяли: весу-то в нём было, как у барана, килограммов пятьдесят), на танцах, отвел он её в сторонку и сказал, что любит, что дышать без неё не может и что письма каждый день писать будет. Хотел поцеловать, да отмахнулась от него волоокая, розовощёкая красавица, как от надоевшего комара, хоть, надо признаться, и была смущена таким пронзительным объяснением в любви.

Ни на одно его письмо она не ответила и через год вышла замуж.

Муж Василий, голубоглазый, высокий, кудрявый, сразу покорил её сердце, и пара из них получилась на загляденье. Вася работал водителем, возил председателя колхоза, а сама она окончила бухгалтерские курсы и стала работать в конторе. Скопили денег, пристроили к родительскому дому трёх стенок и через два года родили сына — всё как надо, всё, как у людей.

А Гордей вернулся из армии и снова поселился рядом, ни словом, ни взглядом не выказав Трофимовне своего недовольства, что, мол, не писала, не ждала. В армии у него обнаружились способности к ремонту различной техники, и по возвращении его с радостью взяли работать механиком. С обязанностями своими он справлялся хорошо, мог ремонтировать не только трактора и комбайны, но и легковые машины. Их пригоняли к нему из города, во дворе всегда одна-две стояли. Надо сказать, что за какую

бы работу ни брался Гордей, всё у него получалось. Сам поменял прогнившую крышу на доме, сам вырезал новые наличники на окна, да такой красоты, что в селе раньше не видели: и листья, и гроздья виноградные, как живые, получились. Говорили, что он познакомился в городе то ли с художником, то ли со скульптором известным, и тот нашёл у него талант, сказал, что надо учиться, развивать своё дарование, и даже подарил книгу «Резьба по дереву». Потом Гордей самостоятельно изготовил тротуарную плитку и выложил ею дорожку от калитки до дома. И всё ему легко и всё интересно.

А через два года умерла его любимая бабушка, и загрустил Гордей, забросил свои выдумки, взял отпуск и уехал в город. Через две недели вернулся, да не один, а вместе с женой.

Трофимовна с интересом, даже с непонятно откуда взявшейся ревностью рассматривала через забор медлительную, худосочную Ларису.

Лариса не была приспособлена вести деревенское хозяйство. Она не любила огород, не делала домашние заготовки на зиму, даже баню не любила.

- Я этой природы вот так насмотрелась, говорила она, проводила ладонью по тонкой шее, как бы отрезая голову от туловища, и с задумчивым видом направлялась в сад. Там, на самом солнечном месте, стояли две скамьи и столик. Причём столик Гордей сделал из цельной плашки тонко распиленного ствола старого дерева и так умело обработал олифой и специальной пропиткой, что сквозь неё стали видны разные по толщине, красиво извитые линии. Каждая полоска — один год жизни дерева. Впрочем, любовалась ли Лариса столиком — неизвестно; она раскладывала на нём модные журналы, приспускала с плеч узкие бретельки короткого сарафана и часами сидела так, листая страницу за страницей. Потом, прикрыв лицо развёрнутым журналом, ложилась на деревянную скамью, подставляя солнцу руки, шею, плечи и длинные, покукольному красивые ноги. Эти ноги и все остальные прелести вскоре покрылись золотистым загаром, потом загар стал тёмнокоричневым, а она всё лежала и лежала.
- Ишь, зажарилась, как пирожок, ухмылялся Василий, и её настораживала эта ухмылка мужа. Она внимательно смотрела на

него, отыскивая в уголках рта, под усами истинное её значение: одобряет или осуждает?

- Лярва, выносил свой приговор свёкор, незаметно косясь на высоко открытые ноги соседки.
- Лодырюга! В огороде конь не валялся, а она разлеглась на лавке, юбку по самую мамину задрала... Загорает! свекровь специально говорила громко, чтобы было слышно за забором.

Мнение соседей интересовало Ларису меньше всего. Она никак не реагировала на нелестные высказывания в свой адрес.

Вроде бы и Трофимовна не должна была реагировать на присутствие женщины в жизни Гордея. Однако всё чаще и чаще ей стала сниться Лариса, её точёные плечи, загорелые ноги. Она видела их вместе с Гордеем: вот он жарко обнимает жену и взволнованно шепчет ей те же слова, что шептал когда-то в кустах сирени своей семнадцатилетней соседке: любит, мол, жить без неё не может, дышать не может. И Трофимовна просыпалась, ей вдруг тоже становилось жарко. Вставала, шла на кухню, пила холодную воду, пыталась снова уснуть, но ни монотонное посапывание мужа рядом, ни ласковый шёпот летнего дождя за окном не успокаивали, не убаюкивали, как прежде.

Наступил сентябрь. Загар больше не приставал к телу Ларисы, журналы, вероятно, были все прочитаны, и однажды она собрала чемодан, нацепила на ноги остроносые туфли на высоких каблуках и, отдохнувшая, загорелая, уехала обратно в город.

Вечером Трофимовна слышала, как на соседнем дворе, за тем же столиком-плашкой, мужики обмывали отремонтированную машину и расспрашивали подвыпившего Гордея. Что, мол, и как? Куда Лариса делась? Поедет ли Гордей за ней, чтобы вернуть обратно? И на черта она ему вообще была нужна? Помнит Трофимовна, как, неслышно ступая босыми ногами, подошла она к забору и, прислонив голову к шероховатым, плохо оструганным доскам прислушалась. Обида ли на жену или выпитые сто граммов развязали соседу язык, но он разговорился: оказывается, в городе Лариса работала официанткой в кафе на вокзале, там они и познакомились; оказывается, больше всего хотел Гордей, чтобы она родила ему ребёнка. Но ребёнка не получилось, да и не прижилась Лариса в деревне, поэтому возвращать её он не собирается. Пом-

нит Трофимовна, как на цыпочках, с улыбкой и лёгкой душой отошла она от забора. И чему только радовалась? Тому, что у соседа не сложилась личная жизнь?

Так или иначе, но больше с жёнами Гордей не экспериментировал. Жил один. Много работал и всегда был под рукой у Трофимовны. Вроде и не собиралась она его эксплуатировать, само собой так получалось. Взять те же роды. Надумала она на последних днях беременности в поле за щавелем сходить. Там-то её и прихватило: воды отошли, схватки начались — срочно в роддом надо. Домой не идёт, плетётся еле-еле. А Гордей, как всегда, тут как тут, да ещё и на машине. У него, у одного из первых в селе своя машина появилась: купил как металлолом, а потом подделал, перебрал, смазал, заменил некоторые детали, и долго ещё бегала та машинка, как новенькая. Отвёз он тогда свою незадачливую соседку в город и всю ночь ждал у роддома, а утром первым весточку родным привёз: родила, мол, мальчик, три с половиной килограмма, пятьдесят пять сантиметров.

— А где это Вася тогда был? — продолжала вспоминать Трофимовна. — Может, председателя куда возил? А может, и не возил, — продолжила она свой мысленный монолог. — Не помню. Занят был. Он всегда был занят. Работал. А если не работал — отдыхал. Говорил: «День за рулём — это тебе не гайки у комбайна крутить, это ежеминутное нервное напряжение, и дома это напряжение нужно снимать, а не накручивать снова». Вот и снимал: телевизор любил смотреть, газеты, книги о войне читать.

А Гордей на обрывистом берегу реки детям вышку-трамплин соорудил, и дно там, где они купались, от мусора и стекла почистил, и ещё снаряды гимнастические вкопал — турник и брусья. Это с ним, с Гордеем, девятилетний сын Трофимовны Кирюха в ветреную погоду на лугу запускал бумажного змея, а позже, классе в седьмом, он научил подростка мотоцикл водить. Любил с детьми возиться, они это чувствовали и всегда вокруг него гужом вились.

Ну, да и на Васю ей особо нечего было обижаться: никогда руки на неё не поднял, слова плохого не сказал и деньги всегда в дом нёс — не каждой такое счастье перепадает. Бывали, правда, и скандалы. А в какой семье их не бывает?

Помнится, подгнили стойки у ворот, а Вася всё никак не соберётся заказать да установить новые, всё ему некогда. А тут и осень скоро — копайся тогда в грязи. Вот и учинила она мужу скандал. Голосом бог Трофимовну не обидел, но женщина она была умная и пользовалась этим даром редко, однако, если включалась на всю громкость, и жуки колорадские и их личинки крупные на землю горохом сыпались. Василий отреагировал — зашевелился. Стойки сделали быстро. А устанавливать их некому. Это тебе не город, бригаду строителей не вызовешь, а друзей у него особо не было. Друзья — они как образуются? По общности интересов. Ну, интересом к выпивке Вася, слава Богу, не отличался, да и Трофимовна таких друзей живо бы из дома наладила; рыбалка и охота мужа тоже не интересовали, остаётся дружба на основе взаимопомощи: ты мне в делах поможешь, я тебе. Но так уж получалось, что у Василия никогда не было свободного времени, чтобы помогать кому-то. Вот и привёл он работников выгодных, недорогих и, как выяснилось позже, бестолковых. Вкопали стойки, навесили створки ворот и скоренько удалились на озеро отмечать это событие, а ей их «горожа»¹ показалась непрочной, неустойчивой. Она и качнула те ворота хорошенько, а они на неё и завалились. И бросить не может — придавят, и держать больше — сил нет. Что делать? Вася на озеро вместе с работниками ушёл, Кирюха с друзьями гуляет где-то.

- Гордей! Гордей! помнит, вопила она тогда на всю улицу. А он дома был, спал. Прибежал в одних брюках, подставил своё лёгкое тело под шулу² и так упёрся, что у него покраснело лицо, стала багровой шея и, прямо как у атлета, напряглись-обрисовались мышцы рук и спины. Тяжело ему было, но он держал всю конструкцию до той поры, пока она не нашла нужную подпорку. Потом потер красный рубец на плече, спросил, как она оказалась под воротами и не болит ли у неё что. А тут и Вася вернулся. И такие разборки у них пошли, каких не было никогда в жизни.
- А что, спрашивается, ты у нас во дворе делаешь? И чего ты всю жизнь у меня под ногами мельтешишь? орал тогда, напирая грудью на Гордея, Василий.

¹ Горожа, обл. — ограда, забор.

² Шула, обл. — столб для звена забора.

- Если бы ты ворота по-человечески поставил, то сто лет меня бы тут не было. Машу чуть стойкой не придавило! не собираясь отступать, отвечал ему Гордей.
- Не придавило бы. Ты за своими воротами следи, а не за чужими жёнами! Василий понемногу оттеснял Гордея к калитке. Тот упирался.

«Вот только рукопашной мне тут и недоставало», — Трофимовна встала между ними.

- Да разойдитесь же вы! Василий, я сама позвала Гордея! Он помог мне подпереть ворота! Не он, так упали бы уже! Ты сам подумай, а если бы Кирюху, не дай Бог, придавило? Иди, зови работников обратно! Переделывать всё нужно, убеждала она мужа, и так как децибелов в её голосе было предостаточно, перекричать спорящих особого труда не составило.
- Да пойми ж ты! Не в состоянии они работать сегодня. Завтра всё исправим, отмахивался от неё Василий, всё же сбавив градус накала страстей.
- Нет. До завтра так оставлять нельзя. Могут завалиться. Сейчас принесу инструмент, сделаем сегодня, Гордей говорил тогда об установке ворот, как о вопросе простом, решённом, не требующем ни с кем никаких согласований, а тем более напрасной траты нервов. Умел он в нужный момент взять на себя ответственность за происходящее. Вернулся с двумя хорошо заточенными лопатами и ломиком. Василий противиться не стал, и общими усилиями они успели установить ворота до темноты.

Ревновал ли муж Трофимовну к Гордею? Нет, не ревновал. Потому что не любил? Или так был уверен в себе и в ней? Скорее всего, за много лет соседства ни он сам, ни односельчане ни при каких обстоятельствах не видели Трофимовну с Гордеем вместе.

Да вот оказалось, что и с Василием вместе ей долго жить не доведётся. Пятьдесят четыре года было Васе, когда он заболел. Сказали — аппендицит, операцию сделали, а оказалось лейкоз, операция только ослабила его организм. Умер через полгода. Горевала Трофимовна. Всю зиму проревела. Сын приезжал, конечно. К себе в город звал. Он после женитьбы в Орёл с семьёй переехал. Там у жены свой дом, и родня её вся там. «Куда мне в го-

род? Зачем? — думала она. — Всю жизнь тут прожила, и хозяйство опять-таки — корова, свинья, куры. И что я в том городе делать буду?» Не поехала.

А в деревне оно так: горе не горе, а расслабляться нельзя: живность кормить надо, работать надо. Закончилась зима, пришли весенние хлопоты, потом летние. Жизнь вошла в новую колею.

Гордей приходил почти каждый день, помогал по хозяйству, где что прибить, починить. О любви же долго речи не заводил. А потом, в самом конце лета, привёз последний воз сена, разгрузили его, на сеновал перетаскали, Трофимовна ужин быстренько приготовила, сто граммов Гордею налила. Всё, как всегда. Он выпил, поел и уже попрощался, и за ручку двери уже взялся, как вдруг вернулся, подошел к ней близко-близко и говорит: «Машенька! Можно я останусь? Дышать без тебя не могу. Люблю!» И прильнул к ней горячий, как придорожный камешек, нагретый за день солнцем, и поцеловал в губы. Осторожно поцеловал.

«И чего я тогда вздёрнулась, чего взбеленилась? — думала Трофимовна. — Может, испугалась того, что тело неожиданно откликнулось на ласку Гордея и руки сами собой поднялись, чтобы обнять его?» Испугалась, не испугалась, а оттолкнула так, что отлетел он к стене, как тот же камушек, только из пращи выпущенный.

- Да сколько же это продолжаться будет? Голова уже седая, а он всё про любовь турлычет! Иди отсюда, чтоб глаза мои тебя больше не видели! ох и орала же она тогда.
- Я уйду! И приставать к тебе с любовью больше никогда не буду! Но ты не думай, что так просто от меня избавишься. И помнить, и видеть меня будешь всегда, всю жизнь! А я ждать тебя буду. И дождусь! Гордей так шарахнул дверью о косяк, что она с грохотом захлопнулась, затем распахнулась, и Трофимовна увидела его, размашистым шагом направляющегося к калитке, увидела усталую, чуть сгорбленную спину и сорванную с головы, зажатую в руке фуражку и саму голову, с поседевшими и поредевшими волосами, и застрявшую в них особо цеплючую, высохшую травинку тимофеевки. И на душе у неё стало так тошно, как будто вместо милостыни плюнула она в руку просящего, как

будто чуть не утопшего, выбирающегося на мостки котёнка столкнула обратно в реку.

Назавтра Гордей уехал в город. Вот тогда-то поняла она, что такое мужские руки в хозяйстве, особенно если молодость прошла, а старость не за горами. Корову продала. Свиней тоже свела, остались только куры. Стало беспокоить сердце, болеть ноги. Пришлось оставить работу, выйти на пенсию.

Гордей появился через два года. Подремонтировал прогнившие половицы в своём доме, погонял по углам пауков и принялся чудить, как в молодости. Пошёл к председателю и заявил, что если тот выделит ему нужный пиломатериал, то он готов бесплатно сделать прочный мост через реку. Перила к мосту, мол, уже имеются, хранятся в городе у знакомого. Председатель немного посомневался, но, когда Гордей предоставил ему проект моста по всем правилам и расчётам, поверил в серьёзность его намерений и согласился. Даже помощников дал. За лето мост был построен. Потом из города пригнали кран, привезли вырезанную из цельного ствола дерева скульптуру воина и установили у входа на мост, чуть в стороне. Недели три ещё Гордей ходил туда: всё чтото подтачивал, подравнивал, обрабатывал дерево разными препаратами от порчи. За лето он сильно похудел и загорел до черноты. На вопросы сельчан, кого это он изваял у моста, отмалчивался, с Трофимовной же вежливо здоровался, но в гости не напрашивался и разговоров о любви, как и было ей обещано, не заводил.

Однажды она проснулась очень рано и никак не могла снова уснуть. То ей казалось, что за окном гудит машина, то слышалось, как хлопает калитка. Выглянув в окно, увидела, что на улице действительно стоит машина Гордея, а сам он выносит из дома коробки, вещи, инструменты и грузит их в багажник и на заднее сиденье. «Уезжает. Неужели и попрощаться не зайдёт?» — подумала и отправилась к нему сама.

- Уезжаешь?
- Уезжаю.
- Надолго?
- Насовсем.

Разговор не клеился. Как будто они чужие и говорить им не о чем, как будто и не прожили они всю жизнь рядом. Ну, предполо-

жим, не рядом, а через забор. «А был ли он тот забор? И всегда ли забор — помеха?» — мелькнуло в голове.

- Видела мост? Гордей прервал её размышления.
- Видела. Красивый.
- А меня видела? Уголки его губ дрогнули в смущённой улыбке.
- Тебя? не поняла Трофимовна и вдруг догадалась, что это себя изваял Гордей рядом с мостом, что «воин» это он.

Но «воин» был больше похож на былинного богатыря Добрыню Никитича, и сравнивать его с Гордеем просто смешно. «Слепой он, что ли? Не видит он что ли себя со стороны?» — подумала Трофимовна. С трудом погасив возникающую на губах ироничную ухмылку, она всё смотрела и смотрела на него, довольного, улыбающегося тепло и радостно. И вдруг всё изменилось. Да не было никакой вспышки, никакого просветления в мозгу, как это принято говорить. Просто само собой всё стало ясно и понятно: это она слепая, только не глазами, а душой, сердцем слепая, а он-то, Гордей, всю жизнь и был таким: сильным, надёжным, верным, преданным, как тот «воин». Ей вдруг стало жарко, забухало сердце, вспотела шея и ладони, а к глазам подступили слёзы.

— Теперь, Машенька, я тебя там, у моста, ждать буду, — Гордей снова улыбнулся, и череда мелких морщинок густым веером обозначилась у его седых висков.

Она вдруг увидела, как устал он, как постарел, только глаза не изменились: молодые, горячие. Как прежде, с любовью и нежностью смотрел на неё Гордей.

Хлопнула дверца, загудел мотор и машина, выдавливая из раскатанной колеи жидкую грязь, осторожно поползла по дороге. Вот уже и не видно её и не слышно, а Трофимовна всё стояла и стояла у калитки.

Гордей умер в тот же год, зимой, а она вот всё живёт. Ну да, каждому свой черёд. Дождётся её Гордей, скоро дождётся.

— Тогда и поговорим, Гордеюшка. Там мы обо всём поговорим, и повинимся, и полюбимся, — тяжело поднимаясь и пробуя припухшую в колене ногу на устойчивость, пообещала она ему и себе.

ЗАБЕРИТЕ МОЕГО БРАТА ВАСЮ С СОБОЙ

ак и обещали синоптики, погода на майские праздники не подвела — плюс двадцать в начале мая не часто бывает. «Видать, природа вместе с нами празднует семидесятилетие Победы», — подумала я, присаживаясь на лавочку и пристраивая рядом два древка с фотографиями, которые брала с собой на парад. На одном фото изображён мой дед Кувшинов Егор Павлович. Он прошел всю войну, награждён орденом и двумя медалями, был дважды ранен и погиб в марте сорок пятого, когда до Победы оставалось всего два месяца. Второе фото — отдельный разговор. Вот посижу, подожду ещё немного, авось человек, имеющий непосредственное отношение к нему, всё-таки подойдёт.

А пока что мимо меня чередой шли нарядно одетые люди, шли семьями, с детьми и стариками, несли цветы и фотографии родственников, погибших на войне. Настроение у всех было приподнятое, праздничное. Улыбку и лёгкую грусть вызывали звучащие неподалёку, на открытой танцплощадке, песни военных лет.

Бессмертный полк — хорошая идея. Народ вдохновился: в который раз пересмотрены семейные архивы, перечитаны письма с фронта, начищены потускневшие ордена. Заново вспомнили всё, пережили заново — где-то улыбнулись, где-то поплакали, и ценно то, что не одни переживали-плакали, а вместе с детьми, внуками, правнуками, друзьями и соседями. А теперь вот и на парад все вместе.

Каждому хочется быть причастным к Победе. А оно ведь так и было: кто на фронте, кто в тылу, каждый вносил посильную лепту в общее дело. Иначе-то и нельзя, иначе и не победили бы.

В этом году на параде в Бессмертном полку было столько народа, что и не сосчитать. Внуки и правнуки с гордостью несли фотографии своих дедов-прадедов, защищавших Родину, а ветераны,

которых осталось уже совсем немного, сидели на трибуне в первом ряду, незаметно смахивали слёзы и благодарили всех за память и уважение.

Беспамятство — страшное дело. Человек, потерявший память, оглядывается назад, а там пустота, не на что ему опереться, не от чего оттолкнуться, чтобы дальше идти, и становится он беспомощным, как ребёнок. А уж если целая страна забывает своё прошлое, то вряд ли у неё есть будущее. Этого нам допустить никак нельзя, нам надо помнить всё: и хорошее и плохое, и передавать эту память будущим поколениям.

Вот мы, например, каждый год всей семьёй на парад ходим: и сын, и невестка, и Кирюшу, внучка моего, с годовалого возраста с собой берём. Сейчас ему три исполнилось, он уже понимает торжественность происходящего и ни на минуту не выпускает из рук разноцветные шары и красную гвоздику, которую хочет непременно сам возложить к памятнику павшим героям. Фотографию прадеда в этот раз нёс мой сын, а я у меня в руках было письмо Васи.

После парада, дети повели внука в парк на карусели, а я осталась ждать сестру Василия — Марию Ивановну. Мы с ней так договорились: если не встретимся на площади, то я её здесь, на лавочке, где в прошлом году познакомились, подожду.

Помню, в том году участников Бессмертного полка поменьше было, и всё равно парад длился долго, около двух часов. Тогда дети тоже пошли развлекать Кирюшу, а я присела на лавочку рядом с женщиной преклонного возраста, в руках у которой так же, как и у меня, было древко с фотографией.

— Ну и жара, — сказала она, поворачиваясь ко мне. Я сразу заметила, что старушка не городская жительница. Одета она была опрятно, но то, что эта праздничная одежда служит ей уже не один десяток лет, было видно и по ткани, из которой сшит костюм, и по его покрою. Впрочем, дело не только в одежде. Темное обветренное лицо её, бледно-голубые глаза выражали спокойствие и смирение — чувства, не свойственные нам, живущим в сумасшедшем ритме города, и только руки, шишковатые, крупные, не знали покоя: поворачивали древко, ощупывали, оглаживали, как бы отыскивая на нём невидимые шероховатости. Седые волосы старушки были заплетены в тугую косицу и уложены аккуратным колечком на заплетены в тугую косицу и уложены аккуратным колечком на за-

тылке. Колечками же, только озорными и непослушными, разбежались по шее завитки, выбившиеся из незамысловатой причёски.

- Да, свежий ветерок не помешал бы, откликнулась я на её замечание о погоде.
- Вы с кем на парад ходили? спросила она и посмотрела на фото у меня в руках.
- Это мой дед, я придвинула фотографию к ней поближе. А вы с кем?

Она тоже повернула свою табличку лицевой стороной, и мне пришлось привстать, чтобы лучше рассмотреть её. Дело в том, что там не было фотографии — под прозрачной плёнкой находилось тщательно разглаженное на потёртых сгибах и подправленное в выцветших местах письмо. Несмотря на то, что написано оно было почти семьдесят лет назад, каллиграфически выведенные крупные буквы делали его читаемым и сейчас.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, бабушка и Лялька. Как вы там? У меня всё нормально. Воюю. Подвигов за мной пока не числится. Наград тоже пока не имею, но имею такую злость и ненависть к врагу, что, думаю, погоним мы скоро немцев, как собак диких, аж до самой до Германии. А там, глядишь, и война закончится.

Вы держитесь. Ждите меня. Я обязательно вернусь, и тогда пойдёт у нас жизнь лучше прежнего. Берегите Ляльку. За меня не волнуйтесь, я жив-здоров, не ранен, не болею.

Бабуль, там в граблях треснуло цевьё, я не успел поменять, отнесите их деду Ипатичу, он поставит новое.

Передавайте привет соседке Настёне.

Целую вас, мои дорогие. Много раз поцелуйте за меня Ляльку и в щёчки, и в ручки.

До скорого свидания. Ваш Василий»

Внизу крупными печатными буквами было написано: «Сиволобов Василий, солдат. 1923 – 1941 г. Курская область, деревня Яблоневка».

Я прочитала письмо и вопросительно посмотрела на соседку.

— Нет фотографии. Была довоенная, да сгорела, вместе с домом, да и выглядел он на ней совсем как дитё малое, лет на четырнадцать, — ответила она на не заданный вслух вопрос.

- А отчество? спросила я.
- А отчество у него такое же, как и у меня: Иванович он, ответила старушка.
 - Так что ж не написали?
- Да не дорос он тогда ещё до отчества. В деревне его звали Вася-Василёк. Любили его все. Уж очень чувствительный и отзывчивый был. Мама говорила, что девочку хотела первую, а родился он, Вася. Вот и получился, как девочка, нежный и ласковый. И почерк девчачий, видишь — буквы крупные, понятные. Мама говорила: «Пишет — как бусы нижет». Ещё он книжки читать любил, всё к учительнице за ними бегал. Ну да нежность нежностью, а как война пришла, сразу мужской характер в нём проявился, — немного помолчав, добавила она. — Подправил там себе что-то в метриках и на фронт... Письмо это ровно через месяц пришло, а вскоре и похоронку получили: погиб в бою. Но она не сохранилась, мать сразу же порвала её и выбросила. «Не может этого быть, — сказала, живой он». Она и не оплакивала его, как другие бабы своих. Всю жизнь ждала. Письмо это берегла... Так что — какое там отчество? Мне и в мастерской, где плёнкой письмо оклеивали, советовали написать, но я не захотела. Я подумала, что если напишу отчество, то он там, на небе, точно себя не узнает и никто из хлопцев, дружков его, не вернувшихся с войны, не узнает и не поймёт, что это за Василий Иванович такой идёт в Бессмертном полку на парад.
- А мне всё-таки кажется, что не годится человеку без отчества, не поддержала я старушку.
- Ну, хорошо. Написала бы я Сиволобов Василий Иванович, а все наши спросят: «Кто это такой?» Пойми ж ты, что его при жизни никогда по имени-отчеству не называли. А так сразу всё ясно Сиволобов Вася, Вася-Василёк из Яблоневки, и ни с кем его уже не перепутаешь. Это пока человек на земле, ему фамилия, имя, отчество и много чего ещё нужно, добавила она. А на небесах уже неважно, как тебя звали, важно, каким знали.

Старушка положила табличку себе на колени, погладила письмо рукой и продолжила:

— А Лялька — это я. Вася меня так называл. Раньше у нас в деревне всех кукол ляльками звали. А я маленькая кудрявая была, прямо как кукла. Ох, и любил он меня! Мама говорила, с ма-

лочку на руках носил. Забавлял. Отца тогда уже не было, он перед самой войной на лесозаготовках погиб. Я мало что из детства помню, а вот то, как Вася забавлялся со мной, навсегда отпечаталось в памяти. Сядет, бывало, на табуретку, ногу на ногу закинет, валенок наденет на ту ногу, что сверху, чтобы мне не мулко сидеть было, и — «гу-та-та, гу-та-та, чёрна лапка у кота, у кошечки бела, сметанку поела» — подкидывает меня вверх. И мне казалось, так высоко я взлетаю, и так весело мне было... Я, может, ещё чего из довоенного времени вспомнила бы, да всё тяготами оккупации перебивается... Дом наш разбомбили. Немцы пришли... Грабить, убивать стали. Бабушка за корову вступилась... Не хотела её им под нож отдавать. Убили бабушку... Корову зарезали... Много чего ещё было такого, что забыть хотелось бы, а оно всё помнится... Да... А Настёна — это невеста Васечкина. Хотя и невеститься-то ей особо некогда было. Молоденькая совсем была, школу только успела закончить. Угнали её немцы в Германию. Не вернулась она. Пропала без вести. Красивая была, коса русая, длинная. Много молодых тогда из нашей деревни угнали... старушка замолчала.

«Трам-та-та-там, трам-та-та-там!» — мимо нас строевым шагом проследовал небольшой школьный оркестр.

- Давайте познакомимся. Как вас зовут? спросила я старушку. И в самом деле, не Лялькой же мне её называть.
 - Мария Ивановна. Совсем я вас заговорила, смутилась она.
- Ничего страшного. Меня Анна зовут. Я тут с детьми и с внуком. А у вас есть дети? спросила я.
- Есть. Сын у меня есть, и внуков двое, и правнуков трое. Все в Сибири живут. Сын служил там, там и остался. Приезжают каждый год, помогают мне. К себе зовут. А я не еду. Как говорится, от добра добра не ищут. Нам в этом году почти в каждый дом водопровод провели. Теперь я, как барыня, живу: колонка прямо во дворе, а если баню топлю, шланг протягиваю. А тут ещё и газ обещают подвесть. Другие старики деньги копят на подключение, а мне и копить не надо: сын за всё заплатит, она улыбнулась, и плохо замаскированная гордость промелькнула в её простодушной улыбке. Не могу я уехать, уже серьёзно продолжила она, и дед мой тут, и бабушка, и мать, и отец, и муж, и Васенька опять же.

- Мария Ивановна, так тяжело одной, наверное? А Бессмертный полк, он сейчас почти в каждом городе на парад выходит.
- Не, детка моя, не, не вговаривай. Это всё не то. Дом он и есть дом. Малая родина. Где родился там и сгодился, не зря так говорят, она надолго замолчала.

Я подумала, что ноги мои уже отдохнули, что пора домой, но было неловко уйти, оставив человека один на один с тяжелыми воспоминаниями. Я подыскивала нужные слова для прощания, они не находились, и тут Мария Ивановна встала и протянула мне древко с письмом.

- Подержи минутку, она достала из сумки упаковку таблеток и бутылку с водой. Выпила две.
 - Вам плохо? спросила я её.
- Нет, не беспокойся, это вот ему будет плохо, если я умру, она кивнула головой в сторону письма Василия. «Заговаривается, что ли? Жалко, такая приятная и на вид здравомыслящая старушка», подумала я, удерживая вместе два древка.
- Сердце у меня больное, истрёпанное. Трепыхается без всякого порядка, аритмия, врач так сказал... Умру я скоро. Пора мне уже. Только Вася-то как тут без меня будет? Ему-то ещё на парады ходить да ходить, она вздохнула.
- Детям поручите, они его в Сибири на парад с собой брать будут, — сказала я и посмотрела на Васино письмо.
- Да как же ты не поймёшь, что тутошний он? Что не хочет он в Сибирь!

Последние слова она произнесла так громко, что проходящий мимо нас молодой мужчина оглянулся.

— Прости ты меня, старую, ради Бога, — смущённо попросила Мария Ивановна, — просьба у меня к тебе есть. Вижу, человек ты хороший... Нагрузить тебя своими проблемами хочу... Прошу тебя, Христа ради, забери ты моего брата Васю к себе! Ты же дедушку своего возьмёшь в следующем году на парад? Так и Васеньку моего заодно прихватишь. А ему то уж как важно на семьдесят лет Победы на параде побывать! Смотри, тут и палочка лёгкая, и табличка аккуратная. И хранить просто — свяжешь верёвочкой два древка вместе и в уголок поставишь.

Только в сухое поставь, ну, чтоб там плесень какая... сырость ... не попортилось чтоб... — старушка так разволновалась, что на щеках у неё появились красные пятна, а в руках задрожал пакет.

- Не волнуйтесь вы так, успокоила я её, мне не трудно, я возьму. А сами-то вы в следующем году на парад не пойдёте, что ли?
- Как не пойду? Пойду! Буду жива, то и на следующий год девятого мая приеду в город, на парад. Там и сыщемся, а нет, так подходи к этой лавочке, я после парада тут сидеть буду. Всё, подытожила она, идти мне надо: автобус скоро.

Часто смаргивая подступившие к глазам слёзы, она отдала мне одно-единственное, старательно увековеченное в мастерской по ламинированию письмо брата и пошла в сторону парковых ворот.

И вот, как мы и договаривались, после парада, я сижу на знакомой лавочке и жду Марию Ивановну. Уже несколько раз успела я перебрать в голове нашу прошлогоднюю беседу, а её всё нет и нет. Мне стало грустно, не хотелось думать о самом худшем. И тут, прерывая мои невесёлые раздумья, из соседней аллеи выбежала девчушка лет пяти-шести. Как неугомонный, резвый кузнечик, вприпрыжку и с подскоками, подлетела она ко мне и уселась рядом на лавочку. Уселась — это не то слово, потому что просто сидеть она не могла. Она крутилась, вертелась, и в конце концов добилась того, что я перестала высматривать Марию Ивановну и сосредоточила своё внимание на ней. Вот она расстегнула верхнюю пуговицу плащика и попыталась просунуть что-то в освободившуюся петельку. Гладкая, блестящая ткань выскальзывала из её пальчиков, девочка сопела, пыхтела, затем сорвалась с места и побежала к кустам сирени. Оттуда она вернулась с очищенной от коры и молодых листьев небольшой веточкой и с её помощью стала просовывать в петельку плаща полосатую желто-чёрную ленточку. «Ишь ты, какая хитромудрая! Быстро сориентировалась — нашла подручное средство», — подумала я и улыбнулась. Девочка тоже улыбнулась, она уже успела завязать ленточку на узел и была вполне довольна собой. Чего нельзя было сказать о её матери.

- Лялька! Сколько раз тебе говорить не убегай далеко, около нас остановилась молодая женщина с коляской.
- Я недалеко. Мам, смотри! У меня, как у папы! Это я сама завязала, она продемонстрировала матери завязанную узлом георгиевскую ленточку.
 - Молодец, похвалила девочку мать.
- Мам, мне жарко. Можно я сниму шапку? не дожидаясь ответа, она сдернула с головы вязаную шапочку и по её плечам рассыпались светлые, блестящие, туго завитые колечки волос.

«Кукла, ни дать ни взять живая кукла», — подумала я.

Мать ещё что-то говорила дочери, та отвечала ей, но я уже ничего не слышала. Я вдруг поняла, что Мария Ивановна, довоенная девочка Лялька скорее всего не придёт. Я взяла фотографию деда, письмо Васи и уже хотела идти домой, а потом передумала. Решила — посижу ещё полчасика, подожду — вдруг она задержалась где-то.

Живёт в Брянске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Член Международного союза Писателей и Мастеров Искисств. Поэт, прозаик, публицист. Произведения публиковались, в основном, в брянских альманахах, сборниках и в периодической печати. В Германии в один из литератирных сборников вошёл рассказ «Лесная легенда». Автор текстов песен. Начинающий автор фантастике. Готовится к выпуску первая книга цикла «Соперники Антихриста».

Валентина Анатольевна НИКИТИНА

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЙ ОРЁЛ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПЕТУХ-ОХРАННИК

Жили-были мальчик Санька с мамой в общежитии. Комната маленькая, места мало, а мальчик любил животных и постоянно просил завести какую-нибудь живность. То котёнка попросит, то птичку, то хомячка...

Однажды он вымолил маму купить пять цыплят. Какое-то время держал их в картонной коробке, возился с ними, пока они не

стали выпархивать из коробки и носиться по всей комнате. Пришлось их к бабушке в деревню отвезти.

Та ругалась: «Зачем приволокли? Наши цыплята уже большие, клуша этих не примет, а одни они передохнут, или кошки растаскают!»

Но вся пятёрка дожила до осени. Все оказались петушками и четверо попали в суп, а пятого оставили командиром над курятником.

Бабушка не знала: то ли смеяться, то ли злиться. «Что-то вы всё приво́зите диких каких-то! Сестрица твоя из Москвы котика красивого, пушистенького привезла, так он тоже никому прохода не давал — территорию себе отвоёвывал. За яблоком в садике было не нагнуться...

Как-то ребята соседские хотели вишни у нас воровать. Я вышла во двор. Ночь, тишина. И вдруг слышу у забора: «Пошли отсюда! Тут кот какой-то бешеный!»

Это же надо: что кот, что петух, а ведут себя, как сторожевые собаки! Уж больно у этого петушка оказался боевой характер! Он не пускал на свою территорию не только чужих кур, но и деревенских жителей, пытавшихся войти во двор. Набрасывался на них и пребольно клевался.

Больше того, не узнавал и бабушку с дедом, когда они одевались нарядно, и злобно гнал их со двора, как чужаков.

живой уголок

Дольше всех у Саньки с мамой жил в большой стеклянной банке хомячок Хомка. Но ему в банке тоже было одному скучно.

Однажды шёл мальчик с мамой возле парка, а к асфальту прижался весь чумазый и исхудавший хомячок с белой шубкой. Люди окликнули Саньку:

— Мальчик, смотри — этот малыш, наверное, потерялся! Тебе хомячок не нужен?

А как же! Саньке он, конечно же, нужен! Ему всех животных нужно. Вот он и принёс белого хомячка домой.

Но в одной банке новый сосед с Хомкой не ужились — драться стали. Вот и сидели они после этого в отдельных «домиках».

А когда Санька с мамой собрались ехать в отпуск в санаторий, пришлось думать: кому хомячков доверить?

И решил мальчик отдать своих питомцев в детский садик на время. Там для них устроили «живой уголок».

Дети были рады, и Санька доволен. Рассказал друзьям, что любят кушать его хомячки, как за ними ухаживать...

Когда они с мамой вернулись из отпуска, то их ждали новости. Оказалось, что белый хомячок был девочкой. И пока хозяин отдыхал, у Белочки, как дети назвали белую подружку Хомки, родились малыши.

Воспитатели новых хомячков раздарили детям.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛУХ

Однажды перед Новым Годом шёл Санька с мамой на рынок, и видят они: перед рынком птицелов певчих птиц продаёт — чижиков и щеглов. Сын буквально повис у неё на руке.

— Ну, мама! — страдальчески глядя ей в глаза, взмолился он. — Мама, не надо мне на Новый Год никаких других подарков дарить, купи мне только одну маленькую птичку!

Подумала мама, подумала, посоветовалась с птицеловом и купила сыну чижика, прямо с маленькой клеткой.

Принесли чижика домой. Кормили его специальным птичьим кормом, пшено сыпали в кормушку, водичку наливали, клетку чистили...

А чижик лапами и клювом раздвигает проволочные прутья клетки, чтобы вырваться из неё и полетать на свободе.

А поймать его после этого можно было только ночью в темноте, потому что в темноте чижик не летает. Заприметят они, где он сел, свет выключат, подберутся к нему потихоньку и возьмут его в руку...

А чижик не пищит даже, а так биться, стонать и хрипеть начинает, как будто его душат и он предсмертным хрипом исходит! Хоть и понимали Санька с мамой, что он притворяется, но жалко его было — просто жуть!

Днём чижик песни пел. Музыка ли зазвучит, или в телевизоре передача музыкальная, он подпевать начинает.

Санька в то время уже в музыкальной школе учился. Сядет он за баян домашний урок учить, чижик ему под баян песенки поёт.

Санька ошибётся, ноты перепутает, да как начнёт вспоминая мелодию, пиликать немузыкально, а чижик на него злится, что песенку испортил, да как примется на мальчишку ругаться: «Три-ти-ти-ти-ти-ти-ти» Да возмущённо так!

Мама говорит сыну:

— Смотри, как чижик на тебя ругается за то, что неправильно играешь! У него слух тонкий, музыкальный — не мучай птичку, играй красиво!

Рассмеётся Санька и начинает играть правильно, чтобы чижик не расстраивался.

ЧИЖИК-КАРАТИСТ

Вы слышали, как люди говорят: «Птички божии по утрам песни поют! Благодать...» Слышали?

А теперь представьте, что зимой утром в вашей комнате ещё темно, очень спать хочется, а в этой темноте начинает орать «птичка божия»:

«Чижик! Чижик! Чижик! Три-ти-ти-ти-ти-ти!»

Видно, своих, чижиков, зовёт. Возникало такое чувство, будто его звонкие крики мозг иголкой пронзают.

Мама Санькина и простынкой клетку накрывала, и одеялом... Он и сквозь одеяло чуял — утро! И начинал своих собратьев созывать — видимо, на воле он был вожаком своей стаи.

Однажды Санькина мама придумала: взяла старый пустой чайник, постелила на дно кусочек мохнатой шубки, вынула птичку из клетки, в чайник засунула и крышкой накрыла.

«Через носик чайника воздух поступает, а в самом чайнике темно. Может, он ещё немного поспит и нам поспать даст! — подумала она и улеглась досыпать.

Сквозь сон слышит: птичка в чайнике постанывает и хрипит так, как при ловле её в темноте хрипела — хрипом «предсмертным»!

— Ой-ой-ой! — всполошилась она. — Он там, наверное, ниткой горлышко обмотнул и задыхается! Задушит себя, бедняжка!

Хотела руку в чайник засунуть, приподняла слегка крышку, а чижик как выпорхнет оттуда, да как заорёт:

— Ки-йя!

Женщина упала на кровать, да как начала хохотать:

— Ну, герой! Ну, «каратист»! Обманул меня, обхитрил!

ПТИЧЬЯ КАША

Кормили чижика обычно мелким птичьим кормом, а как-то раз кинули варёного риса. Он быстренько тот рис поклевал. В другой раз хозяйка, не подумав, бросила ему в кормушку сырого риса. Забыла, что он крупноват для такой маленькой птички. Но глядит: в кормушке и этого риса нет. Удивилась она, что он и такие крупные зёрна склевал, но тут же забыла.

На другое утро видит: чижик в поилку с водой с головой ныряет, встряхивается и снова ныряет. Всё вокруг забрызгал.

«Первый раз вижу, что он купается. Поилка-то для купания маленькая больно. Может ему блюдце с водой поставить, чтобы удобней было?»

Сняла поилку, чтобы воды долить, глядит, а в ней рис размокший.

— Так ты рис из кормушки в воду перетаскал, чтобы размочить? Вот я растяпа — риса-то варёного дать надо было! Прости! И как ты додумался его размочить? Если бы ты умел огонь разводить, то, наверное, и кашу бы рисовую сварил?

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ОРЁЛ

Замучились они с Санькой выправлять прутья у клетки. Этот «каратист» раздвигает их лапами и наружу выбраться старается. Понятно, что он не домашний, а дикий пойманный птицеловом, потому и воспринимал клетку не как собственное жилище, а как плен и тюрьму.

Такая любовь к свободе вызывала уважение, но выпустить его среди зимы в городе хозяйка не решалась. А вдруг погибнет?

Посоветовалась с соседками: что делать, чтобы птичка успокоилась?

— А ты ему зеркальце повесь, он скучает в одиночестве, — посоветовала одна. — А так он будет чирикать с отражением и успокоится.

Сделала женщина, как подсказали: повесила круглое женское зеркальце снаружи клетки.

А вечером пришла с работы, а зеркальце всё грязное, заляпанное чем-то так, что из него ничего не видно. А прутья клетки опять раскурочены, только теперь уже напротив зеркала. И чижик на свободе — по комнате порхает.

Птаха поймали, прутья поправили, как смогли, и зеркальце вымыли...

И глядят Санька с мамой: он в клюве пищу из кормушки таскает и «кормит» своё отражение. В минуту всё зеркальце загваздал и стал прутья раздвигать для того, чтобы к зазеркальному «приятелю» прорваться. Через несколько минут он снова вырвался на свободу!

Выключила мама свет. Санька, приметив, где сидел его крылатый приятель, потихоньку подобрался к нему в темноте и осторожно взял его в руки. Держит его ладошкой — а он крохотный, весь в руке помещается, только головка его с взъерошенными перьями торчит. Выражение у птаха со взглядом суровым, насупленное, непокорённое!

- Ну, ты прямо не чижик, а орёл какой-то! сказал Санька. Злишься на меня? Ничего, не обижайся! Погостишь у меня зиму, а весной мы тебя выпустим на волю. Ищи своих родных, заводи птенчиков. Ведь ты у нас действительно вольный орёл!
- Да, с таким характером и людей редко встретишь! подтвердила мама. И если есть у нас, у людей такие, то это вожаки и настоящие герои.

Весной, на православный праздник Благовещенья, Санька отнёс клетку с погнутыми прутьями в храм иконы Тихвинской Божией Матери и вместе с другими детьми воскресной школы выпустил чижика-вожака на волю.

Родился а 1939 году а селе Ново-Покровка, Фрунзенской обла-Киргизской ССР. После окончания Ташкентского электротехнического института связи служилв Военно-Морском флоте. Неоднократно ходил в дальние морские походы. В дальнейшем проходил службу в органах безопасности. За достигнутые успехи был награждён государственными наградами. Член Международного союза писателей и мастеров искусств. Член Союза писателей России. Автор шести стихотворных Прозаик. Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья», дипломант литературного конкурса короткого романтического рассказа «Дама с собачкой»

Пенсионер. Подполковник в отставке. Живёт в Брянске.

Анатолий Семёнович ОСТРОУХОВ

МАТЬ-ЧЕРЁМУХА

ето выдалось жаркое. Ярко светило солнце, щебетали птицы — благодать, да и только. Самое время замахнуться на серьёзные дела по хозяйству в доме.

«Может, в этом году всё же удастся отремонтировать колодец?» — неуверенно размышлял Анатолий, выйдя утром на площадку за домом размять косточки. Это он делал ежедневно, несмотря на то, что они у него и не болели, хотя было ему уже за пятьдесят.

Да и откуда было взяться уверенным мыслям в его голове: летняя напряжённая страда в колхозе, где он работал шофёром, отнимала почти всё светлое время суток. Уходить из дома приходилось чуть свет, а возвращаться поздно вечером...

Он давно «зуб точил» на замену прогнивших брёвен в колодце, но сомнения крепко сжимали и это его желание, не давая развиться.

«С такой работой разве можно затевать что-то серьёзное? Развалить — недолго, а когда делать?» — думал он.

Зайдя в дом, наскоро позавтракал, что собрала мать, и решил:

«Если Люба с мужем приедут на этот год, поговорю с Колей».

Николай — муж сестры Любы — был парень мастеровой, как говорится, на все руки. Приезжая в гости, он никогда не сидел без работы: всё что-нибудь да делает. В позапрошлом году перекрыл кровлю над хозяйственной частью дома. В прошлом — поправил крыльцо и помог с покосом.

А когда, спустя три дня, позвонила сестра и сказала, что они уже взяли билеты, Анатолий и вовсе воспрянул духом.

Прошло два дня, как приехали гости. Анатолий выжидал, давая возможность городским отдохнуть с дороги. Да и не знал он, как начать разговор о колодце — уж больно трудоёмкое это дело. Стеснялся, что ли.

Надоумил и подтолкнул к этому разговору сам Николай.

— Ну, что в этом году будем делать? — спросил он за вечерним чаем.

Толя искренне обрадовался вопросу. Улыбка окрасила его лицо.

- А ты сможешь, Коля, сруб для колодца сделать? вопросом на вопрос ответил Анатолий.
 - Было бы из чего делать.

Анатолий и вовсе расцвёл — гора с плеч.

Так и порешили: Анатолий привезёт напиленного по размеру берёзового кругляка, Николай сделает сруб, а уж потом позовут из соседней деревни дядю Васю, который считался лучшим мастером колодезных дел во всей округе.

Через неделю сруб был готов. Три его части, как невысокие маленькие домики, красовались белизной обтёсанных брёвен на пло-

щадке за хозяйственными постройками. Каждое брёвнышко пронумеровано, обозначено и по стороне, и по месту — знай клади.

Анатолий поехал к мастеру, но вернулся ни с чем. Дяди Васи дома не оказалось. Ездил он ещё пару раз, но и эти поездки ничего не дали.

Толя начал волноваться, ведь он знал, что Николаю скоро уезжать — отпуск заканчивается, а тут такой казус. Мог ли он предположить, что Василий Степанович настолько загружен работой.

- Да, не ожидал я, сокрушался он, вернувшись в очередной раз, так и не встретившись с мастером. Подумал и добавил: Может, мы сами?..
 - Да ты что, Толя?! Я даже не видел, как это делается.
 - Ладно, завтра в обеденный перерыв ещё съезжу.

Вернулся Анатолий радостный. Прямо с порога во весь голос объявил:

- Завтра утром приедет коряк. Кое-как уговорил... Говорю ему, что сруб готов и помощник хороший, но скоро должен уезжать... Только тогда согласился...
 - Какой коряк? не понял Николай.
- Василий Степанович. Он коряк, пояснил Анатолий и рассказал всю его историю. В незапамятные времена его отец и мать приехали в эти края, да так и осели здесь. Давно умерли родители. Братья и сёстры Василия вернулись на Камчатку, а сам он прикипел к Вятке, женился на русской девушке, стал хорошим печником и мастером колодезных дел. Его уважали, слыл он добрым и отзывчивым человеком. За глаза все его называли просто: «коряк», а обращались Василий Степанович, либо дядя Вася.

На радостях даже выпили за ужином по рюмочке ...

Николай проснулся рано. В комнате стоял приятный дух свежеиспечённого хлеба. Понял: у Валентины Михайловны сегодня пекарный день. Очень нравилось ему тёщино печево, особенно ватрушки с картошкой. Люба дома тоже пекла, но... Что значит русская печь! Всё в ней приобретает неповторимый вкус и аромат...

Ещё не было восьми, когда в ворота постучали. Анатолий только-только закончил бриться. Наспех вытерев лицо, пошёл открывать калитку. — О, дядь Вась, здравствуй!.. — послышался его громкий голос со двора.

Потом говорил мастер, но Коля не разобрал слов.

- Да, я сегодня буду дома, только съезжу, предупрежу начальство, снова говорил Толя, и Николай догадался, о чём спрашивал «коряк».
- Вот твой помощник, дядь Вась. Коля, муж моей сестры, сказал Анатолий, когда они зашли в хату, знакомься.
 - Василий я, Степаныч, представился тот.

Пожимая руку мастера, Николай ощутил её грубую, мозолистую ладонь.

На вид дяде Васе было лет семьдесят. Он был худощав, среднего роста, немного сутулился.

Валентина Михайловна накрывала на стол. Люба помогала ей.

- Проходи, дядь Вась, позавтракаем, пригласил Анатолий.
- Как не поисть. Переж большого дела надобно, мать-черёмуха. Такой дух идёть, сытый буш сызнова схочешь.

Николай сразу обратил внимание на вятский говор дяди Васи. Мужчины сели за стол. Дядя Вася ел с аппетитом. Он успевал и жевать, и говорить.

Рассказывая короткие байки, он смеялся, обнажая редкие пожелтевшие от табачного дыма зубы.

Николай улыбался, слыша это забавное выражение Василия Степановича — «мать-черёмуха». Оно повторялось так часто, и ему казалось, что без него дядя Вася не может и говорить. Произносимое с вятским акцентом, всегда к месту, кстати, в самых интригующих местах рассказа, оно делало повествование живым и весёлым. Сказав «мать-черёмуха», он каждый раз на мгновение умолкал, и складывалось впечатление, что Василий Степанович делает паузу для того, чтобы слушатели успели насладиться мелодичностью этих слов. Всё выглядело органично и естественно — не на публику.

— Ну, благодарствую, хозяйка. Пора и за дело, — сказал дядя Вася, вставая из-за стола. — Только курну да гляну, что вы тут приладили. Пойдём, Коля, покажь.

Николай проводил мастера за дом. Анатолий шёл следом за ними.

- Что ж, благо вышло, мать-черёмуха, преобразился дядя Вася, увидев новенький сруб. В его глазах мелькнул огонёк. С запасом делал?
- Да, ответил Коля, почувствовав, что у Василия Степановича заговорил профессиональный интерес. Видно, привык сам готовить срубы, когда брался за ремонт колодцев.

Затянувшись сигаретой, мастер спросил:

— Скобелем обдирал?..

Услышав новое слово, Николай лишь по смыслу догадался, о чём речь и ответил:

- Нет, топором...
- Ну, молодцом!.. Пошли, Анатолий, покажь колодезь. Лалы нам некодна вести. Надобно днесь успеть, у меня назавтра много дел, мать-черёмуха, сказал дядя Вася. Помолчав, он стал объяснять, что нужно ещё сделать, прежде чем приступать к разбору старого колодца.

Анатолий и Василий Степанович ушли под навес.

«Вот это обучение, мать-черёмуха. Всё предельно ясно», — улыбаясь, подумал Николай и принялся за выполнение поставленной задачи.

Когда Толя и дядя Вася вернулись, у него и настил, и грядки были уже готовы.

— Путём, Коля, путём. Ну и подмастерье, мать-черёмуха! Пойду робу надену, приседу возьму, струмент, да начнём. Ты, Толь, пока не уходи, вместе с Колей меня опустите. Я всё внутри погляжу и грядки поставлю, а уж тогда...

Сделав нужные измерения, дядя Вася весело подмигнул Николаю, как будто хотел сказать: «Доверяй, но и проверяй», привязал приседу к верёвке, пристегнул страховочный карабин, встал на край сруба и скомандовал:

- Ну, поехали, мать-черёмуха!
- А это что, дядь Вась, спросил Анатолий, показывая на брезентовую сумку, висевшую на правом боку мастера.
- Што-што, против газа. Почую, надену. Колодезь-то у тебя глубокий, мать-черёмуха.
- Ладно, я съезжу на работу, колдуйте здесь, я быстро, бросил Анатолий.

Колодец у Анатолия был в самом деле очень глубокий. Опускаясь всё ниже и ниже, Василий Степанович проверял прочность брёвен старого сруба и определил, до какого места нужно их менять. Из чрева колодца периодически доносились утробные звуки его команд на строительный манер: то «майна», то «вира». Отдавал он их громко, с гордостью, может быть, немного важничая. Казалось, именно во время нахождения в колодце он полностью осознавал, что лучшего мастера, чем он, во всей округе не сыскать. И Николай понял, что дядя Вася по-настоящему влюблён в своё дело, которому посвятил себя и занимался, наверное, всю жизнь. Теперь, когда он увидел всё, что делал Василий Степанович, то был изрядно удивлён относительной простотой замены брёвен колодца, хотя и понимал: главное — впереди, что извлекать старые брёвна, которые пролежали длительное время, будет сложно.

— Самый труд — вывихнуть первое бревно. Уберём только тлен, — громко объявлял дядя Вася из колодца, чувствуя, как пристально наблюдает за ним Николай...

После возвращения Анатолия дело пошло быстрее. Когда вся прогнившая часть старого сруба была выброшена наружу, Николай с Анатолием только успевали подносить и опускать новенькие брёвна.

На предложение хозяина дома сделать обеденный перерыв дядя Вася ответил:

— Уж осталось-то, мать-черёмуха. До верхов дойдём — тогда. Наверно, поставишь, мать-черёмуха... — дядя Вася изобразил известный жест, щёлкнув себя указательным пальцем под правой скулой, — после энтого дела, я уже не работаю. И во время работы — ни-ни.

Вот уже над верхним краем колодца показалась голова мастера, затем и плечи. Работа вовсе заспорилась, так как Анатолий с Николаем теперь помогали дяде Васе и в укладке брёвен.

— Ну, сыпь землю во все щели... И трамбуй со всех сторон, а после можно будет убирать наст, грядки и умывать руки, — вздохнул с облегчением Василий Степанович, когда сруб стал выше уровня земли на один ряд брёвен.

Оказавшись наверху, дядя Вася отцепил карабин и отвязал приседу. Потом заглянул в колодец и оценивающе осмотрел все его стороны. Присел в сторонке на маленький стульчик и закурил.

- Ещё один есть, мать-черёмуха!.. с гордостью промолвил он, видимо, довольный результатами работы. Выпустив дым после первой глубокой затяжки, добавил: Остальное сами... Итак, считай, без очерёдки ладил, мать-черёмуха. Да и ты, Толь, пристал: подмастерье хороший... Скоро уедет... Скажу честно, без срубу не взялся бы ни за какие деньги...
 - А что, плохой подмастерье? не сдержался Анатолий.
 - Ничего не скажу, молодцом... С понятием.
 - А сколько же я тебе должен? спросил хозяин дома.
 - Скока-скока!.. Делаю во благо, мать-черёмуха!
 - Да ты не сердись, дядь Вась, я ж расценок-то не знаю.
- Какие тебе расценки, мать-черёмуха? Лажу, чтоб людей не соромиться, вот и весь расценок, мать-черёмуха.
- Спасибо, дядь Вась, мой руки, да пойдём обедать, а то уж желудок подвело. Мать два раза звала, проговорил Анатолий, так и не поняв, как же ему рассчитываться с мастером...

За обедом, после выпитой водки дядя Вася немного захмелел. Он был весел, ещё больше разговорился. Чувство исполненного долга переполняло его. Он искренне радовался тому, что помогает людям и нужен им. Теперь его любимое «мать-черёмуха» повторялось чаще обычного, почти после каждого слова.

- Дядь Вась, сто пятьдесят хватит? возобновил разговор об оплате Анатолий.
- На што мне твои сотни?.. Што я на братчину работаю? Сам себе голова. Пятьдесят хватит...
- Степаныч, я тут медку да вареньица, ватрушек собрала... Возьми, хлопотливо вмешалась в разговор мужчин Валентина Михайловна.
- Эт другой коленкор, мать-черёмуха. Эт можно. Благодарствую, ответил тот.

Хозяйка обрадовалась своей находчивости и пошла в кладовку за приготовленной сумкой.

Уходя, Василий Степанович сказал:

— Пошли, Толь, попьём водички из нового колодца. Муть, должно, уж осела. Я кажон раз сымаю пробу, мать-черёмуха.

Провожая вместе с Анатолием дядю Васю за ворота, Николай сказал:

- Спасибо вам, Василий Степанович, за науку. Рад был познакомиться. Теперь и я знаю, как нужно ремонтировать колодцы. Не забуду ни вас, ни вашу «мать-черёмуху». Обязательно напишу рассказ, который так и назову: «Мать-черёмуха».
 - Ишь ты!.. Писака, никак?

Николай улыбнулся и поинтересовался:

— А откуда она появилась, эта ваша «мать-черёмуха»?

Дядя Вася присел на скамейку, снова закурил и рассказал ещё одну историю о том, как его родители приехали в Вятские края, как любил отец плотничать и у него всегда ладилось дело. Потом отец пошёл на войну бить фашистов. Вернулся с фронта без правой ноги, которую ему отняли почти до колена из-за тяжёлого ранения. Заканчивая рассказ, Василий Степанович на минуту задумался, затянулся табачным дымом и продолжил:

— «Мать-черёмуха» — это у отца приговорка такая была. Он кажон раз выговаривал её, когда работал или рассказывал мужикам о войне, почему не уберёгся и стал одноногим. Да всегда в голос, со смаком. А я пацаном тогда был и повторял за ним: «мать-черёмуха», «мать-черёмуха». Так и привык.

Он помолчал и добавил:

— Видишь, как получилось: умение мне своё плотницкое передал и слово в придачу. Без него никак нельзя — отцовское.

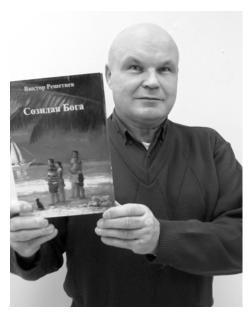
«Вот, оказывается, какая интересная «мать-черёмуха», получается», — подумал Николай, прощаясь с дядей Васей — мастером колодезных дел.

Родился в городе Почепе Брянской области в 1959 году.

В 1981 году окончил Брянинститут трансский портного машиностроения. На протяжении десяти лет трудился на Крайнем Севере, строил газопроводы. Долгое время Виктор Решетнёв предпринимаработал в тельской сфере, занимался одновременно спортом, и к своеми пятидесятилетию аттестовался на чёрный пояс по каратэ Вадо-рю. Продолжает это благое дело он и по сей день.

В короткие минуты отдыха вёл дневник, куда запимысли. навеянные сывал местными красотами. По возвращении на Большую землю эти воспоминания. сдобренные значительной долей философских размышлений, превратились в книгу «Ирреальный Мир», которая вышла в свет в 1994 году. Позднее (после вынужденного многолетнего перерыва) им была написана книга «Созидая Бога», за которую в 2017 году он был принят в Союз писателей России. В настоящее время Виктор Решетнёв продолжает свою творческую деятельность.

Виктор Сергеевич РЕШЕТНЁВ

3BOHOK

Говорят, что там лучше, чем здесь, но оттуда пока ещё никто не звонил...

> Реплика из телепередачи

егодня я катался на лыжах. Давно уже я этого не делал, лет пять, наверное. Но этой зимой снега навалило, как в былые времена, и я не удержался, достал из кладовой мои старенькие лыжи, натёр их мазью и решил вспомнить молодость. Прислонив их к стене в прихожей, чтобы они получше пропитались, я пошёл к окну и посмотрел, как там дела обстоят на улице. Тусклое январское солнце, едва показавшись из-за горизонта, рассыпало серебро на верхушки метровых сугробов. Их намело за одну ночь, они были пушистыми и совершенно нетронутыми.

— Красотища, — обрадовался я и, сгорая от нетерпения, побежал обратно в прихожую. Мне вдруг захотелось поскорее оказаться на улице, пройтись по нетронутому снегу, протоптать в нём лыжню, а потом ощутить, как белые рассыпчатые комья насыплются мне в ботинки и будут там медленно таять, пощипывая ступни, а мне будет всё равно. Я взберусь на самую высокую горку и стремительно с неё скачусь. Я, конечно же, не упаду, потому что знаю: сегодня всё будет точно так же, как в моём далёком детстве.

Прокручивая в голове нетерпеливые мысли, я натянул цветастый свитер, связанный мне когда-то моей женой, когда мы ещё жили с ней на Крайнем Севере, и тёплое спортивное трико, потом надел лыжные ботинки и вышел на улицу. Машин в этот утренний час почти не было, прохожие, попадавшиеся мне навстречу, были все как один на лыжах. Раскрасневшиеся на морозе их лица сияли улыбками. Я им тоже улыбнулся, затем пристегнул лыжи к ботинкам и покатил в городской парк. Почти с места я набрал при-

личную скорость и, чем дальше бежал, тем легче мне становилось. Потом мне вообще показалось, что это не я качусь, а лыжи сами несут меня. Снег весело повизгивал подо мной, а снежинки, падавшие на моё лицо, не таяли. Они казались тёплыми и мягкими, словно сделанными из пуха.

Как в детстве, — обрадовался я, — тогда тоже не было холодного снега, и даже когда он набивался в рукава по самые локти и обжигал запястья, то и тогда он казался нам тёплым. В парке я сразу наткнулся на Борю Мучкина. Он бежал, скорее, летел по накатанной лыжне коньковым ходом.

Боря мой лучший друг с институтских времён, и мы с ним до сих пор — не разлей вода, но, в отличие от меня, он лыжник со стажем. Ещё в девятом классе он выполнил норматив кандидата в мастера спорта по лыжным гонкам. Любой серьёзный спортсмен знает, что это такое. Одет мой друг был в яркий спортивный костюм с номерком 032 на груди.

— Как на крутой тачке, — подумал я, — на лексусы обычно такие ставят.

Сейчас Боре далеко за полтинник, впрочем, как и мне, а он до сих пор бегает полтинник (такой вот каламбур) и занимает на городских соревнованиях призовые места. Следом за ним осторожно ступал по снегу Саша Рудой, наш одногруппник. С ним мы когдато жили в одной комнате в общежитии и спали на соседних койках. Сколько себя помню, но на лыжи Саша не вставал никогда.

— Чего только под старость не бывает, — удивился я, — кто спивается, а кто спортсменом становится.

Одет мой бывший одногруппник был в цветастый свитер и чёрные треники, в точности, как и я, и как большинство лыжников вокруг.

— Вырядились все сегодня одинаково, словно в былые времена, — подумал я, — один Боря не следует общему примеру, но он и в институте выделялся среди всех. Девчонки из-за этого на него западали.

Поравнявшись со мной, мой лучший друг остановился, пропустив вперёд Сашу Рудого.

Саша поприветствовал нас лыжными палками и продолжил путь, а я подошёл к Боре и поздоровался с ним за руку.

- Привет, дружище, сказал я, странный день сегодня выдался, морозный и тёплый одновременно. Ты без перчаток, я тоже, но мы не мёрзнем, и попадаются сегодня мне навстречу те, кого я уже сто лет не видел. Надо бы почаще выбираться на природу.
- «Мороз и солнце, день чудесный», продекламировал Боря и, взмахнув палками, полетел по лыжне дальше. Через мгновение его яркий силуэт скрылся за деревьями. Пока я вспоминал следующую пушкинскую строку, в кармане моих треников зазвонил телефон.
- Алло? закричал я радостно в трубку, пытаясь сообразить, кому это я понадобился в столь ранний час.
- Привет, Виктор Сергеевич, раздалось у самого моего уха, как поживаешь?
 - Ещё один одногруппник объявился! обрадовался я.

Слышимость была невероятной, и я сразу понял, кто это звонит. Это был Слава Михалёв, наш институтский староста. Когда-то он здорово помог мне. На втором курсе я влюбился в одну девчонку, влюбился без памяти раз и навсегда, как мне тогда казалось. Но она не оценила моих пылких чувств и через полгода меня бросила. А я не смог достойно пережить потерю, начал выпивать и курить, стал пропускать занятия и, как результат, к очередной сессии допущен не был. Встал вопрос о моём отчислении. Вот тут Слава и вмешался.

Сначала он поговорил со мной:

— Что-то ты распустился, Виктор Сергеевич, — строго попенял он мне, величая меня как всегда по имени отчеству. — Жалеешь, наверное, свою персону, обиженным себя считаешь? Ты это дело брось, потакать своим слабостям не лучший выход. Не ты первый, не ты последний. Надо в любых ситуациях оставаться мужиком!

Потом он выступил в мою защиту на факультетском собрании и поручился за меня. Что-то разглядел он тогда во мне такое, чего другие не заметили. Он был постарше нас, поступил в институт после техникума и службы во флоте, а потому руководство факультета прислушалось к его просьбе и назначило мне испытательный срок.

С высоты теперешних лет я понимаю, что, если бы не Слава, институт я вряд ли бы окончил, и как сложилась бы моя дальнейшая судьба — неизвестно. Но мне повезло с моим другом и

наставником. После памятного собрания моя жизнь круто изменилась. По утрам теперь Слава приходил ко мне в комнату и будил меня, а потом сопровождал до самой аудитории. Я старался его не подводить, ходил на лекции, не пропускал лабораторных занятий, записался в секцию бокса и постепенно выправил положение. К лету я сдал все экзамены на «хорошо» и «отлично» и получил стипендию. Роковая любовь со временем забылась и встретилась новая... настоящая.

Так в жизни бывает. Сначала нам кажется, что произошла катастрофа, и изменить ничего нельзя, но проходит время, и лет этак через пять вдруг оказывается, что это была не катастрофа, а большая удача. Она принесла новую любовь, которая затмила все предыдущие и поставила всё на свои места. А трудности, нам посылаемые, оказались для нашей же пользы...

Институт я благополучно окончил и уехал по распределению на Крайний Север, Слава после пятого курса уехал в Москву и осел там. Он многого добился в жизни: построил дом, вырастил двоих детей — сына и дочь, основал фирму, короче, как мужчина реализовался полностью. И жену он нашёл достойную под стать себе — красавицу и умницу, а ещё верного спутника.

Добившись многого, Слава не зазнался. Мы с Борей частенько бывали у него в гостях в его московском доме. Хлебосольство нашего друга и его жены Аллы не знало границ. Накормленные и обогретые, мы всегда допоздна засиживались у них, устроившись где-нибудь на просторном диване и беседуя по душам далеко за полночь. По-прежнему он звонил мне и по-прежнему величал меня уважительно Виктором Сергеевичем, хотя был старше меня на целых шесть лет. Так продолжалось долго, пока однажды связь наша с ним не прервалась. Нет, мы не поругались, и Слава никуда не уехал. Дело в том... что он умер два года назад от рака желудка.

И вот сейчас я снова слышал его голос, совсем рядом, такой живой и знакомый.

- Как ты там? спросил я и запнулся, понимая, куда обращаюсь.
- Тебе ещё рано знать, ответил он, засмеявшись, я вижу, ты на лыжах катаешься, молодец! похвалил он меня, переведя разговор в другое русло.

- А ему оттуда всё видно, подумал я, значит и там есть жизнь. Хорошо, что в последнее время я не делал ничего предосудительного, не врал слишком много и не трескал на ночь...
- Я до сих пор ни до кого не смог дозвониться, между тем посетовал он, только до тебя, не знаешь, почему они не берут трубку?
- Не переживай, успокоил я его, со временем и до других дозвонишься.
- Ты так думаешь? засомневался он, и тут вдруг связь наша с ним прервалась. Я повертел в руках телефон, не решаясь нажать на кнопку вызова, и сунул его обратно в карман.

Следующие два часа я носился по парку, как угорелый, не хуже, чем Боря, но в то же время усталости никакой не чувствовал.

— Может, и мне полтинник попробовать? — самодовольно подумал я. — Два часа ношусь, и хоть бы что.

Но что-то мне подсказывало, что не всё так просто. И этот разговор со Славой, и лёгкий бег, и не тающий на лице снег. Что-то подозрительное происходило в мире.

И тут вдруг телефон зазвонил снова, и снова на связи был Слава.

- Нас прервали, сказал он, и долго не соединяли, а теперь вот разрешили.
- Кто разрешил?! подумал я, неужели этот Кто-то существует?

Пока я раздумывал над этим вопросом, из-за деревьев показался мой бывший одноклассник и сосед по парте Витька Гуреев. Он был на коротеньких детских лыжиках и с бамбуковыми палками в руках.

— Давай сюда! — приказал я ему. — Дело есть...

Когда он поравнялся со мной, я отнял телефон от своего уха и дал послушать ему.

— Может быть, ты что-то поймёшь? — подумал я и в этот момент проснулся.

Было раннее утро, в комнате я был один. Я сразу понял, что всё случившееся — это сон. Славы давно уже нет на этом свете, он умер два года назад, а Витьки Гуреева нет уже лет пятнадцать. Он погиб на атомной подводной лодке. Во сне я этого не понимал, а потому всё для меня было реальным.

Я посмотрел на прикроватный столик, на котором лежал мой сотовый, и взял его в руки.

Вот уже несколько дней, как я ночую дома один, жена остаётся на ночь у своей мамы, которой в последнее время постоянно плохо. Старушке скоро девяносто, три месяца осталось до юбилея, но до него она может не дожить... хотя и очень старается.

На ночь я кладу телефон рядом с собой, чтобы жена не звонила на городской, и мне не пришлось бы ночью вставать и бежать в прихожую. Я посмотрел на экран своего сотового, на котором был обозначен неотвеченный вызов.

— От кого это?— удивился я. — От Славы или от жены? Чтобы развеять сомнения, я нажал на клавишу...

P. S.

Сегодня с утра мы с Борей ходили в баню. В гардеробной ему выдали номерок с цифрами 032. И это уже был не сон...

ГРАНАТ

Из цикла «Фруктово-овощной поток»

ранат — благородный солидный фрукт. Круглый, увесистый, яркий, притягательный и дорогой. Помнится, как однажды в детстве, я тогда учился классе в третьем, в школьный буфет завезли гранаты. Одно название чего стоило. Эти заморские фрукты были дорогими, дороже не только астраханских арбузов, но даже узбекских дынь. Не каждому ученику было по карману полакомиться этим невиданным тогда для нас чудом.

И вот один мальчик из обеспеченной семьи купил себе половинку необыкновенного фрукта и ходил с ней по коридорам на протяжении всех перемен. Половина граната выглядела ещё притягательнее, так как была видна его сердцевина — красно-алая, с глянцевыми маленькими сердечками-зёрнышками.

Мальчик вытаскивал из неё по одному зёрнышку и не спеша отправлял эту светящуюся алость в рот. За ним увязался целый хвост из ребят и девчонок. Все они клянчили у него хотя бы одно зёрнышко, но богатенький мальчик был непреклонен в своей жадности. Он так никого и не угостил до конца уроков.

Я не ходил за ним и ничего не клянчил, наблюдал за всем со стороны, но случай этот почему-то помнится мне до сих пор.

Прошло много лет. Моя жена обожает этот благородный фрукт, а я люблю его чистить. Супруге ни к чему этим заниматься, женские пальчики чернильными становятся и потом долго не отмываются. А мне что, сиди вечерами и ковыряйся во внутренностях граната. Для начала я разделяю его на четыре, а то и на шесть частей и выцарапываю из них прозрачно-алые зёрнышки, похожие на каплю крови на значке донора. Когда-то в институте у меня было целых пять таких значков.

Потом я ссыпаю гранатовые зёрна в небольшую, но глубокую тарелку, зачёрпываю эту алость большой столовой ложкой и отправляю жене в рот. Она жуёт, морщится, причмокивает и смеётся, глядя на меня. В её детстве не было таких жадных мальчиков, поэтому, как говорит один мой друг, она жизни не видела.

— И ладно, — думаю я, — то, что ей не попадались такие мальчики, я этому только рад...

Однажды мы были с ней на отдыхе в Турции в небольшом уютном городке Кемер. Так вот там гранатовые деревья растут прямо на улицах вместо посадок, и на них вызревают здо́ровские гранаты. Но мы их не рвали втихаря, а покупали у торговцев-лоточников. В сезон дождей гранаты падают на землю и разбиваются, а зёрна из них потоками с гор разносятся на большие расстояния, и потом на этих пространствах вырастают новые гранатовые деревья.

Про тот случай с мальчиком из моего детства супруге я пока не рассказывал, может, и не надо...

ГРУША

моего тестя на даче росла Мраморная груша. Росло там ещё несколько яблонь, но грушевое дерево на усадьбе было только одно. В последние годы своей жизни тесть его не обрезал, и от этого дерево стало почти диким, но груши на

нём вырастали очень крупными и были отменного вкуса. Правда, год на год не приходилось, иногда созревал такой урожай, что ветви склонялись до самой земли, но чаще на дереве появлялось не более десятка плодов, которые были почти не видны среди густой зелёной листвы. Когда я бывал на даче один и подолгу рассматривал заскорузлый ствол с пустыми ветвями, в голову мне почему-то всегда приходила мысль о неизбежной старости. Всему в этом мире наступает конец: груша ли ты, человек, или даже камень. Все мы когда-нибудь состаримся, а затем превратимся в прах...

Но в тот год, а это была середина восьмидесятых, все мы были ещё живы и здоровы и достаточно молоды. У меня накопилось два отпуска, и я приехал домой с Крайнего Севера отдыхать на три с половиной месяца. Груши тогда уродились у нас на даче отменные. Мало того, что они вымахали размером с кулак, так они ещё были невероятно сочными. Вообще, мраморные груши отличаются этим качеством. По сравнению с другими сортами, они гораздо сочнее, плюс к тому же они ещё и очень сладкие. Вопьёшься в конусообразный плод зубами, а сок так и брызнет из него во все стороны. Жуёшь и наслаждаешься непревзойдённым вкусом, и губы утираешь, чтобы рот не слипся от сладости. И на одежду посматриваешь, чтобы сок на неё не капнул, а то она тоже может стать липкой.

А ещё эти груши очень долго остаются крепкими, почти до середины сентября. Цвет только меняют на золотисто-зелёный, да ещё покрываются красноватым мраморным румянцем. Отсюда и название. Вкушать их тогда — одно удовольствие. Сочетание крепкости и сочности мне очень нравится: оно придаёт этим грушам дополнительный вкус. По крайней мере, для меня они лучше любых импортных.

В тот памятный день, когда отпуск мой уже подходил к концу, а было это в начале сентября, мы решили с тестем съездить на рыбалку на нашу речку Десну. Пришли на дачу, чтобы накопать червей, стали ковырять землю, и... ничего, ни одного не выкопали. Дело в том, что с прошлой осени мы не завезли в огород навоза, а в неудобренной почве червяки водиться не захотели. К тому же прошедшее лето было слишком засушливым,

правда, это никак не отразилось на урожае груш, а вот на подземных жителей повлияло здорово. Все скользкие твари кудато исчезли.

Покопавшись в сухом грунте и оставшись ни с чем, мы решили пройтись по соседям и разжиться червями у них. Чтобы не ходить с пустыми руками — неудобно как-то, взяли с собой десяток груш, и я положил их в целлофановый пакет. Первым на пути нам попался пожилой мужик в засаленной телогрейке. В таких на моей малой родине щеголяли бывшие полицаи. Мужик этот стоял, опершись на штакетник, и внимательно за нами следил. Тесть сразу обратил внимание на огромную кучу прошлогоднего навоза в его огороде, накрытую сеном. Это чтобы перегной получался получше.

- Угощайтесь, обратился я к мужику и вынул пару груш из целлофанового пакета.
- Тот не спеша, степенно принял мраморные плоды, вытер один из них о штаны и откусил порядочный кусок. На лице его разлилось довольство.
- Чего надо, добрым молодцам? поинтересовался он. Ведь не просто же так вы тут разгуливаете и угощаете всех подряд грушами?
- Собрались вот с зятем на рыбалку, начал вкрадчиво тесть, а червей в огороде нет, высохло всё. А у тебя, глядим, кучка прошлогоднего навоза довольно высокая.
- Это кто же червей со своего огорода отдаёт, произнёс веско мужик, пряча вторую грушу в карман, тогда на нём ничего родить не будет.

Мы с тестем притихли, не зная, что ответить «полицаю» на такое неожиданное заявление. Постояв немного в растерянности и кивнув для приличия головами, мы распростились с ним и, несолоно хлебавши, отправились дальше по дачным соседям. Ходили мы долго, но всё никак не могли найти прошлогоднего навоза. И вот, наконец, удача улыбнулась нам. Обойдя с десяток усадеб, у раскрытой калитки одиннадцатой мы увидели весёлого парня лет тридцати, в огороде которого терриконом возвышалась огромная куча навоза. Вид у этого парня был бравый, глядя на нас, он улыбался.

- Разрешишь червей накопать в твоей куче? напрямик спросил я, засовывая руку в пакет, но ничего пока из него не вытаскивая.
- Отчего же не дать червяков хорошим людям, засмеялся парень, валяйте, копайте.

Я уж было вытащил из пакета очередную пару груш, как вдруг из дачного домика раздался визгливый женский голос. Парня будто по голове чем-то стукнуло, от неожиданности он даже присел.

— Погодите, погодите, — забормотал он, поднимая вверх сразу обе руки и преграждая нам путь, — я совсем забыл: моя тёща сегодня приехала.

Он скривил набок рот и издал губами звук, словно во рту у него появилась оскомина.

— Спрошу лучше у неё разрешения, а то потом хлопот не оберёшься.

Я повременил вытаскивать руку из пакета, кивнул тестю, и мы с нетерпением стали ожидать развязки.

Возвратился парень очень быстро, и мы, честно говоря, порадовались, что вернулся он один.

- Знаете, начал он, переминаясь с ноги на ногу, а червейто я вам не дам. Что хотите, то обо мне и думайте!
- Где-то я уже слышал такую фразу, произнёс я, доставая из пакета две мраморных груши, кажется, в каком-то фильме.

Парень, увидев в моей руке золотисто-зелёные плоды, шарахнулся от меня на целый метр.

— Ты что, издеваешься!? — произнёс он с сарказмом. — Я вас посылаю куда подальше, а вы меня грушами угощать!

Он снова покривил рот и поцокал языком, как бы пытаясь избавиться от оскомины, потом усмехнулся невесело и прибавил:

— Разве что одну отравить немножко да положить на стол. Тёща моя груши любит...

Сейчас я уже не помню, накопали мы в тот день червей, или нет, и поймали потом чего-нибудь на рыбалке или вернулись домой так, но вкус наших мраморных груш мне не забыть до сих пор.

КОТОПЁС И КУКЛА ДАША

Из цикла «Истории с Алисой»

лисе надоело играть со своими старыми игрушками. Они ей стали неинтересны. Гораздо интереснее их разбрасывать, а потом наблюдать, как бабушка ползает по полу и собирает их. Особенно трудно вытаскивать игрушки из-под дивана. Бабушке такое занятие не нравится, она кряхтит и что-то недовольно бубнит себе под нос.

— Давай мы лучше сошьём тебе новые игрушки, — предлагает она Алисе, разглядывая куклу с оторванной ногой, — я буду шить, а ты будешь мне помогать.

Алиса рада. Её бабушка умеет шить...да что там умеет — она шьёт лучше всех. У Алисы уже есть три бабушкиных подушки — большие, настоящие, сшитые бабушкой своими руками из разноцветных лоскутков. Они потом вместе набивали их белой ватой со смешным названием «синтепон».

— Син-тэ-пон, син-тэ-пон, — долго потом кривлялась Алиса, и ей казалось, что это не одно слово, а целых три. И они китайские, но что такое «китайские», она не знала, а потому ей было смешно.

Одна из этих подушек лежала сейчас в Алисиной комнате на самом видном месте. На ней всегда сидел её Чебурашка, вышитый бабушкой из рукава прабабушкиной старой шубы. Это было сделано для её мамы Лены, чтобы та не плакала перед сном, когда мама Лена была такой же маленькой, как Алиса сейчас.

— Тогда с детскими игрушками было туго, — говорила бабушка.

Но что такое — «туго», Алиса не понимала. Она прижималась к бабушкиной руке и тихонько её гладила. Это означало, что она любит свою бабушку.

Две другие подушки, ещё больших размеров, лежали в зале на папином-мамином диване, и папа с мамой всегда садились на них, когда смотрели телевизор.

Теперь настоящую игрушку, такую же, как Чебурашка, и даже лучше, а может, даже две игрушки (Алиса размечталась), бабушка сошьёт лично ей, и Алиса будет бабушке в этом деле помогать.

Алиса знает, что где лежит. Из маминого шкафа она вытаскивает жестяную коробку с разноцветными нитями. В этой коробке не только нити, в ней всякая всячина: пуговицы, мелкие блестящие шарики с дырочками посередине, тоже со смешным названием «бисер», и ещё много чего интересного.

— Неси сюда коробку, — просит бабушка, — ставь её на диван. А теперь попроси у мамы что-нибудь ненужное, из чего мы будем шить.

Мама Лена из того же шкафа вытаскивает старые Алисины рукавички, которые ей уже малы, потом достаёт откуда-то кусок розовой шторы, а из самого дальнего угла шкафа извлекаются два тряпичных слоника: розовый и серый. Алиса кладёт слоников бабушке на колени, и та гладит их рукой. Слоники внутри набиты ватой, они совсем маленькие, чуть больше Алисиной ладошки. Когда-то она играла с ними, но теперь о них совсем забыла.

Бабушка берёт ножницы, и таинство рождения новых игрушек начинается. Слоники распарываются пополам, вместо отрезанного хоботка цветными нитями вышивается ротик, чуть выше него прилаживается носик-бусинка. Алиса изо всех сил старается помогать бабушке. Она отматывает цветные нити с катушек и приказывает ей:

— Режь.

Бабушка безропотно слушается и отрезает нужные куски. Алиса сопит от удовольствия и от усердия одновременно.

Потом у слоников отпарываются ушки. Розовые ушки пришиваются будущему котику, пёсику достаются серые. И вот, наконец, бабушка приставляет котика к пёсику спина к спине и сшивает их вместе. Всё, новая игрушка готова. Называется она КотоПёс. Очень смешное название.

Но это оказывается ещё не всё. Остались ещё Алисины рукавички, связанные длинной верёвочкой, которую мама всегда пропускала сзади в рукава её шубки, чтобы они не потерялись,

и на диване по-прежнему остаётся нетронутым кусок розовой шторы.

Таинство рождения следующей игрушки продолжается. Бабушка кроит рукавички, делая из них туловище, потом разрезает на части верёвочку. Из четырёх частей верёвочки она мастерит ручки и ножки, а остальные кусочки треплет руками, делая из них волосы. Алиса уже понимает, получится кукла. Кукладевочка.

— Назовём её Дашей, — говорит бабушка.

Алиса продолжает сматывать с катушек цветные нити и приказывать бабушке, чтобы та их отрезала. При этом она ещё сильнее сопит и даже кряхтит от удовольствия.

— Ах ты, моя помощница, — хвалит её бабушка, — ты моя кошечка, девочка моя, любименькая. Сейчас мы с тобой сделаем для нашей Дашеньки бальное платьице...

Алиса краснеет от бабушкиной похвалы и в ответ ещё сильнее сжимает её руку.

А какие бабушка печёт блины...

— Би-и, — называет их Алиса. Круглые, румяные, они всегда так вкусно пахнут, когда бабушка снимает их со сковородки и укладывает стопкой на большую тарелку. Алиса вспоминает вчерашний завтрак и непроизвольно глотает слюнки...

Но вот и вторая игрушка готова. Всё лишнее убирается обратно в шкаф. Бабушка немножко устала, и ей хочется чуть-чуть отдохнуть. Она укладывается на диван и сажает рядом с собой Алису. Сейчас начнётся новое таинство — оживление игрушек. Бабушка берёт КотоПёса в одну руку, Дашеньку в другую, и начинает ими водить по своему животу. При этом она приговаривает:

— Топ-топ, топ-топ.

Алиса восхищённо смотрит. Мало того, что она помогала бабушке изготавливать эти игрушки, так они ещё оказались живыми.

— Ещё топ-топ, — просит она бабушку, — ещё топ-топ.

Но у бабушки уже давно слипаются глазки, и она сама потихоньку начинает сопеть.

— Топ-топ, — слышится ей сквозь сон, — топ-топ...

СПРЯТАВШИЕСЯ ИГРУШКИ

осле трудов праведных пелена дрёмы окутывает бабушку, и она засыпает. Ей снится, будто сама она стала маленькой, и уже ей её бабушка шьёт игрушки. Игрушки получаются красивыми, разноцветными, они сами ходят и друг с другом разговаривают. Досмотреть свой сон до конца бабушке не удаётся, она просыпается от звонкого Алисиного крика.

- Бабушка! кричит внучка и настойчиво дёргает её за руку.
- Просыпайся скорее! КотоПёс с куклой Дашей куда-то пропали! Бабушка, ещё окончательно не проснувшаяся, медленно садится на диван и вопросительно смотрит на внучку.
- Ну, что же ты, бабушка, канючит та, просыпайся скорее. Наши игрушки сбежали.
- А ты их хорошо искала? спрашивает бабушка. Может, они опять под диваном спрятались?
- Их там нет, чуть не плачет Алиса, я везде смотрела. Что мы теперь будем делать, милая бабушка?
- Погоди, отвечает бабушка, не волнуйся ты так. Сейчас мы их вместе поищем и обязательно найдём. Ты за шкафом смотрела? спрашивает она.
- Я туда боюсь заглядывать, там паутина, а на ней паук страшный. У него несколько глазок и он так смотрит на меня, будто укусить хочет.
- Ты его не бойся, моя маленькая, успокаивает Алису бабушка, — мы его трогать не будем, и он нас не тронет. Пусть живёт в вашей квартире и денежки вам накапливает.
- Он денежками капливает?— удивляется Алиса. А откуда он ими капливает?
- Оттуда, откуда у него паутина растёт. Он сначала паутину из себя вытаскивает, а потом уже следом денежки появляются, отвечает находчивая бабушка. Ладно, пойдём, поглядим за шкафом, предлагает она внучке.

Алиса берёт бабушку за руку, прижимается к ней, и они идут вместе в мамину комнату поискать за шкафом.

Паучка за ним нет, он куда-то спрятался, наверное, в нишу, которая непонятно как образовалась в стене. Как она там появилась за шкафом — это загадка, ведь раньше её там не было.

— Смотри, бабушка, — тихо шепчет Алиса, — вон там кто-то живёт.

Она тычет пальчиком за шкаф и тут же боязливо отдёргивает руку.

- Видишь, в том проёме деревца растут, а под ними травка зелёная. А вон и наш паучок на кустике качается. Рядом с ним бабочки и стрекозы летают.
- Где, внученька? удивлённо спрашивает бабушка. Я без очков ничего не вижу.
- А там вон зайчики на пеньках пляшут, продолжает свой рассказ Алиса, как же ты не видишь, бабушка. Смотри! вдруг звонко кричит она, КотоПёс и кукла Даша танцуют вон на том пеньке. Видишь, как раздувается её сарафанчик? Но как мы их оттуда достанем? Алиса чуть не плачет.
- Сходи за конфетками, тихо говорит ей бабушка, мы их конфетками приманим. Положим за шкаф две штучки, а к ним верёвочку привяжем. Они схватят конфеты, прижмут их к себе, а мы p-pas! и вытащим проказников оттуда.

Алисе нравится бабушкин план, но всё же она сомневается, вдруг конфетки зайчики съедят. Ей, конечно, не жалко конфеток, ну а вдруг. И тут она вспоминает, что зайчики не едят сладкое, они любят морковку — дед ей об этом рассказывал.

Девочка бежит в кухню и притаскивает оттуда конфеты, которые она взяла из маминой вазы. Приносит она их немножко больше, чем нужно, но бабушке протягивает только две, остальные прячет в карман. Бабушка привязывает к конфеткам верёвочку и засовывает их за шкаф.

— Я буду за ними подсматривать, — говорит она Алисе, — и дам тебе знак, когда нужно будет тащить. На, держи свой конец покрепче.

И вот они обе притаились и молча ждут. Но конфеты всё лежат и лежат без движения.

- Когда же, бабушка, когда они их схватят? канючит Алиса. Я уже устала ждать.
- Ну, что ты у меня такая нетерпеливая, успокаивает её бабушка. — Сейчас я конфетки им поближе подсуну, ты только не упусти момент.

Бабушка сначала одной рукой, а потом двумя пропихивает конфеты за шкаф подальше, но почему-то долго там копается.

- Скорее бы уж, думает Алиса, и в это время бабушка кричит ей:
- Тащи!

Алиса дёргает изо всех сил, и обе её игрушки вылетают из-за шкафа. Они все в пыли и липкой паутине.

Бабушка берёт на руки КотоПёса и куклу Дашу и строго их отчитывает.

- Совсем вы у меня разбаловались, говорит она, посмотри, Алиса, как они в лесу замарались. Придётся теперь их отмывать и отстирывать одёжки. Но мы с тобой не будем на них кричать, правда? Мы понимаем, им тоже погулять хочется. А в лесу это делать гораздо интересней, чем дома. Вот и нам с тобой, Алиса, пора прогуляться, пока мама с папой с работы не вернулись. А КотоПёс и кукла Даша пусть пока посидят на диване. Пошалили, теперь им надо отдохнуть немного.
 - А если они снова убегут? спрашивает внучка.
- Не убегут, отвечает бабушка, если ты будешь себя хорошо вести, не прыгать по лужам на улице и далеко от меня отходить, то они никуда не денутся. Они будут нас ждать.

Алиса сажает игрушки на диван, отходит в сторонку, оборачивается и грозит им пальчиком. КотоПёс смотрит виновато, а кукла Даша улыбается снисходительно, глядя на Алисин пальчик.

И вот уже внучка с бабушкой гуляют на улице. На дворе — чудесный день. Щебечут птички, летают стрекозы, порхают бабочки.

— Не хуже, чем у них там в лесу за шкафом, — думает Алиса.

Лариса Леонидовна СЕМЕНИЩЕНКОВА

Родилась в поселке Дибровка Брянской области. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Aemop книг: «Moŭ meamp» (2012), «Анюта-Узорница» «Волшебный (2014).лес» (2015), «Анюта-Узорница в Красном Роге» (2017), «Вдохно-Статьи вение. брянской литературе» (2018). Лауреат всероссийских и международных литературных конкирсов. Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей мастеров ucкусств», член Союза писателей Союзного государства. Живёт в Брянске.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

«...Каждый террористический акт — это попытка подорвать нашу демократию. Мы должны использовать все возможности Конституции для повсеместной борьбы с терроризмом...»

> Из официального заявления. 199... г.

ретий день шёл снег. Сугробы намело такие, каких в деревне с войны не видали. Низкую хату Акулины ночью замело по самые окна. Утром Степан прокопал ход к её двери от дороги. Акулина взяла ведро, вышла на крыльцо и ахнула: деревья стояли копнами снега, а хаты чернели островками — какой побольше, какой поменьше. По протоптанной стёжке она не спеша пошла к колодцу, где Дарья уже набирала воду. Поздоровались.

- Хорошо мужики есть, сказала Дарья, поставив ведро в снег. Давай, тебе наберу.
- Спасибо твоему Степану, ответила Акулина, подавая ведро. А то сидела бы под снегом до самых жаворонков.

Дарья вздохнула, поглядела в сторону, откуда раздался гудок паровоза.

- И близко к станции, да теперь не доберёшься. Вот навалило... Что воды нынче будет!
- Вода это добро, рассудила Акулина. Как прошлым годом всё сохло, так руки отвалились поливать. Для огороднего снег нужен. Всякая погода к своему делу.
- Ну, не скажи. По телевизору показывают, что на свете творится: то землетрясение, то наводнение, то среди лета забыла, в каком это месте градом поля побило. Нас ещё Бог миловал от таких делов.
- Твоя правда: в божеском крае живём. А к холоду мы привыкшие.

Взяв вёдра, они не торопясь пошли от колодца. Акулина, помолчав, продолжила:

- Привычка много значит. Да и то важно, что на своей земле. Мой так и не привык к нашему климату, а сколько лет здесь прожил. Бывало, как разгуляется заметуха, сядем к окошку, и начнёт рассказывать. Говорил: «Обязательно съездим. Увидишь, какие настоящие горы бывают». Видишь, как получилось: всё заботы, заботы... Одно, другое. Не успели оглянуться, как состарились. Приполз к нам тогда, в сорок третьем, по снегу и помер здесь зимою...
- А и повезло тебе, Акулина, с мужем, с чувством сказала Дарья. Хоть и не наш, а хороший человек был. Уважительный, работящий, спокойный. Непьющий. Как только выходила ты его тогда.
- Что ж... Пожалела. Да и не одна я выхаживала, можно сказать, всей деревней. У самой тогда куска не было.

Она вздохнула.

— А последние годы, по правде сказать, ещё больше жалела. Послушает радио, как там у них: то постреляли, то взорвали что... И замолчит. Спрашивать не спрашиваю, а вижу: переживает. Своя земля тянет человека. А здоровье, выходит, за нашу положил. Вот тебе и судьба.

У дома Акулины остановились передохнуть. Дарья стряхнула снег с рукавиц, сказала, поглядев в небо:

- Вряд ли к ночи перестанет.
- Я лопатой откину, отозвалась Акулина, а утром вы ж меня не оставьте. Ваша хата куда выше. Молодое всё лучше.
- Насчет этого не беспокойся, а как же. Степана сразу пришлю. Так же не спеша разошлись. Акулина, пробираясь к своему крыльцу, думала о чем-то своём и завершила размышления сказанным вслух: «Эх... На всё Божья воля...» Остановилась на крыльце отдышаться и загляделась на то, как падает снег...

* * *

Чёрной тенью метнулся он в вагон, двери электрички тут же захлопнулись. Он входил последним и видел всех, его — никто. Цепким взглядом отметил главное: пассажиров немного. Как всегда на этой станции в позднее время. Молодая пара — мужчина и женщина. Ещё мужчина в рабочей одежде. Женщина с ребёнком. Впереди него шла какая-то старуха, села и она.

Ему везло. Нужное место было свободным — крайнее у окна. Скоро уставшие к концу дня люди станут дремать, и он сделает вид, что тоже спит. Осторожно нащупал ногой под сиденьем сумку. Как будто почувствовал холод предмета, лежавшего в ней. Втянул голову в плечи, ниже опустил на лицо капюшон куртки. Время пошло. На этом этапе всё было так, как он хотел.

Человеку легко стать незаметным, если другим нет до него никакого дела. Эти люди не обращали внимания друг на друга. Но он должен контролировать каждого, потому что не имеет права на ошибку. Ошибка — это оставленный след. И он не торопясь, чтобы не упустить чего-либо из виду, ещё раз осмотрел пассажиров.

Презрительное чувство отразилось на его лице и тут же натренированно исчезло. Мужчина и женщина сидят к нему спиной. Она отклонилась к окну, он положил ей голову на плечо. На его родине мужчина никогда не опирается на плечо женщины. Так заведено и передаётся от отца к сыну: мужчина сильнее, выносливее, он всегда выполняет самую трудную работу. Когда отец умирал от тяжёлой раны, он сказал их матери: «Не бойся ничего. У нас есть сыновья, они уже выросли». Двадцать два года на его родине — возраст настоящего мужчины, который способен принять решение и выполнить задачу, не опираясь на чужие плечи. А эти? Он перевел взгляд на мужчину в рабочей одежде.

Очевидно, что тот был пьян. Громко храпел, растянувшись на лавке, его голова неудобно свисала, шапка свалилась на пол. И он представил отца, который сказал однажды, чтобы сын запомнил навсегда: «Не пей вина, сынок, — это путь к предательству. Сначала ты предашь любимую женщину, потом — мать, а потом — родину». Мужчины в их селе не пили вина, но любили посидеть за одним столом, поговорить о жизни: как вырастить хороших овец; где найти работу, чтобы были деньги; нужно ли учить детей в городах и не забудут ли они там наказы отцов; про новую школу и больницу... Говорили долго. Так, как должно быть, если люди живут в согласии.

Конечно, теперь всё изменилось. Собирались реже, потому что всё чаще в семьи приходила беда. Сидели молча или говорили шёпотом. После этих разговоров во многих домах не могли спать спокойно. Приходили люди откуда-то с гор, забирали скот, уводили с собой мужчин. В селе поселился страх. Когда из России пришли,

чтобы восстановить прежний порядок, то уже родные братья не садились за один стол, потому что не могли одинаково ответить на вопрос: эти русские пришли, потому что стало трудно жить, или стало хуже, потому что они пришли. Толковали по-разному. Он сделал свой выбор, когда война пронеслась по их селу.

Этот день он не забудет никогда... Огонь сжигал их дом. Горело всё, что было нажито за многие годы, сделано своими руками. Рушились и другие дома, в которых попадали снаряды. Кричали женщины, дети, метались животные. Тогда ранило отца, и он впервые увидел растерянность мужчин. Они ничего не могли изменить. С тех пор он знает, что такое боль унижения. И также знает, что ничем нельзя заглушить эту боль. За оскорблённое достоинство мужчины кто-то должен ответить. Вот этот (он задержал взгляд на пьяном) забыл о жене, матери, родине, потому что пьян...

Громко заплакал ребёнок. Не поворачивая головы, он напряг слух. Женщина что-то говорила, трясла игрушкой, но ребёнок капризничал. Это было плохо, потому что он мог разбудить дремлющих пассажиров. Странно, что никто из них ещё не проснулся. «Разве это мать, которая не может успокоить своё дитя?» — с раздражением подумал он. И представил лицо своей матери. Её добрые глаза. С улыбки матери начинался день. С каждым новым утром, как только солнце вставало из-за гор, в дом приходила радость... Он позволил себе вспомнить...

Вот отец собрал отару овец, чтобы вести её далеко от дома к сочной траве. Он пробудет в горах не один месяц, пока не откормит овец, чтобы их шерсть стала мягкой и блестящей. Они с сестрой, совсем дети, тоже встали рано. Им хочется казаться взрослыми, но это не получается. Потому что они не могут вести себя так спокойно, как отец. Они слишком громко смеются, машут руками, а овцы пугаются и разбегаются в стороны. Но отец не сердится, потому что знает: пройдёт время, и дети научатся всему, что умеют взрослые. Это видно в его серьёзных, но добрых глазах. Прощаясь, он кладет свои ладони на их стриженые головы, и тепло его руки лучше всего, что может быть на свете...

Они ещё долго смотрят вслед, пока отара кажется живым движущимся облаком, а потом маленькой серой тучкой, исчезающей в густой, тёмной зелени подножных лесов...

Ритмичный шум движения поезда убаюкивал, но нахлынувшие воспоминания лишь обостряли чувства...

Кто видел горы в утренние часы, тот не мог любить другую землю. Эти люди не знают, как под горячими лучами золотого солнца оживает горный ручей, и шум его прозрачной воды сливается с весёлым разговором листьев, камней, ветра, птиц... Они, дети, умели понимать такой разговор без слов: это был язык родины. Может быть, потому их старики живут долго, что они умеют слушать природу и учиться у неё мудрости...

Справа раздалось громкое мяуканье. Он не вздрогнул, инстинктивно собрался. Всякая неожиданность была опасна. Осторожно повернул голову. Все пассажиры, кроме пьяного, обернулись на звук.

— Ах, ты, чтоб тебя! — приговаривала старуха и заталкивала в сумку морду рыжего кота. — Взяла на свою голову, пожалела. Сиди, а то выкину совсем. Погреешься тогда на морозе.

И как бы для достоверности она всмотрелась в темноту за окном. Пытаясь вырваться, кот мяукнул еще громче.

— Не видал ты ещё плохого, вот и мяучишь, — вздохнула старуха и задумалась. Снова стало тихо...

И вдруг он понял, что допустил оплошность. Совсем маленькую, но ошибку. В груди шевельнулось тревожное чувство. Нужно было сесть дальше. Он уже немного изучил этот народ и знал: у таких суетливых старух есть привычка создавать вокруг себя шум, вмешиваться во всё происходящее, и, главное, они наблюдательны. Обязательно всё замечают и потом рассказывают другим. Он привык уважать пожилых людей, но эта вызвала у него отвращение. Он мысленно сравнил старуху со своей матерью...

Когда-то очень давно они с братом заигрались возле дома. Кидали через забор камешки кто дальше. Они не заметили, как мать вышла на крыльцо. А когда он её увидел, то показалось, что ожила древняя горская легенда — так она была красива. Прекрасные глаза матери были обращены не на них; она смотрела куда-то вдаль, на снежные вершины гор, и, наверное, думала, сколько детям надо ещё расти, чтобы они могли приблизиться к этим вершинам... С тех пор прошло много времени. Мать вырастила троих детей, похоронила родителей и мужа. Но, глядя на неё, он всегда видел её

такой, как в тот далёкий солнечный день. В последний раз он видел мать, когда брат увозил её, а также сестру с мужем и сыном сюда, к центру России, чтобы пережить страшное время и вернуться на свою землю, когда люди снова сядут за один стол и будут говорить о жизни. Это время всё больше куда-то удалялось от них. Брат не возвращался. Наверное, он оставался здесь, потому что не хотел воевать. Он и в детстве редко участвовал в шумных играх. Занимался музыкой, хорошо играл на гармошке, любил танцевать. Думать о брате не хотелось. Того, кто не взял оружие, называли предателем. Он скажет это брату, когда они встретятся, с глазу на глаз. И, конечно, поэтому он сегодня не знает, где нашли они временное пристанище. Знает только то, что каждый день мать смотрит тайно на дорогу, ждёт. О чём она думает? О чём теперь молчит? И девушка, которую он выбрал, чтобы привести в дом как жену, была похожа на мать. Воспоминание болью отозвалось в груди. Та девушка уже никогда не пойдёт за водой к горному ручью, потому что навсегда осталась в земле, где лежит его отец...

Эти люди... Он опять обвёл взглядом пассажиров. Они живут на своей родине. Почему женщина, которая имеет свой дом, везёт ребенка одна, ночью, и рядом с нею нет её мужчины? Почему человек, который может иметь работу, заниматься каким-нибудь делом, так пьян? И эти двое. Разве они любят друг друга, если не он, а она подставила ему плечо? Такие люди не должны наводить порядок в их сёлах и городах. Это несправедливо. Он опять представил пылающую крышу дома, умирающего отца и полные слёз глаза матери. И вспомнил слова человека, который был старше его, а, значит, умнее: «Во всём виноваты чужие». Лица сидящих в вагоне слились в одно лицо — лицо врага. У врага не было конкретного имени, его имя было — народ. Он стиснул зубы, закрыл глаза и услышал чёткое: «Приготовьте билеты для проверки». Как будто снежная лавина обрушилась с горы и понеслась прямо на него. Он хорошо проверил маршрут. В этой электричке в ночное время никогда не проверяли билеты. Этого не должно было случиться, но почему-то произошло, и нужно было принимать решение. Дело не в том, что у него не было билета. Билет он купил до конечной станции, на всякий случай, если придётся использовать запасной вариант. Опасность заключалась в другом: кондуктор. Он может сойти на любой станции до того, как всё произойдёт, а потом вспомнит пассажиров. Кондуктор — это след. Ещё. Проверка билетов редко обходится без шумного спора, в который включаются все пассажиры, и невозможно знать, чем это закончится. Бывает, что вызовом милиции. Непредсказуемость ситуации таила самую большую опасность, но выбора не было. Он собрал свою волю.

Странно, что пьяный имел билет. Он проснулся, поднял шапку, пошарил по карманам и нашёл нужную бумажку. Молодая пара тоже была с билетами. Женщина с ребёнком никак не могла найти свой документ, но в конце концов нашла. Он не верил своему везению: никто не скандалил. Теперь важно показать билет, не открыв лица.

Женщина-кондуктор задержалась возле старухи. Они о чём-то тихо говорили. Неужели началось? Предчувствие не обмануло.

- Ничего не знаю, уже нарочито громко, чтобы слышали все пассажиры, произнесла кондуктор. Вам надо ехать, а мне предъявите билет.
- Ну, что теперь мне делать, милая, если нету билета? уже не скрываясь, ответила старуха. Всё погорело, до единой бумажки. Один вот кот, она приоткрыла сумку, от моего добра и остался.
- Женщина, мне всё равно. Это вам не что-нибудь, а едете в общественном транспорте. Читать умеете?
 - Что? переспросила старуха. А! Как же, читаю хорошо.
- Вот и читайте, она ткнула пальцем в написанное на стене крупными буквами. Нет билета платите штраф.
 - А сколько положено штрафу?
 - Сто рублей.

Старуха засуетилась.

- У меня, дочка, всего только и есть сто рублей. Люди по деревне собирали, чтоб хватило к сыну доехать. И то еле-еле наскребли. У кого теперь лишние деньги? Семь дворов, считай, и все старики. А пенсии дети забирают. Моё всё по ветру полетело...
- Правила не я придумываю. Билет бы взяли меньше б обощлось.
- Грех попутал, да и только. Подумала так, что ночью никто не станет спрашивать. Вот и не купила.
 - Куда едете?

- В Светогорск. К сыну, она торопливо достала из-за пазухи мятый конверт. И адрес тут: город Светогорск, улица 3-го Интернационала, дом пять. Туда и еду. Но с вокзала ещё на автобус садиться. Тоже билет надо будет.
- Женщина, перебила кондуктор, сколько раз объяснять! Откуда мне знать, что у вас там. Вон, в первом вагоне сказали, что едут с похорон. А сами раскрашены, юбки выше некуда, ещё и песни кричат. Если каждому верить, так всех подряд жалеть надо. Сегодня, как специально: похороны были, проводы были, в третьем вагоне драку устроили, теперь нате вам, погорелая. Только что террориста не хватает. Точно, дождусь.

Колкое, неприятное чувство заставило его сжаться. Эта женщина так легко сказала о том, к чему он готовился много дней и что оценил своей жизнью. Подумал: «Не хитрость ли тут?» Нет, никто не придал значения сказанному. Странно: люди как будто не понимали своего языка. И это хорошо. Значит, сегодня его день.

Кондуктор, между тем, продолжала:

- С чего я верить всем должна? У меня работа. Не уплатите буду меры принимать.
- Как не понять, обречённо сказала старуха. Твоё дело такое. Что ж...

Она покопалась в сумке, достала какую-то грязную тряпку (видимо, в ней были её деньги) и стала дрожащими руками развязывать узел. Он, как нарочно, не поддавался, а старуха между тем говорила:

— Беда к беде идёт. Было так, что поспешила я на край деревни — хлеба обещали подвезти. У нас теперь только два раза в неделю возят. Оттуда сама и увидала, как дым повалил. Добежала, а толку что. Люди бегают, кричат, — она вздохнула. — Не сказать, чтоб добра было много, а всё же своё... Хорошо ещё: успели скотину выпустить. У меня в сарае сенцо кое-какое было. Что спичка, вспыхнуло... Куры целы остались. Раздала по дворам. Козочку молоденькую соседка взяла. С собою не заберёшь. При мне теперь только этот разбойник и остался, — она показала на выглядывающего из сумки кота. — Грешу на него. Думаю: полез на стол, да лампу керосиновую и обернул. Вот оно к чему приводит, — она опять вздохнула, узел поддался. — Порезал кто-то провода на деревне, и сидим, как в военное время. У кого свечка, у кого лучина, я, ви-

дишь, лампу берегла про всякий случай. Пока теперь из города приедут наладить. Говорят, и по другим так местам. Сдают эти провода на деньги. Что ж, всюду деньги требуются. А мне теперь вовсе край подошёл — ни того, ни этого...

Узел развязался, на лавку посыпались мелкие монеты, старуха бросилась их подбирать. Кондуктор терпеливо ожидала. Когда монеты были собраны, старуха взялась считать, но сбилась.

- Посчитай лучше сама, твои глаза помоложе. Сто рублей должно быть, и протянула деньги.
- Послушай, вдруг произнёс пьяный, обращаясь к кондуктору, отстань от человека! Непонятно, что ли? Пусть едет. Ты ж должна думать по-человечески!

И он пробормотал что-то нечленораздельное. Кондуктор как будто этого ждала.

- Ты мне не тыкай. Мне зарплату платят за то, чтоб проверяла. Я не в свой карман собираю, а государству. К твоему сведению, с тебя тоже штраф полагается. Скажи спасибо.
 - У тебя что, поезд штрафной, что ли? Не понял.
- Грамотный, так тоже читай, она указала на ещё одну табличку. В пьяном виде берётся штраф. Мы работаем, а вы пропиваете, уже страну пропили.

Пьяного, видно, задело, потому что он сказал медленно и чётко:

- Работница, значит. Если б ты посидела целый день, как я, на морозе, не так бы заговорила. Сегодня три трубы порвало, а завтра еще порвёт. И, между прочим, второй месяц денег не дают. Захочу не выйду на работу, и все дела. Постучишь тогда зубами. Попробуй, поищи сварщика, чтоб за так до ночи в грязи ковырялся. Считай, что и без обеда. Всё вам пьяные мерещатся. Ещё и билет тебе купил.
- Ладно, перебила кондуктор, деловой! Мне тоже с утра нервы трепят. Лучше с трубой, чем с пассажирами разговаривать. Если б мой мужик работал, что, я ездила б ночами? Твоя, небось, дома сидит, как принцесса. И опять принялась пересчитывать мелочь.
- Видно, твой и не просыхает, заключил мужчина, раз на людей кидаешься. Своего штрафуй, скорей себе дело найдет. Пускай пошевелится, как другие.

— Ага, — с каким-то новым выражением сказала кондуктор, — сейчас разбежится... на инвалидной коляске. Мой уже наработался. Ещё до места не доехали, как подорвались. Хорошо, что живого привезли.

Установилось молчание. Старуха перекрестилась:

- Господь, помилуй и спаси.
- Господь спасает, а ещё жить надо.
- Что правда, то правда. Я, видишь, подбежала тогда к дверям, думала, может, успею. Только к себе потянула, а кот мой так и бросился ко мне. Закрытый сидел. Сенцы тут и рухнули, только что с ним отбежать успели. Не дал Бог смерти. Выходит, я ещё на этом свете зачем-то надо. Вот и так подумаю, и так прикину... Что ни говори, а жить народу можно. Голоду, как в войну переживали, нет; болезни лечат, особенно в городах. Если что люди помогают. И поезда идут. Грех жаловаться, заключила она. Человек, что лук: приткни его в землю, тут же перья пустит. А терпенья у нас, сколько хочешь.

Кондуктор подумала:

— Ладно, давайте за билет тридцать рублей.

Мужчина опять вмешался:

- Государство на тридцать серебренников разбогатеет сразу. Пусть мать едет, что ты за личность!
- Сынок, не встревай, забеспокоилась старуха. Бог с ними, с деньгами! Везде надо правила соблюдать. Сама виновата. Ещё и на телеграмме, глупая, сэкономила. Надо было сына известить, а как сказали, что пятьдесят рублей, так подумала: «Как-нибудь доберусь сама; я там была, примерно знаю, и люди подскажут». Вот и получилось: копейку утаила, чуть сто рублей не потеряла. Спасибо тебе, милая.

Молодой мужчина повернулся, протягивая кондуктору деньги.

— Возьмите сто рублей, я заплачу.

Его подруга подтвердила:

— Да, возьмите у нас, пусть едет.

Старуха заволновалась еще больше:

— Деточки, не надо, как отдавать буду? Не вводите в новый грех.

Кондуктор повернулась к молодым.

— Если б мне надо было, я б не тут собирала. Не в рублях дело, а в порядке. Послушать, так у каждого причина. Если, как вы гово-

рите, по-человечески, так билет с одних иностранцев спрашивать надо. А иностранные пассажиры не в таких поездах едут, у них свои мерседесы, — и она добавила в сердцах. — Всё и дело, что у нас каждый сидит и на своём месте свои правила устанавливает. Порядок для всех единый должен быть. Тогда б, может, и мы на этих мерседесах ездили. Что, не правду разве говорю?

Мужчина спокойно ответил:

- Смотря какие правила. Тебе сочинят только уши развешивай. Если б я сегодня закончил сварку, как положено, в шесть часов, так завтра детский сад, он указал на женщину с ребёнком, и школу закрывать надо. Это будет по какому твоему правилу? Замолчали. Кондуктор вернула старухе деньги.
- Возьму с вас пять рублей до станции. Но в следующий раз имейте в виду, и подала квитанцию.
- Дай Бог тебе здоровья, дочка, от радости залепетала старуха. В другой раз мне гореть не к чему, уже всего лишилась. А тебе доброе дело обязательно причтется.

Кондуктор махнула рукой и, даже не посмотрев по сторонам, вышла из вагона...

Везение ему сопутствовало. Но какое-то беспокойное чувство мешало сосредоточиться. И причина была не только в том, что пьяный оказался просто уставшим от тяжёлого труда, добрым человеком, а кондуктор ухаживала за мужем, вернувшимся инвалидом, наверное, оттуда... У них тоже горели дома и было мало денег. Но эти люди говорили о своих проблемах как-то по-своему, как будто не договаривая до конца. Что-то было им всем понятно без слов, а для него оставалось загадкой. Они спорили, возмущались, обижались, но в чём-то были совершенно согласны друг с другом. Это чувствовалось в установившемся молчании, в том, что кондуктор так и не взяла положенные деньги у старухи, а та назвала её дочкой, и в том, что кондуктор пренебрегла правилом и не спросила у всех билета. Это не просто беспокоило, а лишало его уверенности. Может быть, непонятное в этих людях и есть самое важное, а он поймет это слишком поздно? Он не хотел вопросов. Потому что вообще не имел права думать. Сомнения ослабляют волю. И хотя до станции уже недалеко, ещё может многое произойти. И предчувствие опять не обмануло.

Пока старуха старательно увязывала в тряпку свой капитал, кот всё же ухитрился и, прощемившись в прореху, выскочил из заточения. Старуха кинула узелок возле сумки и крадучись последовала за беглецом. Он где-то затаился. Она нагибалась под каждое сиденье и приближалась к последнему. Пассажиры опять оживились. Мужчина сказал:

— Ну, мать, с тобой не соскучишься.

Он ещё надеялся на спасительное везение, но в цепи случайностей обозначилась какая-то закономерность. Слишком много непредвиденного на такой короткий промежуток времени.

Конечно! Старуха тащила кота и говорила о том, чего он больше всего не хотел:

— Ишь, знает, к чему прибиваться: сумки ищет! Умный, нечего сказать. И как только заметил. Человек, и тот в темноте не разглядит. Так и прилип.

Она села на лавку, продолжая:

— Что ж удивляться, к этому времени уже у меня на печке грелся, поевши, — она погладила кота, он ответил мурлыканьем. — Сегодня, вот, без ужина. Мне-то что, а кот — не человек. Везде еду ищет, — вздохнула. — Сам себя и наказал. Только что не нарочно.

Старуха продолжала сидеть. Пережив столько волнений, она, по-видимому, искала собеседника. Снова заговорила:

— А ты, парень, видно, что не из наших, — и подыскала нужное слово. — Спокойный.

Он усиленно соображал. Вступить в разговор нельзя. Голос — это улика. Но и молчание с каждой минутой становилось всё подозрительней. Так небольшая оплошность, допущенная вначале, превращалась в серьёзный просчёт. Теперь эта женщина знает о нём главное: он — чужой. Судьба посылала испытание. Он успокоил себя: везение всё равно было на его стороне, потому что она сойдёт с поезда позже, чем он, и не раньше, чем всё это взлетит на воздух. Пусть говорит.

Но маленький камень уже сорвался с вершины и летел вниз, увлекал за собой другие и превращался в камнепад, настигая заблудившегося путника. И невозможно было даже предположить, что самым большим испытанием для него окажется сбивчивый рассказ навязчивой собеседницы. Между тем она говорила:

— Около сына моего, в Светогорске, значит, живут. Как тебе сказать... Беженцы которые. Женщина молодая с ребёнком и мужем, и мать с ними. Тоже спокойные люди, уважительные. Мужчина совсем непьющий. Работящий. В доме у них, что в сказке: красота, всё одно к одному. Я потому знаю, что по осени, как с огородом управилась, у сына гостила. Свезла свойского: капусты, огурчиков, грибков. В нашем лесу их — бери не хочу. Ну, их тоже угостила. Особенно грибы понравились. Но к нашей еде ещё не привыкли. Уважают баранину. Овец своих завели, пару. Там есть хороший распас, потому что живут на самом крае города, можно сказать, как в деревне: поле недалеко, роща. А с другой стороны и магазин есть, больницу строят. Будет со временем этот... микрорайон. Новое всё, — она вздохнула. — Сын давно меня зовёт, да не хотела мешать. А теперь куда денусь? Вот еду, ещё и с придачей, — она ласково потрепала кота за ухо. — Так это я к чему рассказываю. Вот гляжу на тебя: так похож на того соседа, что подумалось мне, не он ли. Но теперь вижу, что обозналась. У него на брови отметинка есть. Рассказывал, как осколком попало, когда дом их горел. На машине ездит куда-то, чтоб денег заработать. Строиться хотят. А отчего у нас не жить? Люди вокруг неплохие, никто не обижает. Природа наша подходящая для человека. Зимою холодно, зато красота какая. Выйдешь по снегу: деревья белые, на солнце играют... А летом живём, что в раю. Как по весне начинают птицы петь, так до самой осени благодать стоит. В моей деревенской хате ласточки прямо в сенцах гнёзда под крышей лепили, — она вздохнула, видимо, вспомнив про свою беду, но продолжила. — А осенью куда ни пойди, всюду загляденье. Рожь колосится, что море золотое, — она помолчала. — Вот чего на старости лишилась... Так и они. На их земле своя красота. Скучают, конечно. А что сделаешь? — и добавила с сердцем. — Затеют неизвестно кто глупость, куда народу податься? Только и есть, что дожидаться, пока замирятся. Мир всё равно един.

Она примолкла. А он верил и не верил в то, что слышал. Они с братом, действительно, внешне были, как две капли воды, похожи на отца. Их различала та отметинка... Он жадно ловил каждое сказанное слово. Слова привязывали его к этой женщине, тянули, как к источнику во время мучившей жажды. А она, чувствуя внимание, рассуждала:

— Вот как в жизни бывает. Теперь и я погорелая. Они — там, я — тут, и всем горя хватает. У меня так это уже вторая хата: первую, материнскую, еще в войну немцы сожгли.

Опять задумалась. Посмотрела на него. Что-то заставило её продолжить:

— Подружились хорошо. Мой сын тоже спокойный и непьющий. Не курит, слава Богу. Ему и не положено, потому что на «скорой помощи» работает. Живут с женой дружно, ребёночек у них тоже родился, под самое Рождество. Дал Бог радость... А у соседей при мне вот что было. Прибегает ночью молодая, говорит, что матери плохо стало, не знают, что делать, куда бежать. У них тогда и документов не было нужных. А мой сын, не в похвальбу сказать, а по правде, очень добрый. Всё сразу сделал быстро: нашёл лекарство, машину взял, в больницу отвёз, там хлопотал. Сам только к утру пришёл, сказал, что помереть могла... Потом уже деньги доставали на дорогое лекарство. А я как раз тогда корову продала, — она помолчала. — Силы не те, чтоб водить. Да и ребёночка подымать надо. Всё привезла, тут и пригодились для хорошего человека.

Он не выдержал. И никто не мог осудить его за вопрос, потому что это был вопрос о матери. Он тихо спросил:

— Как она теперь?

Женщина обрадовалась его голосу и уже, не сдерживая чувств, ответила:

— Хорошо подлечили, теперь дома. Сын мой ещё уколы делает. Он не бросит. Вот как выписали её, так меня в гости приглашали. Очень хорошая женщина, терпеливая такая... Что ж. Видимо, мы, женщины, только на терпении и живём. Ещё мастерица большая. Вязальный узор показала мне на платки пуховые. Сама-то я умею, но не такой. И подарила она мне тогда платок из тонкой шерсти. Как привезла я его на деревню, кто только ни приходил смотреть. Середина жёлтая, как солнце. Вокруг по зелёному полю розовые и красные букеты, а кайма голубая. Ещё и кисти вокруг. Хотела я покрасоваться на старости лет, да надевать жалела, берегла к празднику. Вот тебе и уберегла.

Он помнил этот платок с цветами его родины. И у всех их женщин были такие. А старуха продолжала:

— Еду к добрым людям без подарочка. Молодым в обузу. Комнатки тесные. Сыну обещают новую квартиру, а когда-то построят.

Последующая фраза его ошеломила:

— Не даёт Бог смерти. А как бы разом... И хорошо бы.

Погладила затихшего кота.

— Ну, ладно, спи, сынок. Поговорила с тобой, так от сердца немного отлегло. Видишь — в нарушители попала, а всю жизнь по порядку жила. Вот чего не приведи судьба.

Она встала и села на прежнее место.

Его чувства и мысли смешались. Эта старая, сморщенная женщина едет туда, где сейчас его сестра, мать и брат. Сын этой женщины, у которого доброе сердце, лечит его мать, и поэтому она жива. Ей помогали эти русские, отдавали свои деньги, а у него есть деньги, много денег и будет ещё больше. Он мог купить на них билеты всем пассажирам этой электрички, квартиру в лучшем районе города и ещё... Но он не мог их так просто, как вот эти мужчина и женщина, предложить чужому человеку из сострадания. Их нельзя передать матери, потому что деньги — это след. Так зачем они ему, если вся жизнь его отныне: одежда, голос, черты лица, покупки в магазине, поездки в троллейбусах и поездах, даже молчание — один сплошной след? Он, конечно, запомнил адрес: улица 3-го Интернационала, дом пять. Но он не сможет прийти по этому адресу, чтобы не привести за собой других, и теперь уже всё равно, своих или чужих. Это понимал брат, поэтому до сих пор не сообщил о себе. На этой улице мать смотрит на дорогу своими печальными глазами и будет всегда ждать...

В памяти опять всплыл эпизод из далёкого детства. Однажды они с братом поссорились. Хотели доказать, кто из них сильнее, и он нечаянно уронил на пол смешную деревянную фигурку, которую брат вырезал несколько дней. Фигурка сломалась, и брат обиделся. Тогда отец вошёл и сказал: «Идите со мной, вы уже достаточно выросли, чтобы выполнять полезную работу». И они вместе обмазывали глиной стену веранды, чтобы потом побелить ее и сделать красивой. Они трудились долго, а отец не спеша рассказывал, как возьмёт их в горы, чтобы пасти овец. Как покажет им поляны, покрытые розовыми васильками и бессмертником. Рассказывал о том, как горные реки наполняют водой Терек, а эта река по оросительным каналам питает поля пшеницы, кукурузы, виноградники... Ещё говорил, как прекрасна Аргунская долина и какая

чистая вода в озере Козеной. Она так прозрачна, что видно, как по дну ходят косяки форели... Он называл города, в именах которых слышались отзвуки давних времён... И ещё говорил о многом другом. Они закончили работу, когда солнце уходило за горы. Вместе молча наблюдали, как высоко в небе парил орёл... Отец сказал: «Вот какая наша земля». С тех пор они знали, что если появлялась обида, желание доказать, кто сильнее, нужно взяться за полезную работу и думать о главном. Странно: эта старая женщина и его отец говорили по-разному, но как будто об одном и том же. Можно жить в согласии, если помогать друг другу в полезном деле и помнить о главном... Как она сказала? — «Мир един». Так кто и почему поделил мир на своих и чужих?

Он сидел и думал. Тревожные вопросы возникали сами собой, они цеплялись один за другой и всё время приводили к главному: где — свои, а где — чужие? Сейчас не получалось простого ответа. Свои — на земле, где был родительский дом, а теперь похоронены отец и девушка, которую он выбрал себе в жёны, но не успел сказать об этом. А здесь, на чужой земле, его брат и сестра будут строить новый дом, их сын — учиться в школе; здесь живёт его мать с печалью в глазах. И русские приходят к ним в дом как друзья и помогают пережить беду. Чужая мать так просто назвала его «сынок»...

В темноте замелькали огни станции. А он оставался наедине с самым главным вопросом, от решения которого зависела вся его дальнейшая жизнь и судьба ещё многих людей. Он медленно обвёл глазами салон вагона. Все пассажиры спали; уснула и старая женщина, крепко прижимая к себе сумку, в которой затих кот, смирившийся с голодной участью. Рядом с этими беззащитными людьми он представил тех, кто учил его быть беспощадным, потому что только так, убивая, говорили они, можно установить свой порядок.

Он осторожно достал из-под лавки свою сумку, повесил её на плечо и вышел в тамбур. Он уже видит место, где должен оставить свой груз перед тем, как выпрыгнуть из вагона. Вот здесь, в тёмном углу, возле подвижного, лязгающего сцепления. Предупреждающая табличка на дверях вызвала усмешку: «Граждане пассажиры! В связи с участившимися террористическими актами просим вас при обнаружении бесхозных вещей и подозритель-

ных предметов обращаться немедленно к проводнику вагона, кондуктору, начальнику...»

Этот тёмный предмет никто не увидит. Его владелец выйдет из вагона на полустанке. Его не заметит никто, потому что в это время никто не едет из деревни и не выходит здесь из электрички на перрон. Идти по снежной дороге ночью через лес желающих не бывает. У него будет достаточно времени, чтобы сесть на встречную электричку и уехать далеко от места, где это произойдет. Всё просчитано до минуты. Он приблизился к окну с выбитыми стёклами, чтобы увидеть бегущие огни. В лицо пахнуло холодом. И хотя было темно, из мрака проступали совершенно белые силуэты берёз, сосен, елей, кустарника... Летели хлопья снега. Мелькнула мысль: «Как в сказке». И возник новый вопрос: «Почему горские легенды похожи на сказки этого народа, которые он читал в книгах? Почему?» Какая-то тоска сжала сердце. Мысли сплелись в клубок, который распутать он не мог.

Огни бежали совсем близко. Вот уже видна дорога, ведущая к деревне... Фонари перрона мелькали прямо перед глазами, и уже отчаяние вернуло его в спасительное прошлое. Он опять увидел горные склоны, покрытые зелёным ковром; лучи солнца, венцом обрамляющие вершину; быстро бегущих овец, превращающихся в живую тучку... Ответы были где-то рядом, но электричка уже замедляла ход. И в том, что не находилось окончательное решение, он тоже чувствовал свое оскорблённое достоинство. Мужчина не должен сомневаться, иначе в мире не будет порядка. Зачем тогда учитель истории так много рассказывал о легендарной, загадочной личности Шамиля — предводителя освободительного движения горцев? Он хорошо помнил эти уроки. И вспомнился другой учитель, с которым они выучили наизусть слова Услара: «Сближение с русской жизнью... бесконечно важно для будущности Кавказа». В этих холодных словах было тогда для них, подростков, много непонятного, но учитель терпеливо объяснял, пока слова не стали произноситься легко и привычно. Так кто из них прав?

Электричка остановилась, двери с шумом раздвинулись. Есть только одна минута, чтобы принять решение. На этой маленькой станции нет пассажиров, но на следующей войдёт много людей, которые едут после ночной смены. Кто-то должен за всё отве-

тить. Но он медлил... И вдруг как спасительный знак, отметающий все сомнения и решающий все вопросы, ему вспомнились прекрасные глаза матери, полные любви к сыновьям и всё примиряющего добра.

Включился внутренний счётчик, отсчитывающий секунды: десять, девять, ... пять, четыре, три, ... одна. И, подчинившись какому-то внутреннему чувству, он одним рывком метнулся из вагона в темноту и растворился в ней. Электричка набирала ход...

* * *

Акулина вышла на крыльцо и увидела, что у колодца собрался народ. Взяла ведро, подошла. Обсуждали то, что слышали ночью. Со стороны леса что-то гремело, но в окна ничего не было видно.

- Не поезд ли с рельсов сошел? спросила Федора. Дарья ответила:
- Нет. Утренние на Светогорск шли, я рано поднялась. Иначе б задержались.
- И то, слава Богу, заметила Федора. Может, самолёт? Теперь часто падают, сколько случаев.
- Ивановы ребята на лыжах ездили, узнали что или нет? спросила Антонина, подходя.

Заметив издали мужчин, Дарья крикнула:

— Иван! Слышь, что ребята твои сказали?

Не спеша подошёл Иван.

— А что сказали? Как свернуть с дороги, прямо около леса, где начинается поле, приличная яма. Края, как обрезанные. Следов нету. Может, и были, да все снегом замело. Целую ночь шёл. Вот и гадай, как хочешь. Если что — к весне проявится.

Некоторое время помолчали.

- С войны что осталось? Сколько на этом поле выкапывали. Хоть бы минёров когда прислали. Ходим под Богом.
- Сто раз перекопано всё, вряд ли. Да и зима, тихо, никто не тревожит.
- Может, НЛО какое? Я про следы круглые передачу смотрела.

- Ага, сказал Иван, за тобою ночью прилетели, да передумали. Видно, Степан шуганул? Признавайся, Дарья.
- Я всерьёз говорю, а тебе смех. Сидим сами, как в яме. Зимой не проехать, весной не добраться. Случись что одна гибель.

Подошёл Степан.

- По радио передавали, как будто террористов ищут. ЧС. Дарья удивилась:
- Что?
- Что слышала. Чрезвычайная ситуация. Ну темнота! Акулина не выдержала:
- Что ж, по-твоему, террорист этот среди ночи в лесу из-под снега, как гриб, вырос? Погляди-ка, Иван, в карманах у ребят своих. Помнишь, под Новый год под моими окнами ахнули? Как только крыша не обвалилась.
- Ну, сколько раз тебе объяснять, ответил Иван. Это петарды, игрушки такие, в городе на каждом углу продают.
- Может, я и тёмная, как ты говоришь, ответила Акулина, да только плохого никому за всю жизнь не сделала. С мальства родители учили. А ребята твои только жить начинают.

Над лесом послышался как будто звук вертолёта. Прислушались. Акулина подняла в небо лицо, но там ничего не было видно, кроме падающего снега... Он летел хлопьями, залеплял глаза, но она все смотрела и смотрела...

* * *

Из утреннего радиосообщения:

«...Сегодня ночью в двенадцать часов сорок две минуты недалеко от станции Крымовка Московской железной дороги раздался мощный взрыв. Разрушений и человеческих жертв нет. На место происшествия выехала следственная комиссия...»

Галина Алексеевна СОЛОНОВА

Родилась в 1948 году на Брянщине. Работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Автор шести сборников рассказов: «Неоконченное танго» (2010). «Крылья любви» (2011), «Птица счастья» (2013), «Чудеса природы» (2014), «Черёмуха душистая» (2016), «Наши домашние питомцы» (2017). Печаталась в брянской периодике (газеты, альманахи, журналы), а также в российских журналах «Муравейник», «Странник», «Подъём», «Воин России»,

Победитель конкурсов «О войне, на которой мы не были» (2015), «Герои Великой Победы» (2016), лауреат того же конкурса (2017) и других интернетконкурсов.

Член Международного Союза писателей и мастеров искусств. Активный участник семинара прозы при Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России.

дело всей жизни

Людям колхозного труда посвящаю

Виктора Петровича сегодня юбилей. Ему восемьдесят. В старый деревенский дом, где он живёт со старшей дочерью Валентиной, приехали родственники: дети, зятья, невестки, внуки, племянники и даже правнучка — почти два десятка. Все они давно горожане.

За праздничным столом было шумно и весело. Юбиляра поздравляли, говорили тёплые слова. Торжественные речи постепенно перешли на разговоры о жизни, о политике, о курсе рубля, доллара и евро.

— А что, — громко сказал внук Денис, — не жалеешь, дед, что вся жизнь в деревне прошла? Колхозное дело не ошибкой ли было?

Все притихли, не желая обидеть старого человека. Взглянул на внука Виктор Петрович, обвёл неторопливым взглядом гостей. Встал из-за праздничного стола, подошёл к печи, кряхтя, сел на старый табурет, прислонился больной спиной к тёплым кирпичам.

— Это что ж получается, — с горечью ответил Виктор Петрович, — колхозное дело, которому я посвятил всю свою сознательную жизнь, ошибка?

Кто с тревогой, а кто с любопытством смотрел на юбиляра.

— Вспоминаю тот год, — продолжил Виктор Петрович, — когда я окончил сельхозтехникум и с дипломом пришёл к председателю колхоза.

«Поздравляю, Виктор Петрович! Принимай руководство полеводческой бригадой. Самое главное — воспитывай у своих подчинённых чувство ответственности и сознательное отношение к труду», — пожимая руку, напутствовал меня Иван Васильевич.

Была огромная вера в светлое будущее, желание приближать его, не жалея сил. Люди, что жили и работали рядом, были самым большим колхозным богатством.

Виктор Петрович призадумался, будто погрузился мыслями в прошлое. Все сидели тихо, ждали.

- Удивительными были наши колхозники. Помнится мне, заговорил вновь Виктор Петрович, — весна шестидесятого с заморозками и тревогами за будущий урожай. Звено Дарьи Митиной готовило к высадке рассаду капусты на поля. Парники — не то, что нынче. Их сооружение было трудоёмким делом: в выкопанную яму глубиной около метра погружали деревянный сруб, засыпали в него конский навоз, перегной, землю, а потом только сеяли семена. Всю эту конструкцию укрывали стеклянными рамами да соломенными циновками. Все радовались: удалась рассада. Парники площадью сто квадратных метров открыли. А тут заморозки! Полночи укладывали рамы на место да сверху расстилали соломенные циновки. На беду стекло разбилось. Пять квадратных метров рассады с нежными листочками оказались незащищёнными. Кто-то из женщин растерялся, а Дарья, недолго думая, джемпер с себя сняла и аккуратно прикрыла рассаду, за ней и подруги последовали.
- И не жалко им было джемперов? спросил Денис. С одеждой в то время было туговато.
- Не жалко, неожиданно подала голос Мария Семёновна, поправляя яркий платок на голове. Сама работала в Дарьином звене.

Виктор Петрович благодарно посмотрел на старушку.

- А ты, Валентина, обратился отец к своей старшей дочери, помнишь молоденькую учительницу? Прислали её к нам из города.
- Клавдию Прокопьевну? Да как её можно забыть? Хорошенькая такая. Любовались мы ею и по пятам ходили.
- Свёклу убирали вручную. Деревенские-то дети привычные к такому труду, а Клавдия Прокопьевна, вижу, часто на ладошки дует, трясёт озябшими руками, морщится, а виду не подаёт, старается. Подошёл к ней, на руки посмотрел, а на ладонях мозоли. Предложил отдохнуть, но она отказалась, шепнула: «Как я потом детям в глаза смотреть буду?» Дождь начал накрапывать. Дождик не ливень, с поля никто не собирался уходить. Выпряг я (бригадир в колхозе фигура важная) лошадь из телеги, на которую свёклу сгружали. Домой поскакал. Из нижнего ящика комода схватил перчатки, что жена связала мне из ниток распу-

щенного старого свитера, и назад на бурачное поле. Заставил учительницу надеть эти перчатки. Её благодарный взгляд никогда не забуду...

- Что, удивился Денис, и перчаток даже колхоз не выдавал?
- А нам и не надо было, опять вступилась Мария Семёновна, бросив обиженный взгляд на Дениса. Мы привычные.
- Вы лучше, гости дорогие, послушайте, как дружно спасали фруктовый сад! Яблони, сливы, груши и вишни всё в цвету. Красота глаз оторвать невозможно! Ждали большого урожая! А тут опять заморозки! Помню, пришли ко мне домой Силантий да Парфён наш безошибочный прогноз погоды. Доверяли они народным приметам да своим суставам. Одиннадцатый час вечера, я только-только порог дома переступил, один сапог успел снять. «Беда! Сильные заморозки будут, с тревогой сообщили старики. Собирай мужиков, спасать в эту ночь цветущий сад надоть!»

Поскакал я на лошадке от хаты к хате с просьбой. Никто не отказался. Работа несложная. Мы ж сырую солому с картофельных буртов собирали и заранее кучками укладывали на широкие междурядья. Поджигали её по команде с той стороны, откуда ветер дул, чтобы дым окутывал, окуривал, согревал нежные цветки деревьев да тлю и плодожорку уничтожал. Соломку ворошили, задушевные разговоры вели, песни пели. Любили мужики такие ночи. Мальчишки тоже прибежали: мелкие сучки, сухие веточки собирали и в тлеющие костры бросали. Кусочки сала, хлеб, что из дому принесли, на прутики нанизывали, над костром коптили. Незаметно рассвет наступил. Отстояли мы сады.

А рано утром раздавались удары молота по наковальне. Кузнец и его помощник, особо почитаемые и уважаемые люди, начинали свою работу раньше всех. Кузнечный звон разносился по всей округе, оповещая, что жива деревня, не спит, день рабочий снова начинается. Селяне, в том числе и те, кто ночью спасал цветущий сад, спешили на бригадный стан. Наряды получали на работу, проверяли, правильно ли записал учётчик их трудодни, интересовались, кто в передовиках ходит...

Дороги сердцу юбиляра были воспоминания. И гости это чувствовали.

- Тосю Воробьёву, молоденькую девочку, помнишь, Мария Семёновна?» обратился рассказчик к бывшей колхознице.
- Ну чего ж не помнить? Помню память ищо не отшибло. К наукам дивчина шибко тянулась. Тося школу окончила, сразу заочно поступила в сельскохозяйственный техникум и работала телятницей. За телятами, как за малыми детями, ходила. Тётка ей из города шикарный подарок привезла: чёрную шубку нейлоновую. Все подруги завидовали. В начале зимы на танцы в клуб с ребятами и девчатами собралась, да решила, как сердце чуяло, в телятник заглянуть: тёлочка там была больная. Подбегает, а ворота горят! Ворох соломы рядом лежал видно, ктото окурок непогашенный по неосторожности бросил. Шубку модную Тося скинула, пламя ею сбивала да во всё горло кричала, на помощь звала. Подоспела молодёжь, спасли телятник. А шубки Тосиной не стало.
- А вот ещё случай, с воодушевлением снова заговорил Виктор Петрович. Был у нас такой конюх, Бобок его все кликали. Лошадей любил без меры. На прогулку и водопой гонял табун мимо копаней. Это ямы, торф для топлива там копали. В одну из них и попала старая кобыла по кличке Победа. Конец ноября. Вода вперемешку со снегом в яме, и кобыла бедная в ней по грудь стоит, ногами перебирает, дрожит, видно, свой смертный час чует. Мужики собрались, сочувствуют и кобыле, и конюху. А Бобок тем временем притащил несколько верёвок да с разбегу сиганул в яму. Нырял, пока не просунул кляче под задние и передние ноги верёвки. Концы их мужикам кинул. Кобылу тащили по его команде. Спасли, отогрели и Бобка, и лошадку. Всё обошлось. С тех пор стали величать конюха исключительно по имени-отчеству.

Кремень, а не люди были, — с гордостью произнёс Виктор Петрович. — О каждом поэму можно писать... Вот ты, Танюша, — обратился дед к своей внучке, — в литературном институте учишься. Пиши, пока я ещё жив.

Все с любопытством посмотрели на будущую писательницу.

— Не волнуйся, дед, обязательно напишу.

Улыбнулся Виктор Петрович, довольный тем, что его слушают и ждут продолжения.

- Слово «надо» было превыше всего. Работал я уже тогда председателем колхоза. План по сдаче картошки выполнили. Оставшуюся бульбу для посева и продажи весной в бурты собирались закопать. Под вечер звонит секретарь райкома партии: «Петрович, дорогой, выручай, к утру отгрузить нужно сто тонн картофеля для воинских частей: вагоны простаивают. Приказ пришёл «сверху». Собрали мои помощники колхозников, смотрят на меня угрюмо: не так-то просто за ночь осилить такую работу. Просьбу им изложил, не постеснялся, в пояс всем поклонился. Поняли меня, никто не ушёл спать. Всю ночь работали отгрузили мы эти сто тонн.
- Да, это правда. Дюжа уважали нашаго Пятровича колхозники, — снова подала голос Мария Семёновна.

Виктор Петрович помолчал, вглядываясь в лица родственников. «Интерес к моему рассказу ещё не угас, — отметил он про себя. — Глаза молодёжи любопытством светятся».

- Да чего уж! Было иногда и невмоготу. Помню, непогода часто мешала работе. Картофель надо было срочно убирать, а картофелекопалок не хватало. Подкапывали плугом, собирали вручную под проливным дождём. Иногда и ломами приходилось картошку из мёрзлой земли добывать да отправлять на спиртзавод. Но не ныли, не жаловались, работали с энтузиазмом, упорно работали... Не понять, наверно, вам этого.
 - Не понять, дед, искренне признался Денис.

Виктор Петрович вздохнул, видно, воспоминания о тяжёлых временах навеяли грусть. Но тут же взгляд его прояснился, и он бодрым голосом продолжил рассказ.

— Бывало, рано утречком, в конце августа, чуть рассвет забрезжит, иду по деревне, слышу, как молочные струи о доёнки звенят, будто скрипки свои скрипачи настраивают. Это наши бабы коров доят и на выгон их готовят. У речки на лугу лошади ещё отдыхают, пофыркивают, пар из ноздрей пускают, готовятся к тяжёлому трудовому дню. А за деревней — ток с зерном, целая гора, будто из золота. Ночь работали: комбайны молотили, машинами свозили готовое зерно. Приляжешь на него, а оно теплом дышит, материнским молоком отдаёт, чувствуешь себя младенцем на груди у матери. От этой деревенской картины сердце благодарно замирает. Мозолистые руки тем, кто ночь работал, пожимаю, а у них глаза

радостно блестят. Гордость меня распирала за наших людей!.. А вы, ребятки, испытывали в своём городе подобные чувства?

Двоюродные братья переглянулись друг с другом, кто-то носом шмыгнул, и все промолчали.

- И отдыхать, и радоваться, и веселиться, вдохновенно продолжал рассказчик, тоже умели. Посевные работы заканчивали, уборку урожая завершали устраивали праздники: «День берёзки» и «День урожая». В берёзовой роще накрывали столы с угощеньем. Старики, взрослые, молодёжь, дети все отдыхали, как одна семья. Пели песни и частушки, танцевали, хороводы водили, на гармошках и баянах играли талантов всегда хватало. Вон и Семёновна первая певунья на селе была... А давай, соседка, стариной тряхнём!
 - А давай, соседушка! задорно отозвалась старушка.
 - Тащи, Дениска, гармонь.

Усевшись удобнее, Виктор Петрович прошёлся по кнопкам и вопросительно взглянул на Семёновну.

— Ой, цветёт калина в поле у ручья, — задушевно запела старушка, — парня молодого полюбила я...

Гости подхватили песню, меха старой гармошки широко и раздольно извлекали мелодию. Спели слаженно. Солистке и гармонисту весело поаплодировали, оживились и вновь к рюмке потянулись. Внучка Татьяна, улучив удачную паузу, громко сказала:

— Дедуля, мне кажется, ты ещё не закончил рассказ свой о колхозной жизни, о людях.

Гости снова притихли, и всё внимание переключили на юбиляра.

- Рассказывать о колхозной жизни, где часто труд людей был сравним с подвигом и героизмом, можно очень долго. И мы с тобой, внученька, ещё об этом поговорим. А сейчас, если вам, дорогие мои (Виктор Петрович сделал паузу и обвёл взглядом всех сидящих за столом), я ещё не надоел, хочу напоследок высказать свои думы.
- Конечно, дед, мы все тебя слушаем, послышались голоса в ответ.
- Сельское хозяйство держалось на беззаветно преданных колхозу людях. Ценил я их, уважал. С горем и радостью шли ко мне. «Петрович, родной ты наш» так меня называли. Трудно-

стей хватало, и колхоз объединял людей в одно «маленькое государство». Сообща решали мы наши проблемы и знали, что от нас зависит успех работы, урожай. И у тех, кто трудился рядом, коллективное сельское хозяйство, как и у меня, тоже было делом всей жизни. Нет, не жалею я о прожитых годах в деревне. Верили в политическую идею, поэтому работали, не покладая рук, страну кормили и гордились этим... Но горько и обидно мне, — вздохнул Виктор Петрович. — Стояло в нашей деревне когда-то сто десять крепких дворов. Теперь два дома жилых осталось: мой да Марьи Семёновны.

Виктор Петрович кивнул головой в сторону старушки:

— И что сейчас по всей стране? Колхозы, совхозы исчезли. Деревни осиротели. Дома опустели. Поля заросли бурьяном. Не было бы сейчас этой беды, если бы газовые трубы не за границу, а в деревни прокладывали, дороги и водопроводы строили. Тогда бы и та молоденькая учительница, и вы не убежали бы в город. Знаю: появляются крепкие сельскохозяйственные комплексы, патриотизм объявили национальной политикой. Да маловато его ещё. Ваши, молодёжь, души, мозги чем наполнены?

Виктор Петрович многозначительно посмотрел на молодых родственников.

— Только и слышу по телевизору: рубль, доллар, евро, нефть, разборки! А фильмы какие показывают? Грабят, убивают, чужое захватывают!.. Э-эх! — с горечью махнул рукой Виктор Петрович.

Глаза его увлажнились, невольная слеза покатилась по щеке. Все молчали, взгляд потупили. А пятилетняя правнучка Настенька взобралась деду на колени, обняла и ласково сказала:

— Не плачь, деда. Я люблю тебя.

КАРЮТА

-o-o! Лёник, никак свою невесту привёл мне показать? — встретила нас бабушка Карюта, которая бесстрашно рвала неприкрытыми руками пышную крапиву вдоль старой деревянной изгороди.

- Не жжёт крапива руки? спросила я, невольно сжимая ладони в кулак.
- Где ты видишь руки, девонька? Вот это, старушка раскрыла ладони, уже да-а-авно стало граблями.

Я посмотрела на её натруженные мозолистые руки, не знавшие отдыха. Мой взгляд скользнул по щупленькой фигуре с головы до ног и остановился на босых ступнях, которые, по-видимому, летом не знали никакой обувки.

— А ты, видать, из городских? — пробуравила меня бабушка острым взглядом карих глаз. — Пошли в хату.

Карюта подхватила охапку крапивы и поспешила к низенькой покосившейся двери. Перешагнув порог, мы оказались в сенцах с земляным полом. Бабушка повернула направо, откуда слышалось бодрое хрюканье, а потом и восторженное повизгивание поросёнка, получившего порцию нарубленной крапивы.

У стены стоял четырёхгранный памятник из металла с пятиконечной звездой. Рядом — гроб с крышкой, обтянутый красным ситцем, и венок из восковых цветов. Я в изумлении замерла и недоумённо посмотрела на подошедшую Карюту.

— Не пужайся, девонька. Моё это хозяйство. Сыновья Витюша да Славуня просьбу мою исполнили. Хочу знать, в чём и под чем буду лежать. А-а! — с каким-то озорным весельем произнесла она, — три года стоит, а я живу себе да живу! Восемьдесят второй годок уже разменяла. Что стоим? Лёник, открывай дверь в хату, а то у меня руки грязные.

Хата состояла из одной комнаты: тут тебе и побеленная русская печка, и сундук, и кровать с высокой периной, двумя пышными подушками. Покрывало на постели, накидки на подушках — да всё вязано вручную крючком, и всё белоснежное под стать печи.

— Разувайтесь: я вчерась пол выскоблила голиком, — приказала хозяйка и окунула ноги в таз с водой, стоявший у двери. — К столу проходите.

Мы прошли по полосатой домотканой дорожке, сели на деревянные самодельные, с отверстием в центре, табуретки, тоже выскобленные добела. Покрытый белой вязаной скатертью стол стоял у стены между двумя окнами.

— Ну-ка, милая, откинь занавеску с окна, там клеёночка припрятана. Стели её поверх скатёрки, — обратилась ко мне бабушка.

Между тем она вымыла руки под рукомойником, что висел недалеко от небольшого кухонного столика, порезала сало, вытащила из печи сваренный в мундире картофель. Вместе с огурцами и зелёным луком всё выложила в широкую алюминиевую чашку. Рядом на стол поставила солонку, миску со свежими чисто вымытыми сырыми яйцами и ломтиками свойского хлеба.

- Закуска готова. А ты, внучок, шкалик не забыл принести для бабки?
- Как можно, бабуль? Конечно, принёс, доставая из сумки запечатанную сургучом четвёртку «Московской», успокоил Алексей. И твои любимые пряники.
 - Наливай.

Бабушка Карюта посмотрела на образа, украшенные вышитым рушником, перекрестилась:

— Прости, Господи, душу мою грешную...

С поднятой рюмкой в руке она взглянула на портрет, что висел над столом:

— Пусть земля тебе будет пухом, мой любимый Будённый, — вздохнув, сказала бабушка и одним глотком выпила.

Она открыла небольшую коробочку, вынула из неё щепотку табаку и вместо закуски шумно занюхала выпитое, дважды чихнула в белоснежный передник, который успела надеть, войдя в хату.

— Эх, хорош табачок, крепкий. Недаром наши деревенские мужики приходють за ним ко мне. Вижу, и нонче урожай будет богатый. А вы, — спохватилась бабушка, — ешьте, ребятки. От деревенской еды никому ещё плохо не было.

Я внимательно рассматривала портрет. На меня смотрел бравый солдат с усами в военном кителе.

- Почему Будённый? полюбопытствовала я.
- А ты что, разве не видишь, что мой Петруша похож на него? Воевал в Первую мировую, без ноги вернулся. Идейный был, коммунист, лихой, напористый. Отбил у Яшечки, за которого замуж собиралась. А как любил Петруша меня! Глаза бабушки загорелись,

щёки зарумянились. — За мои карие глаза Карютой ласково называл. Так и люди стали кликать. Поди уж и забыли, что Анной Степановной когда-то звали, — от воспоминаний будто на десять лет моложе стала бабушка. — И я от его ласки да любви без ума была. Свой наряд свадебный в сундуке до сех пор храню. Жизнь тяжёлую прожили: семерых детей поднимали на ноги, в колхозе работали от зари до зари, а любовь силы давала. — Взгляд её карих глаз опять потух. — Двадцать пять годков я уже без своего Будённого.

Бабушка Карюта тяжело вздохнула, подняла голову и сосредоточила страдальческий взгляд на другом портрете, что висел рядом с портретом мужа. Две одинокие слезинки, как две росинки, выкатились из её карих глаз.

— Наливай, Лёник, ещё стопку, — подставляя рюмку, сказала хозяйка. — Родимого сыночка помяну, что погиб смертью храбрых в сорок четвёртом в Прибалтике.

Отхлебнув глоток из наполненной рюмки, Карюта отщипнула от ломтя хлеба маленький кусочек и медленно стала жевать, не отрывая взгляда от портрета сына. Её карие глаза увлажнились, стали ещё темнее.

— Это старший мой — Ляксандр. К началу войны ему было всего семнадцать годков. На фронт не взяли, так он в партизаны ушёл. Это потом его призвали в Красную Армию. Ох, и досталось же мне за Санечку от немецких прихвостней — двух полицаев! К стенке ставили, обстреливали округ моей тощей фигуры. А я вся съёживалась, ни слова, ни слезинки не проронила, только глазами, как раскалёнными углями, их обжигала. В живых оставили, но потом шомполами били. Всю спину и то, что ниже до крови исполосовали.

Бабушка притихла, долго смотрела в окно. Её морщинки на лице подрагивали, губы сжались в ниточку, глаза часто моргали, чтобы не уронить слезу горьких воспоминаний.

— В конце сорок пятого, — вернулась она к рассказу, — пришла мне посылка из Прибалтики с наградами и письмом, в котором писали о подвиге моего Сашуни. А к двадцатилетию победы прислали школьники приглашение. Надела на грудь три сыновы мядали да орден Красной звезды и поехала в Каунас, добралась до деревни Речица. Почёт и уважение оказывали мне в поезде и в

школе, где хранили память о моём сыночке. Постояла у братской могилы, прочитала его хвамилию в общем списке погибших наших солдатиков, поплакала вволю. Землицы, на какой погиб сынок, в кулёчке привезла домой, хранила у образов. А как умер мой Петруша, на его могилочку тую земельку высыпала.

Карюта молчала, сосредоточенно думала о своём. Даже вздохом мы боялись прервать её молчание.

— А ты, Лёник, — неожиданно спохватилась бабушка, передай своему папане, чтоб заглянул в хату через недельку с утречка. Пора и мне на вечный покой. Вот только грядки с табаком дополю. Будённый мой, небось, уже давно заждался. Не забудь, внучок, две рюмки и четвёртку «Московской» оставить на могилке: выпьем с Петрушей за встречу на том свете...

Хоронили Карюту всей деревней с почестями. Вспоминали её чистое сердце, то, как стойко войну пережила, как трудилась, словно лошадь, была бесхитростной, терпеливой и неустрашимой, будто солдат.

Около сорока лет прошло с той встречи с бабушкой Карютой, а я, нет-нет, да и вспомню ту удивительную деревенскую труженицу.

ОХ УЖ ЭТОТ ДОЛЛАР!

оя соседка баба Нюра, семидесятивосьмилетняя одинокая старушка, с которой мы очень дружны, при встрече в очередной раз пожаловалась, что её хозяйственная сумка истрепалась, пора покупать новую.

- В чём же дело? На рынке сумку можно купить приличную и недорогую.
- Да вот всё никак не получается. То пенсию жду, то посоветоваться не с кем. Вдруг переплачу пенсия у меня «не шибко разгонишься». Ещё хуже: неудобная будет! А мне, может, с ней до самой моей смерти придётся на рынок да в магазин за продуктами ходить!
- A давайте, баба Нюра, вместе посмотрим. Мне как раз тоже на рынок нужно.

Старушка обрадовалась. Всю дорогу она рассказывала, какую хочет иметь сумку:

— Чтобы основа была и не твёрдая, и не мягкая, чтобы цвет был глазу приятен и возрасту соответствовал, чтобы кармашки были внутри для кошелька, мобильного телефона, ключей. И снаружи обязательно, хотя бы два, на всякий случай. Чтобы застёжки-молнии были надёжные, — наконец закончила баба Нюра перечислять требования к предстоящей покупке.

Рынок жил своей предпраздничной жизнью. Царили суета, многолюдье.

Отдел сумок находился среди других промышленных товаров и не привлекал особого внимания покупателей. Меня это обрадовало: «Помогу быстро купить соседке сумку, и на свои покупки время останется».

Баба Нюра внимательным взглядом обвела всё, что висело на витрине, и вопросительно посмотрела на меня.

— Покажите, пожалуйста, вот эти три хозяйственные сумки: чёрную, коричневую и бежевую, — обратилась я к продавщице, женщине лет шестидесяти.

Та хмуро посмотрела на мою соседку и шумно вздохнула. Баба Нюра тщательно обследовала по очереди все три сумки. Она долго ощупывала верх, расстёгивала и застёгивала молнии на кармашках, подносила поближе к глазам, внимательно рассматривая каждый шовчик, брала за ручки и смотрелась в зеркало, определяя, идёт ли к её фигуре, и при этом всё обсуждала вслух. Я тайком взглянула на часы — прошло уже полчаса.

- Какую посоветуешь? наконец спросила баба Нюра.
- Да вот эту, чёрную. Вместительная, удобная, добротная, подходит к любой одежде, ответила я, предвкушая скорейшее завершение покупки.

Но баба Нюра не спешила. Она заново стала поглаживать сумку ладонью, потирать рукавом пальто края, теребить ручки...

- Что ты её треплешь!? не выдержала продавщица и гневно окинула взглядом покупательницу. Третью неделю через день ходишь и всё щупаешь, гладишь! Будто Мерседес покупаешь!
- Не возмущайтесь, защитила я свою соседку. Возьмём именно эту. Так ведь, баба Нюра?

- Так и быть! Эту! наконец решилась старушка. Сколько она стоит?
- Шестьсот пятьдесят рублей! ответила продавщица с раздражением.
 - Что-о-о? с возмущением произнесла баба Нюра.
- Шестьсот пятьдесят! уже с твёрдостью повторила продавщица.
- Как шестьсот пятьдесят?! Неделю назад она стоила пятьсот рублей! Почему цена выросла!?

Глаза старушки округлились и пылали гневом.

- Как почему!? Ты слыхала, что доллар подскочил!?
- Какой доллар! Эти сумки висят у тебя уже полтора месяца, а доллар начал скакать всего неделю назад! Возмущению старушки не было предела. Вот позвоню куда надо! По телевизору говорили выявлять спекулянтов и сообщать! Шестьсот пятьдесят! Ишь, ты-ы-ы!
 - Не хочешь не бери!

Продавщица вырвала из рук моей соседки сумку и повесила на прежнее место.

— И не возьму! Пусть висят, пока этот зелёный антихрист хряпнется о нашу землю русскую! Пойдём, Татьяна, прочь от этой крохоборки! Продавщица шумно шмыгнула носом и повернулась к нам спиной...

Пока мы шли по территории рынка, баба Нюра всё ещё возмущалась. Я пыталась, как могла, её успокоить. Ничего не купив, со слезами на глазах она покинула рынок. Я же поспешила в универмаг.

Вечером позвонила в дверь соседки.

— Баба Нюра! Пришла поздравить вас с наступающим Новым годом. Принимайте подарок от меня, — сказала весело, переступив порог, и протянула ей хозяйственную сумку чёрного цвета.

Старушка сначала растерялась, потом глаза её сверкнули радостью. Обеими руками она прижала подарок к груди и неожиданно всхлипнула.

— Ну-ну, будет вам. Ставьте чайник, я ещё и торт принесла.

Пока пили чай, сумка стояла рядом с табуретом, на котором сидела баба Нюра. Она то и дело брала её на колени, открывала и закрывала застёжки-молнии, ладонями поглаживала кожу. А я тихо радовалась тому, что осчастливила пожилого одинокого человека.

Светлана Николаевна ТАРАСОВА (Муравлёва)

Родилась в 1951 г. на Украине. В 1956 г. пере-ехала с мамой и братом в г. Липецк, где окончила школу и поступила в Горьковское театральное училище, после окончания которого вернулась в Липецк и несколько лет проработала актрисой в местном театре кукол.

В 1983 г. переехала в г. Брянск, продолжив свой творческий путь в Брянском театре кукол.

В 2011 г. издала свой первый сборник «Бессонница».

Пишет рассказы и стихи, участник поэтических и прозаических семинаров при Брянской областной писательской организации Союза писателей России.

волейбол и три рубля

сли вспоминать что-то хорошее, то волейбол — одно из самых лучших моих воспоминаний.

По жизни я человек принципиальный, не без гордости, но у меня никогда не было наглой смелости. А условия, в которых я жила, развивали во мне стеснительность.

Я постоянно ходила в кафешку напротив дома, где мы жили с мамой. За супом. Мама давала мне тридцать шесть копеек, бидончик, и я шла покупать три порции — двенадцать копеек порция. Бывало, цены менялись, и кассир говорила: «Сегодня одна порция стоит восемнадцать копеек. У тебя на три не хватает. Будешь добавлять?» «Нет, — отвечала я, — пусть две порции». И мне было очень стыдно, казалось, что все слышали, что у меня не хватает денег на три порции супа. Я шла от кассы с чеком, опустив голову, глаза в пол, как будто передо мной была неровная дорога, и мне обязательно надо смотреть себе под ноги, чтоб не споткнуться. Я мучительно стеснялась.

Зато в спортзале я чувствовала себя как рыба в воде. Здесь было всё моё: и мяч, который я практически не выпускала из рук, особенно летом, на открытой площадке целыми днями тренировалась, пальцы выбивала, руки опухали, но я била, била по мячу. И лавочки тоже свои, за которые мы цеплялись ногами, а руки закладывали за голову и качали пресс; и пол, покрашенный зелёной краской — на нём ещё были, кроме разметок наших волейбольных, разметки для баскетболистов.

Мой тренер — стройный, высокий, но с виду медлительный, ходил вразвалочку. А я видела его в игре. Куда та медлительность девалась! Брал мячи, давал пас, бил через сетку, высоко подпрыгивал, ставил блок, если надо, умел брать мяч даже у самого пола: казалось, всё, мяч сейчас упадёт, а тренер в броске, нижним приёмом, успевал его подцепить, спасал положение, а сам падал, скользил по гладкому полу на животе. Падать и нас учил. Ещё учил ходить и на внутренней стороне стопы, и на

внешней. Зато я никогда не подворачивала ноги. Да, волейбол — это что надо!

Как-то перед соревнованиями тренер сказал: «Приходи на тренировки в женскую команду». Эх, я обрадовалась!

В той игре я пять подач дала! Ни одной противники не взяли! Мяч у меня летел через сетку крученый, по одному направлению, потом менял траекторию. Как это получалось, сама не знаю! А с трибун кричали:

— Маленькая, давай! Давай, маленькая!

И я давала! Все подачи! Пять очков команде! Конечно, мы выиграли. Это была решающая игра.

Так я и осталась в команде: в основном на подачах и хорошо мяч принимала. Ростом не вышла, чтобы блоки ставить, через метку бить, но все же удавалось и трудные мячи доставать. И я гордилась, что меня, десятиклассницу, тренер брал в женскую сборную. Когда проходили соревнования, нам давали талоны на обед. Это была заслуженная награда.

Многие приходили к нам в секцию, но не все выдерживали нагрузок, вот и подружка моя по двору, Галя, решила, что у неё получится: она меня в скакалку обыгрывала, до тысячи скакала, а я не могла. Она думала, что и тут меня обставит — ан нет. У неё не получилось.

Так и Таня пришла. Тоже не задержалась. Тренироваться — это ведь труд нелёгкий. Но одна наша общая история в моей памяти осталась.

Как-то поспорили мы с ней. Дело было в октябре. Мы переодевались в раздевалке на тренировку. Она и говорит: «Бр-р-р! Как холодно!» Я отвечаю: «Ну да, прохладно, топить ещё не начали. Зато в зале не будет жарко». «Я люблю лето,— продолжала Таня. — На речке красота!»

Я и говорю:

— А спорим, я и сейчас искупаюсь?

Она:

— Спорим, не искупаешься.

Я

— Спорим! На три рубля!

Она:

— Давай!

Девчонки поддержали наш спор.

На следующий день, перед тренировкой, пошли на речку — это недалеко от нашего спортзала. Пришли. Конечно, никого, пустой пляж, сиротливые кабинки. На небе тучи, сумрачно, песок тёмный, мокрый, не то, что летом под жаркими лучами солнца, когда ни одного облачка, и вода в реке тёплая, плещется в берег, и выходить из неё не хочется, и народу уйма.

А сейчас только вдалеке ребята-яхтсмены чем-то занимаются. Я Тане говорю:

— Покажи трояк!

Она показала. Я стала раздеваться. Таня стоит, поёживается. Купальник, конечно, на мне был надет заранее. Краем глаза видела, что ребята яхтсмены остановились, смотрят в нашу сторону и кричат:

— Девушка, вам помочь?

Это меня только подстегнуло: назад хода нет — и я побежала в воду! Уговор был — я только окунусь, и три рубля мои.

Девчонки, наверное, думали, что они мне нужны на кино или мороженое-пирожное. Нет. Схожу, хлеба куплю, пачку маргарина или сала растительного пачку. Ещё можно купить камбалы, по сорок копеек килограмм. Мама нажарит картошки, рыбы! И не надо будет идти в эту ненавистную кафешку за супом по двенадцать копеек порция...

Я окунулась три раза, не с головой, а так, по шею и спокойно, конечно вся в мурашках, вышла на берег. Забежала в кабинку, в которой половины досок не было, но всё-таки чуть-чуть прикрывало, переодеться.

Таня помогала:

- Ой, как же ты так? Я бы не смогла!
- А я смогла.

А сама подумала: трояк выиграла.

Ребята с яхты махали руками, свистели и кричали: «Эй, девушка, молодец!»

— Пойдём скорее отсюда, — сказала я Тане и уже на ходу застегивала пальто.

про любовь

ихалыч на Валю, что называется, «глаз положил». И дело было не в том, что она молодая. Жена у него тоже была намного моложе его, но, как это бывает, жизнь не склеилась, и они давно уже были в разводе. Вот теперь у Михалыча случилась любовь. Он полюбил Валю.

Когда Валя пришла устраиваться на работу в театр, Михалыч, наш главный осветитель, сразу взял её в свой цех, хотя, конечно, лучше было бы взять парня: осветитель должен штативы носить, фонари, провода, всё устанавливать. Валя не знала, что это за работа, но согласилась, потому что других вариантов не было. Как ни странно, она хорошо справлялась со всеми обязанностями.

- Ну, как, нравится у нас работать? спросил Михалыч через некоторое время.
 - Да, ответила Валя.

Михалыч как бы выдохнул с облегчением – она остаётся!

Он стал называть её Валюшкой. Правда, во время работы, когда настраивали аппаратуру и Валентина находилась на балконе, он кричал ей коротко:

— Валь, левее, ещё левее, чуть-чуть ниже. Хорошо! Давай следующий!

Она тоже почему-то часто называла его по-простому. Для всех он был Михалыч, а для нее — Саша, хотя в коллективе он был старше всех, а старше Вали — на двадцать пять лет. Истинная причина взаимной симпатии двух таких разных людей вряд ли была понятна со стороны.

А причина была. Валентина постоянно чувствовала заботу Михалыча. Он не просто оценивал ее работу, а нередко участливо спрашивал, не трудно ли ей, не устала ли. Смотрел на нее по-доброму, делал что-нибудь приятное по мелочам, и эти знаки внимания радовали, ободряли. Михалыч как будто всегда понимал Валентину. А она... Её ещё никто никогда не любил.

Они работали в разных бригадах и в командировки вместе не ездили. Но, чтоб встретиться с Валей, Михалыч, если сам был в

командировке, придумывал причины, чтобы она к нему приезжала. Например, звонил и говорил, что сломался фонарь и нужно срочно привезти другой...

А однажды приехал сам. Валя находилась со своей бригадой в одном из южных городов Украины. Вдруг в гостинице появляется Михалыч! Откуда? Он же оставался на стационаре, ни в какие поездки не собирался! Михалыч явно что-то задумал.

Кстати, он никогда много не пил, не курил, был немножечко прижимист, а тут вдруг развернулся: собрал в номере у Вали весь небольшой командировочный коллектив, накрыл шикарный стол и попросил наполнить стаканы. Никто не понял, в чём дело.

Стаканы наполнили, и тут наш Михалыч выдал:

— Валюш, я тебя полюбил... Выходи за меня замуж.

Сам покраснел от волнения, как мальчишка.

Все застыли, и только Валя в полной тишине ойкнула:

— Ой! — и стала в растерянности всех оглядывать. Ее карие, небольшие, глубоко сидящие глаза как будто вынырнули, заблестели, и она смущённо негромко засмеялась.

А Михалыч опять:

— Ну, что, Валюш, ты согласна?

Все заговорили:

- Соглашайся, Валь! Валь, соглашайся! Конечно, соглашайся! Смотри, какое застолье Михалыч устроил! Специально приехал!
 - Михалыч, а ведь ты женат! сказал кто-то из собравшихся.
- Был женат, защищал себя Михалыч, давно в разводе. Просто живём в одной квартире. А негде больше жить.

До Валентины едва доходили возгласы и реплики сослуживцев. Она растерялась и не знала, что думать.

С виду Михалыч — довольно высокий мужчина, немножко пузатый, чуть-чуть лысоватый, ну, зубов некоторых нет, что заметно. Как-никак, полтинник. Разве это муж?.. С другой стороны, он заботливый, вот, приехал за ней в другой город... С ним легко, он умеет понимать ее без слов... Если честно, таких добрых мужчин она еще в своей жизни не встречала... Бывают ли лучше? А, главное, он ей предлагает замуж. Ведь ее тайная мечта — иметь свою семью, своих деток... А вдруг это всего лишь розыгрыш?

Валя переводила взгляд с одного говорившего на другого, глаза ее наполнились слезами. И, может быть, по их выражению вдруг все поняли, что она согласна, и были правы. Да, конечно согласна! Этот взрослый мужчина всё делает для неё, ради неё.

Кругом захлопали, закричали:

— Горько!

Ещё раз:

— Горько! — стали поздравлять, восхищаться. — Ну, Михалыч, ну, ты даёшь!

А Валя улыбалась, смеялась и уже верила, что сбывается ее надежда на счастье... Потом взяла гитару и запела свою любимую песню о корабле, долго плывущем в родную гавань... Валя хорошо играла на гитаре, пела негромко, но с душой, и было понятно, что Михалычу в жизни очень повезло, и, конечно, он достойный жених, если Валентина согласилась выйти за него замуж.

Они поженились. У них родилась Верочка.

Когда Валя родила, Михалыч примчался под окна роддома и стал звать, бегая по глубокому снегу вдоль здания:

— Валюша! Валюша!

Валя услышала, выглянула в окошко, помахала рукой. Михалыч увидел её, резко остановился и снова стал кричать:

— Валюша, покажи Верочку! Верочку покажи!

Валя развела руками, показывая, что малышки здесь нет и почему Верочка? Но спорить не стала. Пусть так и будет — Верочка.

Михалыч не унимался:

— Я тут тебе всё принёс: апельсины, лимоны, яблоки, творог, килограмм. А ещё трёхлитровую банку молока, свойского! На рынке купил! Валя стояла за окном и смеялась и плакала от счастья...

Проблема у них была одна — с жильём. Его вообще не было. До рождения Верочки они даже на работе жили. Михалыч принёс электроплитку. Директор, отзывчивый человек, разрешил им ненадолго обосноваться в незанятой комнатушке. Не мог же Михалыч привести молодую беременную жену в квартиру бывшей жены!

И всё это время Михалыч старался получить жильё. На работе соблюдалась очередность (это были восьмидесятые годы). И у них получилось. Им дали однокомнатную квартиру! Правда, старое жилье, зато в центре города. Валя была счастлива: у неё был муж,

дочь, квартира. Раньше она с мамой жила в комнате без удобств: все удобства в общем коридоре, а в комнате сделана фанерная перегородка — подобие кухоньки и коридорчика.

Теперь жизнь наладилась. Валя навещала маму, мама Вали ходила к ним в гости. Верочку готовили к школе.

И вдруг её Саша заболел. Что-то с почками. Болезнь прогрессировала. Вале приходилось возить мужа на гемодиализ в другой город, в Смоленск.

Саша иногда плакал и говорил:

— Валюш, ты меня не бросишь?

Как он мог такое подумать!

Валя отвечала:

— Ну что ты, Саша? Конечно, нет. Сейчас съездим, тебе помогут. Всё будет хорошо. Я с тобой. И Верочка, вот, рядом.

И всё же Саши не стало.

После похорон Валя сидела на кухне, чувствуя свое полное сиротство. Как мало они пожили с Сашей, каким коротким оказалось её счастье. Как теперь жить, чем заполнить страшную пустоту? Слёзы текли по ее лицу, и, казалось, что уже никто, ничто и никогда не утешит её в горе. «Зачем теперь жить? Зачем жить?» — вертелось в голове.

Незаметно тихо подошла Верочка. Она обняла маму и потянулась к ее лицу, погладила по щеке. Валя как будто очнулась. На нее смотрели добрые и любящие глаза — глаза Саши. И она вдруг поняла, что Саша никуда не ушёл. Он всё равно будет всегда рядом, до тех пор, пока в душе у неё и у Верочки будет жить к нему любовь. А любовь будет всегда, потому что она вот такая — настоящая. Значит, надо жить.

ПРО ФИЗИКУ

H

уравлёва не любила физику, а учительница с этим не смирялась. Да она от всех требовала уважительного отношения к своему предмету.

Журавлёва сидела на первой парте, поэтому ей доставалось больше всех.

Учительницу не любили. Она была непонятной особой, среди учителей выделялась даже внешностью. Носила юбку выше колен. Ученицы удивлялись: такая старая, считали они, её сыну младшему пятнадцать лет, ещё и старший есть, а она всё в короткой юбке! И всегда на каблуках! Хорошо одета, причёска пышная, похоже, что не «химия», свои волосы, но точно крашеные! Губы ярко вишнёвой помадой намазаны, сама смуглая. Интересная, конечно, дама, при том деловая. Урок вела чётко, не отвлекалась. Улыбалась редко.

Вот и в этот раз учительница зашла в класс вся такая деловая, в своей короткой юбке, выловила Журавлёву взглядом, кинула журнал на кафедру и сказала своё любимое:

— Журавлёва, к доске!

У Журавлёвой все внутри взбунтовалось (сколько можно?!):

— Не пойду!

Учительница:

— Садись, два!

На следующем уроке история повторилась: учительница зашла в класс, опять швырнула журнал на кафедру (да ведь попадала точно, ни разу не промахнулась):

- Журавлёва, к доске!
- Не пойду!

Учительница:

— Садись, два!

И ставила двойки-то прямо в журнал! По-настоящему, не пугала, как некоторые.

На следующем уроке опять всё повторилось: заходит, журнал бросает, попадает прямо от двери, вызывает Журавлёву к доске, та не идёт.

После урока подзывает:

- Журавлёва, ты знаешь, что у тебя три двойки?
- Знаю.
- Исправлять думаешь?
- Думаю.
- Когда?
- На следующем уроке. А что вы каждый раз: не успели в класс зайти и сразу: Журавлёва, к доске, Журавлёва, к доске! Что я вам...

Учительница внимательно посмотрела на ученицу и спросила почему-то по-хорошему:

— Ты так не любишь физику?

Журавлёва подтвердила:

- Не люблю.
- Почему?

То ли потому что учительница впервые заговорила нормальным тоном, то ли, действительно, двоек уже было многовато, Журавлёва сказала правду:

- Просто мне физика не нужна. Я буду поступать в театральный. Учительница как-то странно на Журавлёву посмотрела, закрыла журнал и сказала:
 - Готовься. Я спрошу. Аттестат тебе всё равно ведь нужен.

Журавлёва это и сама знала. Решила взяться за ум. Но и учительница больше не кидала журнал и не вызывала её к доске прямо с порога.

Свои двойки Журавлева закрыла четвёрками. На пятёрку она, конечно не тянула. Но аттестат получила с нормальными баллами, и в театральное училище поступила. В общем, она была благодарна учительнице за те четвёрки. Такой щедрости у этой учительницы ещё никогда не наблюдалось. Просто чудесный случай.

Всё объяснилось много лет спустя. Журавлёва случайно встретила учительницу в парке, и та спросила, поступила ли она в театральный. Журавлёва поделилась своей радостью и тоже спросила, почему учительница ей подтянула тогда оценки. И учительница сказала:

— Понимаешь, я когда-то тоже мечтала стать артисткой.

Тамара Алексеевна МАКАРЧЕНКО

Родилась в 1956 году в Брянске, высшее образование получила в Калининградском государственном университете (ныне Балтийский федеральный университет имени И. Канта). Кандидат педагогических наук, магистр психологии. Заниматься литературным творчеством начала школе, продолжила в университете.

Толчком к серьезному занятию художественной прозой послужила поездка в Грецию. Так появились путевые заметки, в настоящее время они отдельной книжкой готовятся к выходи в издательстве «Калининградская книга». В подобном жанре было написано ещё несколько произведений (путешествия по странам Северной Европы, Болгарии, Турции, впечатления о Южном береге Крыма). Есть пробы пера в жанре фантастики и исторической прозы. В альманахе «Литературный Брянск. Наша Победа» (2015) был опубликован рассказ «Субботка». В сентябре текущего года готовится к выходу в свет очередной номер альманаха «Ковчег» (Приокское книжное издательство) с рассказом на историко-патриотическую тему. В настоящее время приняты к публикации несколько рассказов о наших современниках простых и хороших людях.

трудное дело

авно следователю Малиновскому не приходилось расследовать такое трудное дело. И не потому оно было трудным, что неясными были обстоятельства или мотивы преступления. И не потому, что необходимо было сложным методом вычислять преступника или его задержание таило угрозу. Совсем наоборот — нарушитель закона не имел никакого отношения к преступному миру. До вчерашнего дня. И, тем не менее, дело поставило Малиновского в тупик.

Следователь сидел в своём кабинете и смотрел в окно. Тоненькая папка с делом за номером 224 лежала перед ним на столе. Малиновскому не требовалось открывать папку и листать страницы для его изучения. Всё дело составлял один документ — коротенький иск, предъявленный учителю информатики средней общеобразовательной школы села Ватутина. Учитель обвинялся в экономическом преступлении — использовании в личных корыстных целях некоего (нелицензированного) программного продукта, интеллектуальной собственности известной компании. Продукт был приобретён преступником несанкционированным путём, а попросту скачан из интернета, в результате чего известная корпорация понесла большие финансовые потери. Иск требовал возмещения материального ущерба в таком размере, что Малиновский не знал, как это требование воспринимать. Либо лишения свободы на продолжительный срок.

Малиновский нажал кнопку вызова и попросил дежурного пригласить обвиняемого. Следователь ещё не сталкивался в своей работе с учителями, и почему-то ожидал увидеть «ботаника» — худого, сутуловатого человека с рассеянным взглядом из-за очков.

В кабинет решительным шагом вошел молодой человек, внешностью напоминающий скорее тренера спортивной команды — невысокий, крепкого телосложения, с короткими тёмными волосами и небольшой жёсткой бородкой. Следователь жестом указал вошедшему на стул и внимательно посмотрел на человека напротив. Учитель сидел, слегка наклонившись вперёд, взгляд его не-

больших светлых глаз был пристальным и чуть напряжённым. Минуту длилось молчание.

— Дело серьезное, — наконец заговорил следователь. — Вам предъявлен иск на очень большую сумму. Очень большую, — подчеркнул Малиновский.

Молодой человек не спросил, какую именно, и продолжал молча смотреть на представителя закона.

- Скажите, с какой целью вы незаконным путём приобретали этот так называемый программный продукт? вновь нарушил молчание следователь.
- Как с какой, пожал плечами обвиняемый, с целью использовать эту программу на уроках информатики.
 - А другим путём её невозможно было приобрести?
- Возможно. Смотря для кого. Эта программа стоит примерно столько же, сколько, судя по вашему лицу, я должен заплатить компании за убытки. Да нет, дешевле. Ведь в сумму иска входит и компенсация морального ущерба. Но всё равно, ни мне, ни школе это не по карману. Да вы, наверное, в курсе: ничего особенного я не совершил. Все так делают. Я, конечно, понимаю если бы я пользовался программой у себя дома, частным образом, было бы другое дело. А так... Но какую прибыль я мог извлечь на уроках информатики в сельской школе?

Опять молчание. Следователь и учитель смотрели друг на друга одинаково задумчивым взглядом.

- Скажите, снова заговорил следователь. Я знакомился с вашим личным делом. Вы десять лет проработали системным программистом в преуспевающей фирме. Приличная зарплата, уважение сотрудников, никаких конфликтов или нареканий. Почему вы сменили эту работу на ставку учителя сельской школы?
- Да я и не собирался менять. Дело случая. Директор нашей школы мой однокашник. У них в середине учебного года произошло ЧП возгорание из-за ветхой проводки. Бросились спасать детей, а информатик ещё пытался спасти компьютеры... Вам трудно понять, но этот класс собирался с таким трудом... В общем, мой коллега сильно обгорел. Меня и пригласили на замену. Не смог отказать кодекс студенческого братства, учитель вопросительно взглянул на следователя. Тот кивком подтвердил, что понимает.

- Ну вот, я же всю жизнь по работе имел дело с предметами неодушевлёнными. А тут дети. Да ещё подростки. Вначале я просто рвал и метал. Ругаться научился. Молча, про себя. Иначе не выдержать. Время считал, когда моя замена кончится. А потом как-то приболел, обрадовался: дома спокойно посижу, любимым делом займусь. И тут понял да ведь это моё. Знаете, когда я сидел над программами, выше всего интеллект ценил. Самолюбованием занимался, думал, любую задачу решить могу. Оказалось есть другая жизнь, в которой голый интеллект ничего не значит. Проблемы там посложнее простой логикой не обойдёшься.
- Знаете, учитель неожиданно улыбнулся все эти идиоты, которым не хватает адреналина по жизни, вместо того, чтобы гонять ночью по дорогам, шли бы работать в школы. Получат весь спектр переживаний и даже с горкой. Это я говорю в переносном смысле, как сравнение силы эмоций. Идиоты в школе, конечно не нужны. Учитель должен быть хоть немного умнее своих учеников. Трудное это дело учить и воспитывать. Очень трудное.
 - Да, кивнул Малиновский. Очень трудное.

И неожиданно для себя добавил:

- Мой сын в пятом классе, вроде ещё ничего сложного, а уже репетиторы нужны.
- Чушь! Если после моих уроков нужны репетиторы грош мне цена! Дело тут в другом... А дети у нас умные. И талантливые!
 - Bce?
 - Bce!
- Ну, пока можете идти. Я вас отпускаю под подписку о невыезде. Будем разбираться. Но от работы вас отстранят на время следствия, сказал Малиновский, выписывая пропуск.

Рука учителя, протянутая за пропуском, замерла.

- Как отстранят? Сейчас подготовка к экзаменам пойдёт! У нас информатику многие выбирают. Меня же некем заменить!
- —Ну, это уж вы там с директором сами решайте. Согласно кодексу... студенческого братства.

Учитель рванул со своего стула, как бегун со стартовой черты.

«Договорятся», — усмехнулся про себя следователь и перевел взгляд за окно, кончиками пальцев машинально трогая края папки. Будто выравнивал стопку листов, которые ещё не добавлены к делу.

«А ведь так или иначе, молодому человеку припаяют по полной, — подумал следователь. — С корпорацией не поспоришь, раз они решили организовать образцово-показательный процесс по защите интеллектуальной собственности. Да, очень трудное дело».

За окном начиналась весна.

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Православный веселится наш народ! И быстрее, шибче воли Поезд мчится в чисто поле!

апряжённый, изматывающий рабочий день закончился. А впереди ещё предстояла долгая дорога домой. Это не страшно, это даже очень хорошо. После многочасового общения с людьми, решения запутанных проблем, споров, конфликтов, одиночество в дальней дороге равносильно успокаивающей медитации. Татьяна любила ездить на переднем сиденье, рядом с шофёром. Особенно в дальних поездках. Как далеко убегает мысль в просторы предстоящей жизни, и как этой дороги впереди ещё много! Летишь туда, за горизонт, а там... Там всегда лучше, чем здесь! В дороге это так хорошо понимается, не разумом — всем телом. Потому-то дорога так уравновешивает все чувства, настраивает, как скрипач свой инструмент перед концертом. Если, конечно, попутная песня не мешает.

Нет, это невозможно выносить! Какую только музыку ни выбирают водители маршруток для услаждения слуха своих пассажиров! А заодно и самих себя. Чтобы скрасить долгий путь, бесконечно повторяющийся. Какой пошлятины не наслушаешься из этого «Дорожного радио»! То «А у нас всё пучком...». Что пучком, каким пучком, а, главное, почему этому надо радоваться? А этот шедевр: «Женская дружба не отдыхает, всякое в этой дружбе бывает...»? При нынешнем извращённом восприятии некоторых вещей совсем нехорошие ассоциации возникают. Не говоря уже о шедеврах из цикла «тюремная лирика». А однажды Татьяна не поверила своим

ушам. Из динамика понеслись, правда, приглушённо, следующие строки: «Я нажимаю на педаль, на точку эрогенную». Честное слово, не поверила бы, если б кто рассказал! Да никто не расскажет, у нас эти музыкальные ужасы воспринимаются... никак не воспринимаются. Все привыкли. Самое главное, никуда от них не денешься. Из междугородной маршрутки на первой попавшейся остановке не сойдёшь и на ходу не выскочишь. Получается форменная «музыкальная шкатулка» — была такая пытка времен Второй мировой. А бедных пассажиров с какой целью пытать? Чего от них хотят добиться? Чтоб никогда этим видом транспорта не пользовались?

Татьяна с раздражением покосилась на человека, сидящего на месте водителя, по левую руку от нее. Ну, конечно, типичный водила. Молодой ещё, невысокий, короткие тёмные волосы. Длинный острый нос и острый подбородок как будто обгоняют остальное лицо — так выдвинуты вперед. Глазки близко посаженные так и зыркают по сторонам.

Такой весь незаметный. Никакой. Но суетливый до надоедливости. На каждой остановке так опекает пассажиров — тошно делается.

- Граждане, не толпитесь, без вас не уеду!
- Граждане, пропустите женщину с ребёнком!
- Молодой человек, уступите переднее место женщине с ребёнком, эти места специально для пассажиров с детьми. Здесь трясет меньше!

И так до бесконечности. Зануда! Да ещё: «Кому надо в туалет, кому надо в буфет? Вот здесь рядом хорошее кафе». Будто ему проценты за клиентов отстёгивают в этом кафе!

Ну и, конечно, музыкальное сопровождение включил соответствующее: правда, не тюремную лирику, просто блеклую современную эстраду, под стать ему самому. Как-то она хорошо вязалась с его сереньким обликом.

А он ещё сделал погромче, чтоб весь салон смог насладится. А то скучно в пути. Вон, сидит, вцепился в баранку, доволен собой. Прямо лучится весь. Не замечает, что на пассажиров этот «музон», как говорил Тальков, производит обратное действие. А может, и не «музон», дорога и впрямь дальняя, устали люди. В салоне временами слышатся перебранки пассажиров. Дети капризничают.

Младенец на руках женщины на переднем сиденье порой начинает реветь, как пароходная сирена, еле успокаивают. Наверно, лучше вообще без попутной песни, чем с такой.

Татьяна почувствовала, что её раздражение готово выплеснуться наружу и постаралась по возможности спокойно попросить:

- Вы не могли бы сделать музыку потише?
- A что, вам не нравится? с искренним удивлением спросил водитель.

Татьяну так и подмывало также искренне ответить в том смысле, что кому это может понравиться, но она сдержалась.

- Нет, просто сказала она.
- А что вам нравится? не отставал настырный шофер.

Видимо, раздражение всё же не удалось совсем подавить, потому что Татьяна ответила честно и невпопад:

—Первый концерт Чайковского для фортепиано с оркестром.

Если бы ретивому шоферу кто-то дал под дых, эффект был бы меньше.

Маршрутчик замолчал и весь как-то притих, прямо сжался на своем водительском месте. Потом очень осторожно спросил:

- А Аббу вы любите?
- Аббу люблю.

Водитель порылся в своих закромах, нашел диск, поставил. Из динамика вполголоса понеслось: «Dancing Queen, dancing Queen, only seventeen...»

Раздражение отпустило, и Татьяна наконец-то стала замечать окружающий пейзаж. Вся дорога впереди как на ладони, обзор такой широкий — и по правую руку, и по левую. Вот кто-то из пассажиров сзади возбуждённо воскликнул: «Смотрите: лиса, лиса!». Все встрепенулись, как по команде обратились налево.

И правда, по белоснежной зимней равнине, притенённой низкими серыми облаками, всё равно ослепительно яркая, пушистая рыжая красавица неторопливо рысила по своим делам. Тот же голос восхищенно произнёс:

— Ничего не боятся! Машины там, не машины.

Басовитый рассудительный мужской голос ответил:

— А чего им бояться? Машины на дороге, они у себя дома. Их здесь полно!

После созерцания лисы пассажиры как-то поуспокоились, сзади слышались негромкие разговоры, рассуждения о жизни диких животных в наших краях, лисиц в частности.

Даже младенец на переднем сиденье угомонился и, казалось, участвовал в общей беседе, вставляя свое веское «Ба-ба-ба!»

Вот опять остановка. Можно подумать, этот провинциальный городок — родной и любимый город нашего шофёра. Он как-то отошёл от музыкального шока и взахлёб рассказывал старым и новым пассажирам о его красотах и достопримечательностях.

- А вы знаете, почему он так называется Стародуб...
- А вы знаете, когда он был основан...
- А вы знаете...

Ну, завел свою волынку! Пассажиры начали волноваться. Вообще-то отправляться пора! Чего стоим? А куда это наш гид выпрыгивает из «газели»? Что ему там надо, на этой грязненькой привокзальной площади? Татьяна увидела, как он суетливой побежкой направился прямиком к ребёнку лет двух, стоявшему на ходу движения маршруток в полном одиночестве. Ребенок не плакал, а издавал губами звук, имитирующий работу мотора, и был по видимости упоён своим занятием. На снующие вокруг машины он, образно говоря, чихал. Проходящий мимо мужик обратил внимание на малыша, остановился, глянул на миловидное личико, обрамлённое девичьей красной шапочкой, подумал и вынес свой вердикт:

— Ну, если едет, значит, пацан!

И пошел дальше. Наш водила подхватил малыша на руки и побежал с ним к стояшим на остановке:

— Граждане, чей ребенок?

Ребенок был ничей. Пассажиры «его» маршрутки перестали интересоваться временем отбытия, понимая, что их гид не успокоится, пока не найдёт незадачливых родителей. На их счастье, из здания вокзала стремительно выбежала встревоженная молодая женщина. Ее беспокойный, ищущий взгляд тут же задержался на ребёнке на руках у шофёра. Она резко остановилась, перевела дыхание. Водитель сам подбежал к ней, передал малыша с рук на руки. Женщина почти успокоилась, стала извиняться, благодарить:

- Вот такой непоседа! Платила в кассу за билет, а он...
- Да я сам такой был, широко улыбнулся водитель, всегда к машинам убегал! Вот, вырос шофёром стал! Вы его не ругайте! Это у него призвание!

Женщина улыбнулась в ответ, успокоенно направилась в здание вокзала.

Водитель сел на своё место, всё ещё улыбаясь, включил зажигание, маршрутка тронулась.

Пассажиры почему-то тоже улыбались, переглядываясь, кивая друг другу утвердительно, будто услышали или увидели что-то очень правильное. Никто не упрекнул шофера за задержку.

Вот, подумалось Татьяне, не так долго и простояли, а кругом уже сгущались ранние зимние сумерки. А ещё ехать и ехать. Но эта мысль не вызвала ни досады, ни раздражения. Вспомнилось другое: «Вот, великий француз сказал, что мы в ответе за тех, кого приручили. А за тех, кого не приручали? Наверное, мы просто в ответе за всё, что происходит при нас. Даже если это нас вроде не касается».

Татьяна перевела взгляд на бегущую под колёса асфальтовую полосу. Вечерело, дорога смутно серела на тёмно-белом фоне. По обе стороны убегали назад зимние сосны в снежных плащах. Женщина на переднем сиденье для пассажиров с детьми убаюкивала своего младенца:

— Придёт серенький волчок и ухватит за бочок!

Младенец, засыпая, улыбался. Зачем волчку хватать его за бочок? Он с мамой в машине, а волчок у себя дома, в лесу. Спит, должно быть, прикрыв нос пушистым хвостом. А водитель крепко держит руль и довезёт всех пассажиров в целости и сохранности, зануда такая.

А из динамика скорее угадывалось, чем слышалось по-прежнему ликующее — «Dancing Queen, dancing Queen, only seventeen!» Конечно же, конечно, всего семнадцать! Всё впереди. Ведь мы в пути...

КАК БУДТО

октор Иван Петрович Пастухов поднял голову от раскрытой на столе медицинской карты и сухо спросил:

— На что жалуетесь?

— Жалоб нет, — с торопливой готовностью ответил сидящий напротив немолодой мужчина.

«Оно и видно, что жалоб нет, даром, что губы обмётаны, голос хрипловат — когда говорит, чувствуется, горло саднит. Небось, курильщик заядлый. Покашливает — легкие или бронхи не в порядке. Обследовать надо. Лечить, пока не поздно. Да в медкнижку этого не занесёшь. Все они под угрозой увольнения ходят. Возраст пенсионный, да ещё с подозрением на болезнь лёгких — первый кандидат», — думал Иван Петрович, автоматически выводя на чистой странице заветный диагноз: практически здоров.

Дис-пан-сери-зация — такое длинное, неуклюжее слово. Оно ассоциировалось с шуршащим по гальке хвостом какого-то доисторического ящера. Еле выговоришь.

Иван Петрович своего пациента понимал прекрасно. Самому семьдесят два года. Молодёжь на пятки наступает. И не в том дело, что он постарел и стал хуже лечить. И не в том, что врачей переизбыток. Иван Петрович усмехнулся. Усмешка вышла кривой. Оптимизация здравоохранения, будь она неладна. Тоже выдумали словечко, не хуже того, шуршащего. А в переводе это значит — врачей меньше, а работать они должны лучше. Тридцать—сорок пациентов на приём. Как хочешь, так и обходись. Посчитали — ему, в его возрасте, с этим не справиться.

Вот и оказался здесь, на приёме «практически здоровых людей». На диспансеризации в научно-педагогическом учреждении. Где заранее известно, что будет записано в медицинской книжке. Да, всё это было понятно, но Иван Петрович чувствовал всё нараставшее раздражение. Смесь острого недовольства собой и подспудного гнева на бодрых пациентов. Хотя они-то в чём виноваты?

Иван Петрович сердито нахмурился и громче, чем следовало, крикнул:

— Следующий!

Никто не вошёл. Очередь иссякла. Да и то, время позднее. Вон уже за окном и сумерки. Домой пора. Иван Петрович медленно поднялся со стула, снял с шеи стетоскоп, так ни разу и не использованный за весь день. Свернув гибкие трубки, спрятал в ящик стола. Наклонившись к нижнему отделу шкафа, переобулся. С трудом разогнулся, будто на самом деле за приём успел состариться как минимум на год. Мельком взглянул на себя в зеркало. Да-а-а. Действительно, такого либо самого на диспансеризацию, либо сразу в утиль. Закрывая двери здравпункта, Иван Петрович продолжал думать о том же. Как он оказался здесь — выброшенным на обочину диспансеризации, так изматывавшей его самого и ни зачем не нужной пациентам?

Да, заработок нужен — хотя бы такой. Внучка решила получить вторую «вышку», как молодежь это называет. Была инженером, теперь решила, что будет дизайнером. Ищет себя. Вторая «вышка» платная, двух пенсий — его и жены — не хватает.

Иван Петрович вышел из корпуса и невольно остановился. На улице была весна. Сумерки светлели меж деревьев старинного парка, вокруг не было ни души. Красиво здесь всё-таки! Ухоженные газоны, цветники, аллеи. А воздух какой! Сладкий, свежий аромат цветущих яблонь долетал из подопытного фруктового сада. Урожай будет в этом году — дай бог справиться.

Иван Петрович сам не заметил, как расправились плечи, поднялась голова, шаг стал широк и упруг, и только сейчас понял, в какой согбенной позе провел за столом весь день. Эта поза его старила, или что-то ещё? Иван Петрович хорошо знал, что он терапевт, что называется, «от бога». Ему достаточно всмотреться, вслушаться в больного, и он уже знал, что с человеком. Экстрасенс, как думали некоторые, даже коллеги. Пусть думают, что хотят. Будто не знают, что если человек приходит не слишком поздно к хорошему врачу — он уходит исцелённым. И никакой экстрасенсорики. Просто их совместные усилия, и его поддержка, и уверенность в результате. И на всё это у него, врача, должно хватить сил. Сил хватало. Он в свои семьдесят два мог дать фору любому из молодых врачей и даже студентов-практикантов. Не зря,

когда решил стать медиком, так рьяно взялся за выполнение первого врачебного завета — «врачу, исцелися сам»! И сейчас был не то, что называется «практически здоров», а просто здоров. Но если дело так пойдёт дальше...

Иван Петрович невольно снова сгорбился и вновь расправил плечи. Дома его ждали две любимые женщины, две Маши — жена и внучка. «Мои молодильные яблочки», — шутил. Одна мысль о них радовала и молодила. Раньше такое чувство возникало и после тяжёлого трудового дня. Когда он действительно лечил, словно откидывая и от себя хвори, незримо витающие в воздухе каждого лечебного заведения. Он радовался победам над чужим недугом, был доволен собой и... любил своих самых трудных пациентов.

А сейчас... Он принимает больных... как будто. Он — врач — «как будто», как в детской игре. Это не просто старит. Это — убивает.

Вот и внучка, видно, тоже не желает быть «как будто» инженером. А ведь училась хорошо, девочка она добросовестная. Да больно была невеселая, скучная, приходя с занятий в своем техническом университете.

Иван Петрович вспомнил: Машутка жаловалась, что не по сердцу ей эта профессия, не любит она чертежи, детали. На что жена его сказала:

— Знать, не по любви выбирала. Это как с добрым молодцем — кажется, понравился, всем вроде хорош — а любви нет! И счастья не будет, как ни раскладывай по полочкам — и квартира, мол, и машина, и зарплата, и статус. Голову-то вскружить может, да это не любовь.

И тогда Машутка спросила:

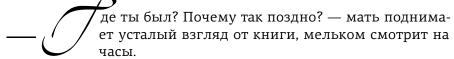
- А как отличить?
- Да просто, был ответ. Любовь это как указатель на дороге, мол, тебе вот туда надо.
- Ну-у, протянула Машутка, знаки на дороге различать учат. Что, и в любви надо учиться?
 - Конечно!
- Вот, Манюня, по-доброму усмехнулся Иван Петрович, надо же, определила! А если к себе приложить?

Дорогу он выбрал верно — это он знал твёрдо. То, что дело надо любить, — не новость. А что еще?

— А ещё — надо любить себя в своем деле, а ещё тех, ради кого трудишься, — понял вдруг Иван Петрович. Иначе...

Иначе так и будет — «как будто». Работа как будто. Жизнь как будто. Любовь? А любовь «как будто» не бывает.

ВЗРЫВ

- Мог бы прийти не поздно, а рано. Мог бы вообще не прийти. Мне двадцать восемь, я десять лет как совершеннолетний, сын, не раздеваясь, в расстёгнутом пальто и висящем на шее модном шарфе, прислонился к притолоке и с усмешкой смотрел на мать.
- Но, как видишь, вернулся. Ты же волнуешься!
- Мог бы позвонить, я бы не волновалась! А ты выключил мобильник!
 - Ещё бы! Мне было не до мобильника!
 - И не до матери, и не до чего больше... Ты был с ней?!
 - Ну, я не обязан отчитываться, но... Да, с ней! И что?
- Ты ещё спрашиваешь! Лучше скажи мне, на какие средства я буду тебя лечить, когда она наградит тебя... В твои года люди женятся, а ты...
- —Ну, если дело за этим, я тоже могу жениться! И ты больше не будешь ждать меня до двух часов ночи! сыну явно доставлял удовольствие этот разговор.

После бурно проведенного вечера он чувствовал полёт и вдохновение. Сейчас он действительно был способен на всё. И правда, пора кончать с этой детской зависимостью — не ходи туда, не дружи с этим, не встречайся с той, возвращайся вовремя! Сколько можно! И этот вечный припев: «Я тебе всю жизнь отдала...» Могла бы и не говорить. Отец ушёл из семьи давно, и давно сын понял, что мать живёт для него и ради него. Дети такое понимают быстро. До недавнего времени сын и не протестовал: так было удобно. Мать работала, оплачивала его учёбу, все расходы

на хозяйство, счета за квартиру. Сын учился — сначала в одном вузе, потом в другом. Он ещё не нашел себя — ни в профессии, ни в личной жизни.

До встречи с этой девушкой такое положение вещей его вполне устраивало. Но сейчас! Она не была ни его первой, ни даже десятой любовью, но такие ощущения он испытывал впервые.

— Профессионалка, — пожимали плечами друзья.

Ему было всё равно. Ему бы хотелось продлить отношения, насколько это возможно. Жениться? Почему бы нет! Вряд ли ей сплошь и рядом предлагают руку и сердце.

Тогда он вообще получал её в своё полное и безраздельное пользование... хотя бы на пару ближайших лет. А что там дальше — какая разница! Может быть, и ему надоест!

Один вопрос — куда привести невесту? В их «однушку»? От женатых друзей он знал, во что превращается жизнь в таком случае. На съёмную квартиру? За неё надо платить, а он не работает. Он учится. Позволить ей «подрабатывать» на стороне? Тоже выход, но и у него есть мужские амбиции...

Неожиданно перед ним встала масса проблем, которые надо както решать, и он был раздражён необходимостью преодолевать какие-то барьеры, вставшие поперёк гладкого течения его жизни. Сын, крепко стиснув в руках концы шарфа, ехидно посмотрел на мать:

- Так как насчет женитьбы единственного сына? Ты же этого всегда хотела! Ну, вот, сбылась твоя мечта. Почему же ты не радуешься?
 - Хватит меня дразнить, сынок. Давай спать, мне утром на работу.
- А я серьёзно. И поскольку я ещё не заработал на собственное жильё, первое время жить мы будем здесь, одной дружной семьей. Все будут счастливы.

Мать молчала и с тупым недоумением смотрела на сына. Поздняя ночь, она устала, изнервничалась, завтра рабочий день... Такого она никак не ожидала. Сын не советовался, не спрашивал — он просто объявлял о немыслимом, как о деле решённом. Привести в их дом шлюху! И что ему взбрело в голову?

- Она что, беременна?! мать сама не поняла, подумала она или произнесла вслух эту мысль.
- Ещё нет, сын с любопытством взглянул на мать. Но за этим дело не станет. Если постараться.

- О чём ты говоришь, сынок? Ты обо мне подумал? Это же невозможно, ты и сам всё понимаешь! от усталости, от ужаса и обиды, от невообразимости происходящего мать не находила нужных, убедительных слов. Да и какие тут слова, всё же очевидно! Неужели сын не понимает?
- Ну, хватит! сын нервно передёрнул шарф, я слишком много думал о тебе, все делал, как ты хотела, пора и о себе подумать! Завтра же сделаю предложение, думаю, она с восторгом его примет. Через три месяца приведу в дом молодую жену. За три месяца ты привыкнешь к этой мысли.
- За три месяца меня не станет, чувствуя, как холодеет под сердцем и чугунной тяжестью наливается голова, прошептала мать и из последних сил выкрикнула: Только через мой труп!

Сын замер. Сжав обеими руками концы шарфа, он глядел на мать. Впервые проснувшееся в нём ощущение чужой боли, жалость к матери и детски-упрямое желание отстоять своё с такой силой столкнулись в душе, что голова его непроизвольно откинулась назад, словно он получил удар в лицо. Непримиримые чувства кипели в нём и, наконец, взорвались.

— Ну, если так, ты меня больше не увидишь! — сын, продолжая судорожно сжимать шарф, толкнул плечом входную дверь и шагнул за порог. Дверь захлопнулась.

Мать не шевелясь, глядела на то место, где только что стоял ее сын. Единственное дитя, единственный смысл существования. Получается, она его выгнала? Сама оборвала нить, соединявшую их, единственную нить, связывавшую ее с жизнью. Она пока не могла понять, как же это произошло, вот так сразу, вдруг, ни с того, ни с сего? Она даже не могла понять, что она чувствует. Одним реальным ощущением была нарастающая головная боль, её даже стало подташнивать.

Мать машинально сняла с полки аптечку и стала перебирать упаковки. Названия лекарств плыли перед глазами. Она пыталась вчитаться в надписи. Ничего не получалось. Пакетики, коробочки, старые рецепты, шурша, рассыпались по столу, падали на пол, ускользали из слабых пальцев. Рассыпались, ускользали из слабых материнских рук надежды, желания, мечты о будущем. Мать

зажала в руке пакетик, пытаясь хоть что-то удержать, опустилась на стул и застыла.

Резкий звонок в дверь заставил ее сильно вздрогнуть. У сына был ключ. Что ещё стряслось? С сыном?! Она бросилась к двери, трясущейся рукой повернула защёлку замка.

На пороге стоял сын, пальто по-прежнему было расстёгнуто, шарф совсем съехал на одну сторону. С лестничной клетки доносилось звонкое цоканье о ступени вылетевшего из кармана ключа. Сын глянул на зажатый в руке матери пакетик с лекарством, бросил взгляд в комнату, на засыпанный лекарственными упаковками стол, валяющиеся на полу белые конвертики с надпечатками...

— Мама!

Она, не понимая, молча смотрела на него.

- Мама!!!
- Голова разболелась, не могу найти лекарство, просто сказала мать.

Сын сглотнул, привалившись к двери, перевёл дыхание. Стараясь говорить обычным тоном, спросил:

- Какое лекарство?
- Аскофен.
- Первобытное средство, сын прошёл в комнату, перебрал упаковки на столе, присев, поднял упавшие пакетики.
 - Вот, держи.

Мать проглотила таблетку, не глядя на название на этикетке.

— Раз помогает аскофен, значит, поможет и обычный чай, там тоже кофеин. — Сын вышел в прихожую, снял пальто, сунул ноги в разношенные шлепанцы. Перекошенный шарф так и остался на шее. Прошел в кухню, послышался шум воды, ударившей в дно чайника. Зашипел газ.

Мать, опираясь рукой о край стола, доплелась до кушетки. Боль стала проходить, как только голова коснулась подушки. Сын выглянул из кухни, осторожно подойдя к ней, прикрыл ноги матери пледом, тихо вышел.

Мать вздохнула, в усталой голове промелькнула мысль: «Сейчас не буду думать, почему он это делает», и стала засыпать под мирный свист закипающего чайника.

Наталья Алексеевна ШЕСТАКОВА

Живёт в г. Брянске. Член литературного объединения при Брянском отделении СПР. Печаталась в альманахе «Литературный Брянск: специальный выпуск «Наша Победа» (2015), литературном альманахе «Небесный город» (Самара, 2016), литературно-музыкальном альманахе «Ковчег» (Тула, 2017), в поэтических сборниках «Стихия природы», «Связующее слово» (Рязань, 2017), «Брянские поэты: избранное» (Брянск, 2018) и др.

Дипломант Международного литературного конкурса «Небесный город» номинация «Поэзия НЕБЕСНОГО ГОРОДА» (Самара, 2016), финалист Всероссийского литературного конкурса, посвящённого 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева (2018), лауреат III степени международного литературно-художественного конкурса «Листья дуба – 2018».

Автор поэтического сборника «Время липового цвета» (2016).

КАК У НАС ВО ДВОРЕ...

ород N — один из многих десятков провинциальных городов России, история которых насчитывает более тысячи лет. В нём, как и в других городах, среди многочисленных однотипных пятиэтажек нередко встречаются частные деревянные домики с огороженными покосившимся штакетником крохотными палисадниками, нередко выходящими прямо на центральные улицы. И — примета времени — вычурного вида многоэтажные новострои, высокомерно возвышающиеся в самых престижных городских местах.

В центре города N в одной из хрущёвских малогабариток проживала пожилая семейная пара — Пётр Афанасьевич и Анна Семёновна Полежаевы.

Пётр Афанасьевич был коренным городским жителем. Он родился в семье потомственных учителей, где родителей, кроме любви, объединяли не только работа, но и общие увлечения и интересы. Посему и вырос Петруша спокойным и уравновешенным человеком и профессию выбрал в соответствии со своими склонностями и предпочтениями. Окончив исторический факультет местного пединститута, он со временем устроился на работу в краеведческий музей, где добросовестно трудился до своего шестидесятилетия.

Сидя в тишине маленького кабинета, заставленного старинными прялками, самоварами, махотками и самодельными куклами-оберегами, он изучал этнографию своей области. Коллектив музея состоял в основном женщин. У каждой сотрудницы были либо маленькие дети, либо маленькие внуки, за которыми нужен круглосуточный уход и присмотр, поэтому поездки по глухим уголкам «за чайниками», как всегда говаривал Пётр Афанасьевич, собираясь в очередную экспедицию, он, как правило, совершал один, да и обработку привезённых материалов в большинстве случаев делал сам.

Нужно сказать, что постоянное отсутствие помощников ему никогда не мешало, скорее наоборот. Вынужденное одиночество на работе вырабатывало в нём самостоятельность и профессиональную ответственность, а так же располагало к созерцательности и философствованию, что ещё более усиливало неторопливость и доброжелательность его натуры. Анна Семёновна была полной противоположностью своему супругу. До выхода на пенсию она работала медицинской сестрой в одной из городских поликлиник. Постоянное общение с ежедневными потоками раздражённых посетителей проявило командирские черты её характера и сделало бойкой на язычок.

Однако профессия дала Анне Семёновне и много хорошего. Аккуратность, пунктуальность, умение услышать человека, быстро сориентироваться в сложной ситуации — далеко не полный список её достоинств, сформированных её, в общем-то, нелёгкой работой.

В своё время деревенская девочка Анечка приехала в город N. поступать в медицинское училище. Самой большой её мечтой тогда было выучиться на медсестру и вернуться в родное село. Но — человек располагает...

Перед началом второго курса все группы студентов училища, кроме выпускных, были отправлены по разным отдалённым совхозам и колхозам «на картошку». Там Анечка и познакомилась с Петрушей, будущим Петром Афанасьевичем, который в подшефном совхозе в составе трудового десанта истфака с энтузиазмом возводил новую свиноферму.

Как и любая девочка её группы, приехавшей наполнять картошкой закрома родины, Анечка с интересом присматривалась к крепким и весёлым ребятам.

Днём молодые историки работали яростно и споро, потому что по окончании строительства им была обещана неплохая сумма. После работы, лёгкие на разные проделки, не всегда сдержанные на язык, они, вырвавшиеся из-под родительской опеки, частенько затаривались красным дешёвым вином, прикупленном в местном лабазе (так они называли магазин) и вместе с девчатами почти каждую ночь уходили за деревню жечь костёр и жарить шашлыки из не успевшей вовремя спрятаться в своём дворе курицы или утки.

Выросшая в деревне, хорошо усвоившая особенности жизни и взаимоотношений в крестьянской семье, Анечка подмечала многое, чего не осознавали её городские подружки. Она видела, что парни из студенческого отряда, несмотря на довольно взрослый внешний вид, ещё достаточно легкомысленны, и всей своей просыпающейся женской чуткостью понимала, что Петру не очень-то по нраву их вольный образ жизни, хотя он и старается никоим образом не показывать этого перед своими товарищами. Её привле-

кал спокойный характер Петра, и очень нравились его сдержанность, начитанность и рассудительность.

Пётр тоже обратил внимание на симпатичную светловолосую девушку с немодной по городским меркам косой почти до пояса, на её открытый взгляд и искренний интерес к нему самому.

И вот с того счастливого времени — они уже более сорока лет вместе. Неизменно поддерживая друг друга «и в горе и в радости», они вырастили и поставили на ноги двоих детей, пережили «лихие» девяностые с их талонами на продукты, смену политического режима, безденежье и постоянный страх остаться без работы...

Наконец наступила пора заслуженного отдыха.

Чете Полежаевых вполне хватало скромной пенсии и маленькой полуторки на пятом этаже, так как их дети давным-давно выросли и разъехались: старший сын — в столицу-матушку, а младшая дочка — к мужу на соседнюю улицу.

Супруги были людьми общительными, а потому, прожив бок о бок с соседями не один десяток лет, хорошо знали друг друга, а с некоторыми даже дружили. В доме проживало много пожилых одиноких женщин, и они не стеснялись в случае нужды обращаться к Анне Семёновне за медицинской помощью, а к Петру Афанасьевичу по мелким столярно-слесарным вопросам.

Никогда из-за двери их маленькой квартирки не доносилось криков и скандалов, а от Петра Афанасьевича никто не слышал грубого или бранного слова. Все жильцы дома сходились во мнении, что это была идеальная семейная пара.

И даже заядлая скандалистка и сплетница Лидуся из соседнего подъезда, с лёгкостью выдумывавшая про своих соседей всякие небылицы, не могла сочинить на них мало-мальски правдоподобного компромата. Она очень завидовала Анне Семёновне, потому что, во-первых, ни в ближайшем Лидусином окружении, ни даже на далёкой его окраине не встречались мужчины непьющие и нематерящиеся, а во-вторых, было Лидусе удивительно и непонятно, как это при нынешней сумасшедшей жизни можно так долго проживать в любви, уважении и взаимном согласии.

Лидуся жила в однушке на первом этаже. Детей у неё не было, да и построить семью не удалось. Лидуся несколько раз выходила замуж, но мужья её, хотя и с удовольствием «давили» купленные на Лиду-

сины денежки бутылочки, долго не задерживались из-за нервического характера супружницы. Неустроенность личной жизни, годы, всё быстрее и неумолимее летящие ко времени, когда пора уже «с горки», одиночество превратили Лидусю в бесцеремонную крикливую тётку, готовую сцепиться с любым соседом по любому поводу. А уж зависть к чужому благополучию делала её фантазию просто неуёмной.

У Петра Афанасьевича была одна маленькая безобидная слабость — он очень любил кошек. Но в квартире супруги пушистых питомцев не держали, потому что Анна Семёновна их весьма недолюбливала. Бывая в гостях у некоторых своих приятельниц-кошатниц, она отчётливо видела ободранные обои, вытянутые нитки на обивке диванов и кресел и шерсть, шерсть, шерсть на одежде, на коврах, на кухне, в ванной, в холодильнике, в борще... Для аккуратистки и чистюли Анны Семёновны такая ситуация в её квартире была просто неприемлема. Пётр Афанасьевич понимал мотивацию своей супруги, а потому никогда не предлагал взять в дом какую-нибудь животинку.

Ввиду вышеперечисленных обстоятельств Пётр Афанасьевич всю свою нерастраченную любовь к животным переносил на бездомных кошек, которых во дворе их дома обитало десятка полтора. Он знал их всех, что называется, «в лицо» и каждой, в соответствии с её характером или окраской, придумал имя.

Были здесь и Пёстрая, и Жёлтый, и Марсик, и Куся, и Борюсик. А старую пятнистую кошку, жившую во дворе уже шестой год, он почему-то называл Мурзилищей — наверное, за её солидность и толщину, приобретённые с возрастом.

Во дворе дома, где жили супруги Полежаевы, росли старые яблони, оставшиеся от прежних владельцев земельного участка. В тёплые дни Пётр Афанасьевич любил выйти во двор и посидеть в их тенёчке на лавочке, и тогда неподалёку от него пристраивалась дворовая кошачья семейка. Большинство кошек укладывалось в траве под кустами, кто-то устраивался на корявых ветках старых дичающих яблонь, две-три — прятались в тени от скамейки, а самая смелая запрыгивала на лавку и укладывалась в полуметре от Петра Афанасьевича. Разомлевший от проявленного к нему кошачьего доверия, Пётр Афанасьевич начинал тихонько разговаривать со своими разноцветными подружками, которые делали вид, что это им нисколько не интересно, но в то же время чутко вслу-

шивались в ласковые переливы человеческого голоса. Они своим кошачьим умишком прекрасно понимали, что этот высокий пожилой мужчина любит их, и молча отвечали ему взаимностью.

Выходя из дома, Пётр Афанасьевич обязательно брал с собой остатки еды и с каким-то неизъяснимым чувством смотрел, как кошачья братия, завидев, как он выходит из подъезда, стремительно бросалась к нему, тоненько пища: «А-а-а, а-а-а, ма-а-а...». Кошки начинали вертеться вокруг его ног, слегка касаясь брючин либо кончиками высоко поднятых от избытка чувств хвостов, либо на мгновение прислоняясь к ним своими поджарыми боками, и, продолжая попискивать, старались заглянуть Петру Афанасьевичу в глаза.

Пётр Афанасьевич хорошо знал характеры своих подопечных и поэтому еду, которую носил им каждый день, старался давать таким образом, чтобы хоть маленький кусочек, но достался каждому. Получив свою порцию, одни кошки утаскивали её в сторону от общей кучки столовавшихся, другие же начинали трапезу прямо на месте.

Пётр Афанасьевич стоял посреди этой пёстрой шерстяной толпы, блаженно улыбался и ласково бормотал:

— Ай, хорошие мои, проголодались? Проголодались... Кушайте, кушайте... Я ещё вам принесу...

Если в этот момент мимо проходила Лидуся, в глазах у неё черным огнём вспыхивала злость: вот — твари бездомные, а приличный мужик их поджаливает да подкармливает. Но через мгновение злость проходила, потому что она каким-то десятым задним умом понимала, что бездомная кошачья жизнь, хоть четвёртая, хоть седьмая, всё же гораздо тяжелее, чем её непутёвая собственная...

- Чё, Афанасьич, все на месте? Продавать не собираешься? беззлобно острила Лидуся.
- Лидочка! Выбирайте любую! Вам бесплатно отдам, только не обижайте котейку, отшучивался Пётр Афанасьевич.
 - Зачем мне ещё и эта обуза? Своего хламу девать некуда!
- Что вы, Лидочка, какой же это хлам! Это капельки живой материи. Они, как и мы, тоже душу имеют.
- Ну, Афанасьич! Насмешил! Скажешь тоже живая материя! Они только спят да плодятся, плодятся да спят. Больше ни на что не способны.

И Лидуся с полным сознанием, что «уела» соседа-кошатника неоспоримыми фактами, горделиво шла дальше.

Так и жили Пётр Афанасьевич с Анной Семёновной. И казалось, ничто не может изменить их тихое и спокойное существование.

Но однажды случилось несчастье. А произошло вот что.

Пётр Афанасьевич как обычно собрался во двор посидеть на скамеечке и побеседовать со своими подопечными. Выходя из квартиры, он неловко зацепился то ли за ручку двери, то ли за придверный половичок и как-то неудачно упал прямо на лестничные ступеньки. Удар показался ему не очень сильным. Отдышавшись, Пётр Афанасьевич с трудом поднялся, пошевелил руками и ногами и, убедившись, что ничего не сломано, отправился на улицу. Вечером ему стало плохо — пришлось вызывать «скорую», она же увезла Петра Афанасьевича в больницу. Через неделю всё было кончено...

Перед отправкой на кладбище гроб с телом покойного установили возле подъезда. Кроме нескольких родственников и старинных друзей, проводить Петра Афанасьевича подошли несколько пожилых соседок да вездесущая Лидуся, которая принимала активное участие в помощи овдовевшей Анне Семёновне и между делом уже несколько раз успела помянуть новопреставленного раба Божия.

Сбившиеся в стайку старушки тихо переговаривались с роднёй и друзьями покойного, вспоминая добрым словом Петра Афанасьевича. Вдруг все застыли от неожиданно громкого возгласа Лидуси:

— Смотрите, смотрите!

На газоне, напротив подъезда, полукругом неподвижно сидело больше десятка дворовых кошек, которые, напряжённо вытянув шеи, все как одна смотрели в сторону усопшего.

Лидуся широко открытыми глазами смотрела на кошек, и в голове её зашевелилась мысль, от которой ей стало даже немного страшновато: «А ведь они всё понимают! Вот тебе и живая материя!»

На следующее утро, чертыхаясь и спотыкаясь о бессистемно расставленные по квартире табуретки, Лидуся чугунной головой с трудом соображала, что будет полезнее при её нездоровом состоянии — огуречный рассол или таблетка аспирина. Наконец она решила, что огуречный рассол всё-таки лучше и по логике вещей должен находиться в холодильнике. Лидуся распахнула спасительную дверцу и стала нетерпеливо рыться по полкам, забитым кастрюльками с остатками пищи и склянками с мутными жидкостями. К счастью, литровая банка с рассолом оказалась на месте.

Поправив здоровье, она вдруг впервые в жизни подумала: «А ведь кошаки-то голодные!» — и стала ссыпать остатки пищи из кастрюлек в полиэтиленовый пакет.

Выйдя во двор, Лидуся внимательно осмотрелась кругом, но кошек нигде не было видно. Тогда она стала медленно выговаривать непривычные для её языка слова:

— Кыса-кыса-кыса!

Но сколько она ни кыскала, на её страстный призыв не откликнулась ни одна кошка. Почему-то разозлившись, Лидуся высыпала еду возле скамейки, на которой любил сидеть Пётр Афанасьевич, и ушла домой.

Наступил полдень. Несколько отошедшая «от вчерашнего» Лидуся собралась в магазин за продуктами. Во дворе она первым делом посмотрела туда, где утром оставила еду. Было видно, что к ней никто не прикасался.

Еда оставалась нетронутой и на второй день, и на третий, пока не испортилась. Её пришлось убрать.

Прошло ещё несколько дней.

Кошки во дворе так и не объявлялись.

Лидуся ходила притихшая и трезвая.

Однажды утром Лидуся проснулась от пронзительного, отчаянного плача-крика:

— Мяу... ма... ма... мяу!

Она встала с постели и подошла к окну.

На дорожке возле подъезда, втянув голову в плечи, сидел маленький котёнок и с какой-то надрывно-тоскливой монотонностью мяукал.

Непонятная волна окатила Лидусю с головы до ног:

— Господи! Потерялся! А ежели сейчас собаки прибегут?

Лидуся быстро накинула на себя халат и выбежала на улицу. Она остановилась возле котёнка и замерла в нерешительности. Он, опустив голову и сжавшись в комочек, мелко дрожал. Почувствовав живое тепло, идущее от человека, котёнок поднялся, подошел к Лидусе и привалился к её ногам.

Что-то защемило у Лидуси в груди. Она нагнулась, взяла в ладони маленькое трясущееся существо и поднесла к лицу. Котёнок и Лидуся посмотрели друг другу в глаза. Лидуся выдохнула воздух, как будто от чего-то освободившись, и негромко произнесла:

— Ну, что, болезный, пошли домой...

СОДЕРЖАНИЕ

Введение – Александр Ронжин	3
Роман Абакумов	4
Суждения Силы небесные Маленькое чудо	7
Людмила Ашеко	12
Отпавшие крылья Земля Родины. Поток	17
Вячеслав Берзин	26
Сказка. Ночной диалог. Дезертир.	32
Татьяна Бойко	42
Венок судьбыВ снежном пленуМои питомцы. Записки Лёвушки	46
Валентина Быкова	50
Динка	51
Аркадий Зёрнов	62
Выстрел в ночи	
Надежда Кожевникова	70
Гордеев мостЗаберите моего брата Васю с собой	
Валентина Никитина	91
Очень маленький орёл (Короткие рассказы для детей)	91
Анатолий Остроухов	97
Мать-черёмуха	97
Виктор Решетнёв	106
1 pana1	111

Груша	112
КотоПёс и кукла Даша	
Спрятавшиеся игрушки	119
Лариса Семенищенкова	122
Чрезвычайная ситуация	123
Галина Солонова	142
Дело всей жизни	143
Карюта	149
Ох уж этот доллар!	153
Светлана Тарасова (Муравлёва)	156
Волейбол и три рубля	157
Про любовь	160
Про физику	163
Тамара Харитонова	166
Трудное дело	167
Попутная песня	170
Как будто	175
Взрыв	178
Наталья Шестакова	182
Как у нас во дворе	183

Poduvie rosoca

СБОРНИК РАССКАЗОВ БРЯНСКИХ ПРОЗАИКОВ

Дизайн и верстка Т. Черных Корректор Н. Шестакова

Подписано в печать 00.09.2018 г. Бумага офсетная. Формат $60 \times 84^{1}/_{16}$. Гарнирута PF Agora Serif Pro. Усл. печ. л. 11,16. Заказ № 0000. Тираж 150 экз.

Отпечатано